АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПЕСНЬ О СИДЕ

СТАРОИСПАНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ
Б.И ЯРХО и Ю.Б. КОРНЕЕВА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
А.А. СМИРНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ"

Академики *В. П. ВОЛГИН* (председатель), *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *Н. И. КОНРАД* (зам. председателя), *И. А. ОРБЕЛИ*, *М. Н. ТИХОМИРОВ*, *С. Д. СКАЗКИН*, члены-корреспонденты АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИРМУНСКИЙ*, *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, профессора *И. И. АНИСИМОВ*, *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *С. Л. УТЧЕНКО*, кандидат исторических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН* (ученый секретарь).

Ответственный редактор
А. А. СМИРНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

«Песнь о Сиде» — выдающийся памятник средневекового народного героического эпоса, занимающий столь же важное место в старинной испанской литературе, как «Песнь о Роланде» в литературе французской или «Песнь о Нибелунгах» в немецкой литературе. Замечательна поэма и своим идейным и художественным своеобразием. Несмотря, однако, на все достоинства «Песни о Сиде», до сих пор на русском языке не появлялось еще полного ее перевода (ибо нельзя считать таковым опубликованный в 1897 г. в серии «Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова» анонимный прозаический пересказ французского перевода Дамас-Инара, полный пропусков, упрощений и смысловых ошибок).

Настоящее издание является попыткой впервые дать советскому читателю научно организованный, полный и точный перевод этой замечательной поэмы, сделанный с испанского языка размером подлинника. Выполненный лет двадцать тому назад ученым-медиевистом, покойным профессором Б. И. Ярхо, он при жизни автора ни разу не издавался полностью. Лишь в 1938 г. проф. Р. О. Шор опубликовала значительные отрывки из него (примерно 50% всего текста), связанные пересказом опущенных мест, в составленной под ее редакцией «Хрестоматии по западноевропейской литературе средних веков».[1]

Крупный советский медиевист, хорошо вооруженный для разрешения всех историко-литературных и исторических вопросов, относящихся к тексту «Песни о Сиде», Б. И. Ярхо не ограничился точной

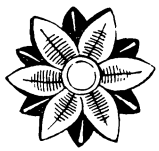
[1] Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература средних веков. Учпедгиз, М., 1938 (переиздана в 1953 г.).

передачей на русский язык текста по лучшему из существующих научных изданий (изд. Менендеса Пидаля), но, опираясь всякий раз на серьезные научные соображения, ввел ряд текстологических поправок, реконструировал или переставил многие стихи и т. п. Все это отразилось и на нумерации строк, часто отличающейся от нумерации, принятой Менендесом Пидалем, и потому для наглядности воспроизводимой нами в данном издании (подробнее об этом см. стр. 215), Б. И. Ярхо разработал также и ценный комментарий к поэме.

Наряду с большими научными достоинствами публикуемого перевода ему первоначально были свойственны некоторые недостатки, которые не были полностью устранены в результате редактуры Р. О. Шор. Сюда относится прежде всего злоупотребление древнерусскими словами и речениями, которые сейчас непонятны современному читателю и сильно затрудняют чтение поэмы («сулица», «прапор», «корзно», «гридень», «бармица» и т. п.). Кроме того, примененную в переводе ритмическую систему — четырехдольник — Б. И. Ярхо не всегда проводил достаточно четко и последовательно. Наконец, сомнительным нам представляется стремление Б. И. Ярхо передавать староиспанские имена собственные в форме, соответствующей, по данным исторической грамматики, их подлинному, часто диалектальному звучанию в XII в. (Бермудóс, Санчез, Тизона, Фаньез, Авенгальвон и т. п. вместо новых кастильских, т. е. утвердившихся сейчас в литературном общеиспанском языке форм: Бермýдес, Санчес, Тисона, Аньес, Абенгальбон и др.). Полезность такой архаизации имен нам казалась весьма сомнительной, и очевидное неудобство ее заключалось в том, что большинство собственных имен выпадало из известной довольно многим читателям фонетической системы живого испанского языка. Все это побудило нас при подготовке перевода Б. И. Ярхо к печати произвести довольно значительную переработку его. Переработка эта, — не затрагивающая, однако, основной стилистической и метрической структуры перевода, — произведена Ю. Б. Корнеевым и А. А. Смирновым.

К тексту самой «Песни о Сиде» в настоящем издании присоединен ряд исторических и поэтических текстов, помогающих лучше понять некоторые места из поэмы и освещающих общее развитие ле-

генды о Сиде. В приложении, кроме комментариев к «Песни о Сиде», даны две статьи редактора издания. Одна из них содержит описание и характеристику «Песни» как литературно-исторического памятника. Вторая, которая помещена в этом издании по причине малоизвестности у нас староиспанского эпоса, посвящена возникновению и развитию его в целом, а также определению места, которое занимает в нем поэма о Сиде.



ТЕКСТ

Часть первая

ИЗГНАНИЕ СИДА

Послал он за своими родичами и вассалами и объявил им, что король повелел ему выйти из своей земли, что дал он ему срок не более девяти дней и что теперь хочет он узнать, кто из них пойдет с ним, а кто останется.

«И тем, что со мной отправятся, дай, господи, награду,
И от тех, что останутся, ухожу я без досады».
Тут молвил Альвар Аньес, родич его ближайший:
«С вами пойдем мы, Сид, степью и городами.
Никогда вас не оставим, пока живы и здравы.
И лошадей и мулов с вами загоним насмерть,
С вами мы разделим одежду и достаток.
Служить вам будем вечно, как друзья и вассалы».
Тут все подтвердили, что молвил дон Альвар.
Благодарил их мой Сид за привет и за ласку.
Выехал мой Сид на Бургос из Бивара.
Безлюдно, сиротливо стоит его замок.

1

Жгучими слезами так горестно плача,
Назад он обернулся, взглянул на палаты.
Видит двери без запоров и ворота все настежь,
И пустые нашесты без шуб и без платья,
И без соколов и ястребов слинявших.

Вздохнул мой Сид от великой печали,
Молвил мой Сид разумными словами:
«Господи-отче, в небесах тебе слава!
Вот что учинили лихие супостаты».

2

Вот опустили поводья, вот пришпорили смело,
Под Биваром ворона направо летела;
Как под Бургос пришли, полетела налево.
Пожал мой Сид плечами, голову поднял дерзко.
«Поздравляю, Альвар Аньес! Изгнанник теперь я.
14а Но вернемся мы в Кастилью, говорю я вам верно,
14б С почетом и поживой, с божья соизволенья».

3

Мой Сид Руй Диас под Бургос приходит.
А с ним шесть десятков всадников отборных.
Вышли взглянуть и мужчины и жены,
Горожане, горожанки облепили окна;
Плачут неутешно от великого горя,
И на устах повсюду такое у них слово:
«Вот добрый был бы вассал, будь сеньор его добрым».

4

Приют они б ему дали, да от страха не смеют:
Король дон Альфонс — в превеликом гневе.
Пред вечером грамота в Бургос доспела,
За крепкою печатью и со строгим запретом:
Руй Диасу Сиду не давать ночлега;
А если кто даст, пусть знает он верно,
Что лишится именья и зениц своих обеих,
И еще напридачу и духа и тела.
Все люди-христиане — в печали непомерной.

Попрятались от Сида, отвечать ему не смеют.
Выбрал мой Сид подворье для ночлега.
Поравнялся с дверями, видит: заперты крепко,
Короля убоявшись, сговорились соседи:
Не откроют ему, пусть хоть выбьет двери.
Те, что с Сидом пришли, снаружи зашумели.
А те, что внутри, не молвят ни словечка.
Дал шпоры мой Сид, к воротам он подъехал,
Выпростал ногу, ударил по двери.
Не открылась она: заложена крепко.
Показалась тут девочка, годочков ей девять:
«О Кампеадор, в добрый час вы меч надели!
Запретил нам король, вот грамота доспела,
За крепкой печатью и со строгим запретом,
Чтоб впускать вас не смели ни за что на свете,
А не то мы лишимся домов и именья
И еще напридачу зениц своих обеих.
Вам, о Сид, не прибудет добра от нашей смерти.
Да хранит вас творец со всем воинством небесным».
Так девочка сказала и в доме исчезла.
Видит Сид: от короля пощады ему нету.
Повернул от ворот, по Бургосу поехал.
У церкви святой Марии сошел он на землю,
Колени склонил, помолился от сердца.
Молитву окончив, поскакал он, не медля,
Вышел из ворот, Арлансон пересек он,
Против самого города стал станом на щебне.
Поставил шатер и сошел он на землю.
Мой Сид Руй Диас, — в добрый час он меч привесил, —
На щебне стоит — раз закрыты все двери;
Вокруг себя видит дружинников верных.
Лагерь он раскинул, как в пустынном ущелье.
Закрыт ему рынок в Бургосе-местечке;
Не может он купить ни вот столько из снеди;
Продать ему не смеют ни на денежку хлеба.

5

Тут бургосец отменный, Мартин Антолинес,
Прислал хлеба и вина и Сиду и дружине.
Все дает он свое, ничего не купил он,
Всяческой снедью их вдоволь снабдил он.
Рад был мой Сид, отменный воитель,
И прочие все, что ему служили.
Рек Мартин Антолинес, — услышьте, что говорил он:
«О Кампеадор, в добрый день вы родились!
Проспим эту ночь и двинемся с денницей.
Опорочен я буду за то, что вам служил я.
У короля дона Альфонса впаду я в немилость.
Но если мы с вами будем здравы и живы,
Рано или поздно он вновь меня примет;
А нет, — так все именье мне не дороже фиги».

6

Промолвил мой Сид (в добрый час надел он шпагу):
«Мартин Антолинес, копейщик удалый!
Если буду я жив, удвою вам плату.
Я роздал серебро и все свое злато;
Видите вы сами, что нет у нас клади:
Пищи на всю дружину нужно достать нам.
Не хочется мне, но видно так надо.
С вашего согласья два сундука мы сладим.
Наполним их песком и весу им прибавим,
Обошьем тисненой кожей и запрем их на славу».

7

«Пунцовая кожа, золоченые запоры.
К Рахилю и Иуде скачите вы скоро:
В опале-де я, нет мне в Бургосе торга,
А ларей не свезти; больно весу в них много.
Под сходную ссуду пусть возьмут их для залога,

Чтоб не знали христиане, нынче ночью, втихомолку.
Знает сам господь и святые у бога,
Что плутую по нужде, не своею охотой».

8

Ни мало не мешкал Мартин Антолинес,
. . . . . .
Проехал сквозь Бургос и в замок вступил он.
Рахиля и Иуду громко он кличет.

9

Рахиль и Иуда вдвоем сидели в лавке,
Считали барыши, нажитые достатки.
Вошел Мартин Антолинес, окликнул с опаской:
«Где вы, Рахиль и Иуда, друзья мои давние?
Говорить я с вами хочу с глазу на глаз».
Заперлись втроем, не мешкая ни мало.
«Рахиль и Иуда, оба в том руку мне дайте,
Что не скажете об этом ни христианам, ни маврам.
Навек вас обеспечу, будете вы богаты.
Мой Сид Кампеадор поехал за данью,
Взял большое добро, великое богатство;
Все, что получил он, у Сида осталось.
За это он был очернен врагами.
Захватил он два ларца, полных чистого злата;
Но у дона Альфонса впал он в опалу.
Покидает он вотчину и дома и палаты,
Но ларцов не может взять, чтоб не вышло огласки.
Хочет он теперь в ваши руки отдать их
Под пристойную ссуду под видом заклада.
Возьмите вы ларцы под свою охрану,
С великою клятвой на веру и на правду,
Что в них не заглянете за год ни разу».
Рахиль и Иуда советоваться стали:
«Как-нибудь наживать все равно нам надо.

Хорошо нам известно, что и Сид тут нажил:
В землю мавров он вторгся, большое взял богатство.
Не спит беззаботно, кто спит над деньгами.
Эти два ларца возьмем мы в охрану,
Припрячем подальше, чтоб не вышло огласки.
Но скажите нам о Сиде: сколько дать ему надо,
И какой барыш нам сулит он за год?».
Мартин Антолинес разумно отвечал им:
«Мой Сид не запросит больше, чем надо.
Мало он возьмет, лишь бы было сохранно.
Захудалый народ к нам валит громадой:
Требуются Сиду шесть сотен марок».
Молвят Рахиль и Иуда: «Ссудить мы их рады».
«Но торопится мой Сид: вот уж ночь наступает.
Нужно, чтоб марки сейчас вы отсчитали».
Молвят Рахиль и Иуда: «Не ведется так продажа;
Сначала — товар, а потом уже плата».
Тут Мартин Антолинес: «Мне это по нраву.
Так поедем же туда, где теперь Сид наш славный,
И мы вам поможем, как по совести надо,
Ларцы увезти и укрыть невозбранно,
Чтоб их не видали ни мавры, ни христиане».
Молвят Рахиль и Иуда: «Мы этому рады.
Привезете ларцы — получите марки».
Мартин Антолинес поскакал неустанно
С Рахилем и Иудой охотно и согласно.
Не по мосту едут, а в брод на переправу,
Чтоб их не увидели из Бургоса-града.
В шатре своем сидит Кампеадор преславный.
Вошли они в ставку, руку поцеловали.
Усмехнулся мой Сид, разговор с ними начал:
«Эх, дон Рахиль и Иуда, давненько мы не видались.
Видно уж, на мне нажиться вам удастся:
До самой своей смерти вы не будете нуждаться».
Рахиль и Иуда руки ему поцеловали.

Мартин Антолинес с ними запись составил,
Что ларцы, залог за шесть сотен марок,
Сохранят они год, замков не отпирая,
Ибо так они клялись по вере и по правде;
А коль раньше отопрут, так будут лжецами,
И не даст им мой Сид ни денежки ржавой.
Рек Мартин Антолинес: «Грузите же заклады.
Возьмите их, Рахиль и Иуда, держите сохранно.
Поеду я с вами; отсчитайте мне марки,
Чтоб мой Сид мог уйти до петелов ранних».
Грузят они ларцы с радостью несказанной,
Хоть оба купца едва их поднимают.
Рады Рахиль и Иуда великому кладу:
Теперь, мол, до смерти проживут они богато.

10

Рахиль целует руку у Сида:
«О Кампеадор! В добрый час вам меч вручили.
Из Кастильи вы идете сквозь народы чужие.
Такова у вас удача, велика у вас пожива.
Алый кафтан сарацинский отличный,
Сид (целую вам руку), мне в дар привезите». —
«Хорошо, — молвил Сид, — обещаю нерушимо,
Иль цену его я к долгу прикину».
Увозят купцы лари в свое жилище.
Поскакал за деньгами Мартин Антолинес.

. . . . . .

Посреди палаты одеяло расстелили,
А поверх простыню из белейшей холстины.
Сперва серебром отсыпали триста;
Сосчитал дон Мартино, без веса их принял.
А прочие триста червонцами платили;
Пять оруженосцев нагрузил дон Мартино.
Все это сделав, снова заговорил он:

«Эй, Рахиль и Иуда! Вы сундуки залучили.
Вам сделку устроив, на чулки заслужил я».

11

Рахиль и Иуда в сторону отходят оба.
«Наградим его на славу, ибо он нам их добыл.
Мартин Антолинес, почтенный бургосец,
Вы от нас заслужили, мы дар вам подносим
На чулки и на шубу и на плащ добротный.
Даем мы вам в дар тридцать марок червонных.
Отслуживать не надо, ибо это законно,
Лишь будьте порукой в крепости уговора».
Взял их дон Мартино, с благодарственным словом,
С обоими простился и вышел из дома.
Из Бургоса он скачет через брод Арлансона
Прямо к ставке того, что родился в час добрый.
Принял его мой Сид, простер он руки обе:
«Вот вы, Мартино, вассал мой предобрый!
Вам за все воздам я с помощью божьей». —
«Вот я, Кампеадор! Все слажено-готово:
Нажил я три десятка, а вы-то — шесть сотен.
Сверните шатры, поскачем, что есть мочи.
В Сан-Педро де Карденья с петухами нам отворят.
С женой вашей свидимся, разумной, высокородной,
Покинем королевство, пробыв с ней недолго;
Надобно спешить, ибо близко до срока».

12

Едва сказал он это, как шатер они сложили.
Быстро скачет мой Сид со всею своей дружиной.
Обернулся к церкви святой Марии.
Поднял правую руку и лоб перекрестил он;
«Слава тебе, боже, земли и неба властитель!
Приснодева Мария, да поможет мне твоя сила!

Прогневил я короля, ухожу из Кастильи.
Не знаю, вернусь ли во дни своей жизни,
О пресвятая! В изгнаньи да поможет мне твоя сила,
Будь мне ночью и днем спасеньем и защитой.
Ты мне счастье пошли, услышь мою молитву,
Я ж одарю твой алтарь богато, изобильно
И тысячу обеден отслужу до единой».

13

Поскакал безупречный, с охотой и отвагой.
Отпустили уздечки и шпорят без пощады.
Рек Мартин Антолинес, бургосец удалый:
«Погляжу на жену, в ком вся моя отрада,
Как жить без меня, семью я наставлю.
Пусть все король отнимет, я плакать не стану.
Солнце не взойдет, как вернусь я обратно».

14

Мартин вернулся в Бургос, а Сид не жалеет шпор;
До Сан-Педро де Карденья скакал во весь опор,
Скачут, ему на радость, с Сидом люди его.
Громко пели петухи, забелелся восток,
Когда прибыл в Сан-Педро наш добрый Кампеадор.
Аббат дон Санчо, служитель господень,
К заутрени ударил рано до восхода.
Была там донья Химена, с ней пять дам благородных;
Молят Петра святого и создателя-бога:
«О ты, что правишь миром, помоги Кампеадору!».

15

Ударили в ворота, окликнули монахов.
О боже, как рад был аббат дон Санчо!
Кинулись на двор с огнем и со свечами;
Рожденного в час добрый с весельем встречали.
«Слава богу, мой Сид, — сказал аббат дон Санчо, —

Раз вижу я вас здесь, у меня вы останьтесь». —
«Спасибо, дон аббат, от сердца вам благодарен,
Припасов я наберу для себя и для вассалов.
Ухожу я в изгнанье; пятьдесят даю вам марок,
И если буду жив, удвою эту плату,
Монастырь убытку не потерпит нимало.
Вот за донью Химену я даю вам сто марок,
На год дайте ей кров, дочерям ее и дамам.
Двух дочек-малолеток даю вам под охрану;
Вам их препоручаю, вам, аббат дон Санчо.
О них и о супруге пекитесь, как надо.
Коль будет в деньгах или в чем недостача,
Ублажите их всем, а я вам обещаю:
За истраченную марку четыре дам я храму».
Согласился аббат с охотой и отрадой.
Вот и донья Химена: с дочерьми она предстала;
Ведут их к нему и приводят их дамы.
Пред Сидом донья Химена на колени упала,
Горестно плача, ему руки целовала.
«Смилуйтесь, Кампеадор, в добрый час надевший шпагу!
Из-за сплетников подлых из страны вас изгнали.

16

О Сид, бородою славный, нас троих пожалейте.
Здесь я перед вами с дочками вместе, —
Малолетки они, несмышленые дети;
Со мной мои дамы, что служат мне верно.
Вижу я сама: ухóдите за рубеж вы;
Будем мы с вами в этой жизни раздельны.
Наставьте же нас ради девы пресветлой».
Сид бородою славный смягчился сердцем,
В объятия взял дочерей-малолеток,
К сердцу их прижал: любил он их крепко.
Горестно плачет и вздыхает с сокрушеньем:
«Любезная супруга, о донья Химена!

Как душу свою, люблю я вас верно.
Вы видите, мы будем в этой жизни раздельны,
Я вдаль ухожу, — вы останетесь при детях.
Пошли нам господь и пресвятая дева,
Чтоб своими руками обвенчал дочерей я.
Коль будет мне удача и спасусь я от смерти,
Вам, супруга честна́я, послужить я сумею».

17

Угощен был на славу тот добрый Кампеадор.
Громко по Сан-Педро разливается звон.
По всей Кастилье разнеслось далеко:
«Уходит на чужбину мой Сид Кампеадор».
Одни бросают земли, другие — свой дом.
За единые сутки у моста чрез Арлансон
Сто пятнадцать рыцарей немедля собралось.
Все вопрошают: где Сид Кампеадор?
Мартин Антолинес приводит их с собой
В Сан-Педро к тому, кто в час добрый рожден.

18

Как только проведал мой Сид де Бивар,
Что крепнет его дружина и растет ему цена,
Быстро снарядился, навстречу поскакал.
Едва их увидел, улыбаться он стал.
Все подходят к нему, чтоб руку поцеловать.
Промолвил мой Сид, от души он им сказал:
«Умоляю я бога, небесного отца,
Чтоб всем, кто покинул наделы свои и дома,
До смерти мог я сделать хоть малость добра,
За то, что потеряли вы, вдвойне вам воздать».
Многолюдству дружин Кампеадор был рад,
Рада и вся дружина, что с Сидом была.
Шесть дней из положенных они прожили там;
Осталось им, знайте, всего лишь три денька.

Король за Сидом проследить приказал,
Чтоб, буде до срока не пройдет он рубежа,
Ни за серебро ни за злато не смог он убежать.
Вот день миновал и надвинулась тьма.
Сид своих рыцарей вместе собрал.
«Слушайте, бароны (не в обиду молвлю вам),
Малы мои достатки, но вашу долю я вам дам.
Поступайте же разумно, как подобает бойцам:
С самою зарею, чуть проснутся кочета,
Пусть всякий, не медля, седлает скакуна.
В колокол ударит в Сан-Педро аббат,
Троицыну мессу отслужит он нам.
Чуть мессу отслужит, должны мы ускакать:
Наш срок истекает, а дорога далека».
Так и сделали все, как мой Сид им приказал.
Ночь миновала, вот и день заблистал,
До первых петухов уже начали седлать,
К заутрени ударили во все колокола.
Мой Сид с супругой вступают во храм.
Припала донья Химена к ступенькам алтаря,
Создателя молила, как только могла,
Чтоб Сида Кампеадора уберег он от зла.
«О господи преславный, отец на небесах!
Ты создал небо и землю и с ними морскую гладь,
Ты создал звезды и солнце, и месяц, чтоб блистать,
Плотью ты облекся чрез пречистую мать,
В Вифлееме родился, когда пожелал.
Пастухи тебя восславили в великих хвалах,
С поклоном из Аравии явились три волхва
(То были — Мельхиор, Гаспар и Валтасар),
Злато, смирну и ладан принесли тебе в дар.
Спасен тобой Иона, как в море он упал.
Спасен Даниил из злого львиного рва,
Спасен тобою в Риме сеньор наш Сан-Себастьян,
Спасена тобой Сусанна от ложного суда.

Тридесять два года на земле ты пребывал.
Чудеса нам явил ты, есть о чем рассказать:
Из воды вино ты сделал, а из камня — хлеба́,
Лазаря пробудил ты от смертного сна.
На горе, что зовется Кальвария, от евреев ты принял казнь,
На Голгофу взошел ты и распят был там.
Два разбойника висели у тебя по бокам.
Один пошел на небо, другой же — в ад.
На кресте изнывая, творил ты чудеса:
Слеп был Ло́нгин, ничего он не видал;
Пронзил тебя копьем, и кровь потекла,
По древку побежала, осталась на руках;
Поднял он руки и коснулся он лица,
Посмотрел во все стороны — открылись его глаза;
В тебя он уверовал, геенны избежал.
Из гробницы ты вышел, от смерти ты восстал.
По святой своей воле спустился ты в ад,
Вывел патриархов, раздробивши врата.
Ты — отец всей вселенной, над царями ты царь.
С молитвой и верой припадаю к твоим стопам,
И апостола молю я, чтоб вторил моим мольбам:
Чтоб Сида Кампеадора сохранил ты от зла.
Чтоб свидеться нам в жизни, коль расстаемся мы сейчас».
Как окончила молитву, обедня отошла.
Повалили все из храма, собрались уезжать.
Мой Сид донью Химену обнял в последний раз,
Донья Химена у Сида стала руки целовать.
Горестно плачет, не знает, что начать,
На него и на дочек обращает свой взгляд.
«Отдаю я вас в руки бога и небесного отца,
Разлучаемся и свидимся — бог ведает когда».
Вовек вы не видали, чтоб плакали так:
Как ноготь от мяса, от него оторвалась.
Мой Сид со всей дружиной собрался уезжать,
Чтоб взглянуть на своих, обернулся он назад.

Минайя Альвар Аньес так мудро тут сказал:
«Мой Сид, где ваша стойкость, рожденный в добрый час?
Скорее в путь-дорогу! Пора нам поспешать.
Придет время, и в радость обратится ваша печаль.
Господь, что дал нам души, и совет нам подаст».
К аббату дону Санчо обратили слова,
Чтоб донью Химену с дочерьми охранял,
А с нею всех женщин, что остались там;
Пусть знает аббат, что получит добрый дар.
Повернулся к ним дон Санчо, и Альвар Аньес сказал:
«Коль людей вы увидите, что к нам идут, аббат,
Пусть едут по следу, скажите, пусть спешат.
Нагонят нас в пустыне или в людных местах».
Опустили уздечки, принимаются скакать.
Уже близко срок подходит, чтоб край им свой покидать.
Ночевал мой Сид подле Эспинас-де Кан,
За ночь отовсюду стекается толпа.
Наутро с зарею он дальше поскакал.
Уходит в изгнанье верный Сид де-Бивар.
Оставил он влево добрый город Сант-Эстеван,
. . . . . .
Добрался до Альковьехи, кастильского рубежа.
Кинейскую дорогу пересек он с утра.
Выше Навас-де-Палос Дуэро он миновал.
У Фигеруэлы мой Сид заночевал.
Отовсюду к нему стекалась толпа.

19

Там прилег мой Сид, чуть надвинулась ночь,
Так сладко заснул он, объял его сон.
Архангел Гавриил в виденьи к нему сошел:
«Скачите, мой Сид, о добрый Кампеадор!
Никогда с такой удачей не выезжал еще никто:
Покуда вы живы, все пойдет хорошо».
Пробудился мой Сид, перекрестил он лицо.

20

Осенил лицо крестом, поручил себя богу.
Тем сном, что приснился, он доволен премного.
Наутро чуть свет пустился он в дорогу.
Знайте, что лишь день остался им до срока.
В сьерре де-Мьедос остановился на отдых.
Слева — башни Атьенсы, мавританского оплота.

21

Еще день не промчался и солнце не зашло,
Как созвал свою дружину мой Сид Кампеадор.
Помимо пехоты и главных удальцов,
Триста пик насчитал он, и каждая — с флажком.

22

«С утра коней кормите, да спасут вас небеса!
Кто хочет, пусть поест; а кто нет, — на скакуна!
Перевалим чрез сьерру, что дика и велика.
Земли дона Альфонса покинем мы до утра.
А после кто нас поищет, найдет без труда».
За ночь прошли сьерру; вот и зорька взошла.
Скачут без остановки, сбегают по холмам.
Среди горной громады, что грозна и велика,
Сид кормить приказал и устроить привал.
Всю ночь, говорил он, не сходить нам с седла.
Рад от сердца тому всякий добрый вассал:
Все должен он исполнить, что сеньор приказал.
Снова поскакали, чуть спустилася тьма:
Так сделал мой Сид, чтоб никто не видал.
Всю ночь они скачут без отдыха и сна.
Кастехоном зовется над Энаресом град.
Залегли там в засаду мой Сид и весь отряд.

23

Всю ночь пролежал мой Сид в своей засаде.
Тут подал им совет Альвар Аньес Минайя:
«О Сид, в добрый час прицепили вы шпагу!
Возьмите поскорее вы сотню из наших.
Когда на Кастехон мы ударим из засады
448а Вы там останетесь для тыльной охраны.
448б Со мной отрядите две сотни для удара.
448в С богом и вашим счастьем наживем мы немало».
448г Молвил Кампеадор: «Хорошо сказал Минайя.
Возьмите вы две сотни для этого удара.
С вами — Альвар Альварес и Вальвадорес Альвар,
И Галинд Гарсиас, копейщик удалый;
Вот добрые рыцари, что будут у Минайи,
Чтоб смело налетать, поживу брать без страха.
Вниз дальше Иты и дальше Гвадалахары
До самой Алькалы́ грабьте их без пощады.
Всю свою поживу довезите вы сохранно,
Ничего не бросайте из страха перед мавром.
А я с этой сотней в тылу вашем стану,
Удержу Кастехон, оплот наш и охрану.
Если станет дело трудным и опасным,
Весточку в тыл пошлите мне сейчас же.
Об этом налете заговорит вся Испания».
Поименно всех назвали, кто выйдет на мавров,
И тех, что с Сидом пойдут в тыловую охрану.
Пробивается зорька, и утро засверкало,
Солнце взошло, о боже, как прекрасно!
Все в Кастехоне поднимаются рано,
Отпирают ворота и выходят за ограду,
Чтоб взглянуть на работы, на сады и на пашни,
Все повыходили, и ворота — настежь.
Немного народу в Кастехоне осталось,
А те, что снаружи, разбрелись, как попало.
Сид Кампеадор выходит из засады,

Вокруг Кастехона поживу собирает.
В добычу ему достались мавританки и мавры
И весь тот скот, что пасется вкруг града.
Мой Сид дон Родриго до ворот добрался.
Те, что их сторожат, как его увидали,
Оставили ворота, разбежались со страху.
Мой Сид Руй Диас в ворота въезжает,
Держит он в руках обнаженную шпагу.
Убил пятнадцать мавров из тех, что повстречал он.
Захватил Кастехон с серебром и со златом.
Рыцари его с поживой прискакали.
Все отдали Сиду, без утайки и досады.
Вот двести три всадника, что поехали на облаву.
Скачут без страха, всю округу грабят.
Пронес свое знамя до Алькалы Минайя,
Назад возвращается с поживой немалой.
Вверх по Энаресу и мимо Гвадалахары
Тащат они с собою поживы на славу —
Коров и баранов огромнейшее стадо
И всякое платье и прочее богатство.
Высоко развевается знамя Минайи;
Не смеет никто даже в тыл им ударить.
Со всем этим добром дружина пришла обратно.
Вот она в Кастехоне — и Сида там застала.
Замок он захватил, и к ним поскакал он,
Спешит им навстречу, и с ним его вассалы.
С распростертыми объятьями принимает он Минайю:
«Вот вы, Альвар Аньес, копейщик удалый!
Всюду добрая надежда, куда бы вас ни послал я.
Пусть сложат это с тем, что добыто нами.
Даю я вам пятину, коль хотите вы, Минайя».

24

«Славный Кампеадор, большое вам спасибо!
Эту пятину, что вы мне присудили,

Пусть ее получит Альфонс Кастильский.
С вас ее не возьму я; считайте, что заплатили.
Обещаю я богу, тому, что правит миром:
Покуда я тешусь на коне своем ретивом,
С маврами сражаясь по полям и по нивам,
Пока держу копье, и меч мой не притупился,
И кровь у меня вниз по локтю струится,
При вас клянусь, Руй Диас, достославный воитель,
Денежки ржавой не возьму из пятины.
Вы чем-нибудь путным для меня разживитесь,
А прочее все в свои руки возьмите».

25

Тут вместе смешали свое все богатство.
Рассудил мой Сид (в добрый час надел он шпагу):
К королю Альфонсу придут его вассалы,
И на дружину Сида он с ними ударит.
Разделить без ошибки поживу приказал он,
Казначеям велел все записать на пергамен
Людям Кампеадора посчастливилось знатно:
Получает всадник сто серебряных марок,
Половину от этого — пеший ратник.
Пятина Кампеадору досталась без остатка.
Здесь продать ее нельзя, ни отдать ее в подарок:
Ни пленников, ни пленниц за войском не потащишь.
Дал он знать в Кастехоне, и в Ите, и в Гвадалахаре,
Что если найдется на пятину покупатель,
Пусть за нею приходит, не будет в накладе.
Оценили мавров в три тысячи марок.
Сиду по душе был этот подарок.
На третий же день учинили с ним расплату.
Рассудил мой Сид и все его вассалы,
Что дольше в этом замке нельзя им оставаться:
Удержать-то удержат, но умрут от жажды.
«Пойдет на нас король со всей своею ратью:

Здесь — мирные мавры; он грамоту дал им,
Покину я Кастехон. Слушайте, люди Минайи!

26

То, что я ска́жу вам, не примите во зло:
Остаться мы здесь не можем, покидаем мы Кастехон.
Близко — король Альфонс: придет за нами он.
Но замок не хочу я обезлюдить ни за что;
Оставлю в нем сто мавров и мавританок сто,
Чтоб меня не корили, что у них я отнял кров.
Вам я должное отдал, не в долгу ни у кого.
Завтра на рассвете мы сбираемся в поход:
С Альфонсом, моим сеньором, не вступаю я в спор».
Всем по нраву пришлось то, что молвил Кампеадор.
Из замка, что взял он, все уходят с добром.
А мавры и мавританки благословляют его.
Вниз по Энаресу мчатся во весь опор.
Прошли через Алькаррию и двинулись вперед.
За пещеры Анкиты идет их поход.
У Тарансского поля перешли они брод,
Меж А́рисой и Се́гиной мой Сид проводит ночь.
Большую взял поживу везде, где побыл он.
Ничего не знают мавры о помыслах его.
Вновь двинулся мой Сид, над Биваром сеньор,
Сквозь Аламу идет он по теснине у вод,
Сквозь Бовьерку и дальше за Теку меж гор.
Над Алькосером раскинул свой стан Кампеадор,
На крутом холме, что тверд и высок.
Не отрежут ему воду: под боком бежит Халон.
Хочет Сид дон Родриго Алькосер взять в полон.

27

Войском занял он холм, укрепился на славу,
И к реке и к сьерре он выдвинул заставу.
Славный Кампеадор (в добрый час надел он шпагу)

Вокруг того холма и у самой переправы
Всем своим людям велел копать канаву,
Чтоб ни ночью, ни днем их врасплох не застали,
Чтоб знали, что мой Сид раскинул там лагерь.

28

По всей округе разносятся вести,
Что мой Сид Кампеадор остался в этом месте:
Ушел от христиан, среди мавров осел он.
Никто в округе выйти в поле не смеет.
Мой Сид и дружина — в превеликом веселье:
Из Алькосера-замка к ним дань подоспела.

29

Несут ему дань алькосерские мавры
И те, что из Теки и из Террера-града.
А тем, что в Калатайуде, пришлось не по нраву:
Пятнадцать недель там Сид оставался.
Как увидел мой Сид, что Алькосер не сдался,
Придумал он хитрость, не медлил он нимало.
Один шатер оставил и снял он свой лагерь.
Спустился по Халону с развернутым стягом.
Люди его в кольчугах, у всех на поясе шпаги:
Хитростью порешили взять они крепкий замок.
Алькосерцы видят, — о боже, как рады:
«Не хватило у Сида ни хлеба, ни припасов:
Снимает он свой лагерь, одну оставил ставку,
Убегает мой Сид, как будто от облавы.
Попадись он террерцам, — поживы не видать нам.
Нападем на него, поживимся на славу,
Ту дань, что он взял, вдвойне вернем обратно».
Вышли из замка и без устали скачут.
Видит их мой Сид, бежит, как от облавы.
По Халону спустился; вдруг вернулся обратно.
Алькосерцы молвят: «Само идет богатство».

Вышли из города от велика до мала,
Позабыли обо всем, так рады пограбить,
Не заперли ворот, поснимали всю стражу.
Обернулся назад Кампеадор достославный,
Видит — они уж далеко отъехали от замка,
Повернул он свой стяг, помчался обратно.
«Бейте их, рыцари! Рубите без страха!
Создатель нам поможет, пожива будет наша».
Посреди той равнины ударили на мавров.
О боже! В то утро лиха была забава!
Мчатся вперед мой Сид и Альвар Аньес,
Добрыми конями умело, знайте, правят.
Быстро очутились меж врагами и замком.
Вассалы Кампеадора рубят без пощады,
В короткое время убили триста мавров.
Громко закричали те, что вышли из засады.
Своих оставляют, повернули ко граду,
Стали в воротах с обнаженною шпагой.
Тут и все к ним пришли; окончилась схватка.
Взял мой Сид Алькосер, знайте, такой ухваткой.

30

Пришел Пер Бермудес; он знамя несет в руке,
Водрузил его на башне, которой выше нет.
Молвил мой Сид Руй Диас, что в добрый час увидел свет:
«Слава богу в небе и святым его всем!
Кров здесь найдем получше для людей и для коней.

31

Внемлите мне, Альвар Аньес, с рыцарями всеми!
Взяли мы в этом замке великое именье.
Мавры лежат убитые, немногие ушли от смерти.
Тех мавров и мавританок — продать мы их не сумеем,
Если их обезглавим, ничуть не разбогатеем.

Пустим-ка их в замок, уж раз мы им владеем,
И пускай они нам послужат как челядь».

32

Мой Сид с такой поживой в Алькосере остался.
Послал за той палаткой, что бросил он в стане.
Досадно теканцам, и терреpцам не по нраву,
И тем, что в Калатайуде, за обиду стало.
В Валенсию к царю отправили посланцев —
Донести, что прозванный Сидом, Руй Диас из Бивара,
Разгневал дона Альфонса и изгнан им из царства;
Над Алькосером стал он, над крепким тем градом,
Напал он из засады и взял его обманом.
«Не поможешь, так Тека и Террер пропали,
И пропал Калатайуд, не избегнешь утраты,
Все земли по Халону тогда возьмут испанцы,
То же будет с Силокой и со всем твоим царством».
Разгневался царь Тамин, ответил такими словами:
«Вокруг себя я вижу трех царей-арабов.
Двое пойдут, не мешкая ни мало:
Три тысячи дам вам, с оружием бранным,
И еще вам поможет прирубежная стража.
Живьем его возьмите, ко мне ведите сразу:
По моей земле он ходит; за это он заплатит».
Три тысячи мавров без устали скачут,
Прибыли в Сегорбе и там заночевали,
На утро с зарей они дальше помчались,
Прибыли в Сельфу и ночь переночевали.
Гонцов они шлют к пограничным маврам,
Чтоб шли со всех сторон, не мешкая нимало.
Из Сельфы-де-Каналь все выступили рано,
Идут без передышки весь день до заката.
В ту ночь в Калатайуде их рать заночевала.
По всем окрестным землям разослали приказы,
Чтоб к ним без счета люди стекались

Под стяги тех царей, что звались Фарис и Гальве, —
Осадили бы Сида в Алькосере-замке.

33

Раскинули шатры, окружили весь город.
Растет эта сила, и рать у них огромна.
Посты передовые для стражи и обороны
И ночью и днем с коней не сходят.
Крепка у них охрана, и войск у них много.
Уже Кампеадору отрезали воду.
Вассалы Кампеадора сразиться готовы,
Но крепко запретил им рожденный в час добрый.
Держали их в осаде три недели ровно.

34

Три недели миновали, четвертая подошла.
Мой Сид со своими совет свой держал:
«Уж хлеб на исходе, и отрезана вода,
Коль ночью уйти решимся, перехватят они нас.
Сражаться с ними трудно: велики у них войска.
Скажите же мне, рыцари, что думается вам».
Первым молвил Минайя, тот рыцарь без пятна:
«Из Кастильи благородной явились мы сюда.
Если с мавром не сражаться, он хлеба нам не даст.
Шесть сотен испанцев в замке стоит сейчас.
Да не будет иначе, во имя творца:
На них мы ударим завтра же с утра».
Молвил Кампеадор: «Эта речь мне мила.
Честь и слава вам, Минайя! Хватит дела у вас».
Всех мавров и мавританок повелел Сид изгнать,
Чтобы никто на свете замыслов его не знал.
И днем и ночью снаряжает он войска.
Вот утро настало, разгорелась заря.
Под оружьем — мой Сид и весь его отряд.
Тут молвил мой Сид, как услышите сейчас:

«Все выйдем наружу. Чтоб никто не отстал,
Кроме двух пехотинцев на страже у врат!
Коль погибнем мы в поле, мавры вступят во град.
Коль в бою одолеем, всякий будет богат.
А вы, Пер Бермудес, возьмите мой стяг,
Храните его верно: вы — добрый мой вассал.
Но не мчитесь с ним в битву, пока я не приказал».
Взял тот знамя у Сида и руку поцеловал.
Отперли ворота и вышли на врага.
Чуть увидела их стража, поскакала назад.
Что за гомон у мавров? Все к оружию спешат.
От грома барабанов земля сотряслась.
Видеть бы вам, как мавры сбирают войска!
Два главных стяга видны издалека,
А мелких знамен никому не сосчитать.
Вот двинулась с места мавританская рать.
Сида и вассалов живьем хотят забрать.
«Смирно стойте, люди! Не двигайтесь никуда!
Пока не прикажу я, из строя — ни на шаг!».
Выскочил Пер Бермудес, пыла не смог сдержать.
В руке он держит знамя — и шпорит скакуна.
«Да поможет вам создатель, верный Сид де Бивар!
В гущу мавров ворвусь я с вашим стягом сейчас.
Посмотрим, как ваши вассалы будут его спасать».
Молвил Кампеадор: «Постой, ради Христа!».
Пер Бермудес ответил: «Теперь уже поздно ждать!».
Дал он лошади шпоры, врезался во вражью рать.
Впустили его мавры, чтоб знамя отобрать.
Хоть часто сыплют удары, все ж не пробили щита.
Молвил Кампеадор: «Спасайте, ради Христа!».

35

Сердца они прикрыли боевыми щитами,
Копья опустили вместе с флажками,
Головы склонили над седельными луками.

Спешат они разить с отважными сердцами.
Рожденный в час добрый к ним громко взывает:
«Рубите их, рыцари, храни вас создатель!
С вами я, Сид Руй Диас, Кампеадор из Бивара!».
Рать, обступившую Педро, кастильцы смяли разом.
Триста копий у них, и флажок есть на каждом.
Много врагов убили, множа свои удары.
Когда же назад повернули, столько же мавров пало.

36

Видеть бы вам, как копья и колют и разят,
Как, на куски разбитые, щиты на землю летят,
Как панцирь за панцирем и разрублен и смят,
Как белый флажок на копье кровавым выходит из лат,
Как добрые кони без всадников мчат.
Наши кличут: «Сант-Ягo!», а мавры: «Аллах!».
Много времени проходит, а бой лишь начáт,
Уже тысяча мавров и триста лежат.

37

Славно бился на седле золоченом, наборном,
Мой Сид Руй Диас, воитель добрый,
И Минайя Альвар Аньес, что в Сорите был сеньором,
И Мартин Антолинес, копейщик бургосский,
И Муньо Густиос (то Сидов питомец),
Мартин Муньос, что правил Монте-Майором,
Альвар Альварес и Альвар Сальвадорес,
Галин Гарсиас, храбрец из Арагона,
Фелес Муньос, племянник Кампеадора.
Тут прочие все, сколько было народа,
Собрались под знамя Сида Кампеадора.

38

Под Альваром Аньесом коня уложили.
Но пришли ему на помощь христианские дружины.

Копье сломалось, так меч обнажил он.
Хоть пешим он бьется, но рубит, что есть силы.
Увидал его мой Сид Руй Диас, кастилец,
А рядом с ним — альгуасила на лошади отличной.
Меч Кампеадор правой рукою вскинул
И рассек смаху мавра на две половины.
К Альвару Аньесу с конем сумел пробиться:
«Рука моя правая, Минайя, скачите.
В этот день вы мне еще пригодитесь.
Крепко держатся мавры, не устали рубиться,
Ударить на них нам придется вторично».
С мечом своим в руке мчит Минайя ретиво.
С лихой этой силой он бьется лихо.
До кого он добрался, те все перебиты.
Мой Сид Руй Диас, что в час добрый родился,
По Фарису-царю ударяет трижды.
Два раза промахнулся, в третий угодил он:
По царскому панцирю кровь струится.
Повернувши поводья, царь по полю мчится.
Этим ударом его сила разбита.

39

Нанес Антолинес Гальве удар,
Карбункулы из шлема царю повыбивал,
Раскроил до черепа шлем его пополам.
Тот, знайте, второго дожидаться не стал.
Разбиты цари — и Фарис и Гальве.
О боже, что за день для всего христианства!
Разбегаются мавры и туда и сюда;
А Сидовы люди — за ними по пятам.
Укрылся царь Фарис в Террер свой град,
Но Гальве-царя не впустили туда.
Прямо в Калатайуд со всех ног он бежал,
За ним Кампеадор погнался по пятам.
Вплоть до Калатайуда ни на шаг не отстал.

40

Под Альваром Аньесом конь скачет резво.
Тридцать четыре мавра Минайя зарезал.
Все руки в крови, острый меч он держит;
Стекает кровь вдоль по локтю на землю.
Молвил Минайя: «Сегодня я весел!
Пройдут по Кастилье хорошие вести,
Что мой Сид Руй Диас одержал победу».
Столько мавров перебито! Живых почти нету.
Христиане без страха мчатся за ними следом.
Вернулись люди Сида, что родился в час светлый.
Скачет мой Сид на лошади отменной.
Шапка на нем измята; борода — загляденье.
Откинул он оплечье, меч держит крепко.
Увидел он своих, что вернулись из набега.
«Слава богу, тому, что царствует в небе,
Что в этакой битве нам досталась победа!».
Вражеский лагерь разграбили немедля;
Вдоволь щитов, оружья, богатств несметных
Захватили они, как в тот лагерь приспели,
Арабских коней пять сотен и десять.
Среди христиан — великое веселье,
Но пятнадцать своих потеряли в том деле.
Серебро и золото тащат без веса.
От этой поживы христиане разбогатели.
Всех выгнанных мавров вернули в ту крепость,
Приказал мой Сид, чтоб дали им денег.
У Сида и вассалов — великое веселье,
Велел раздать он деньги и несметное именье.
Пришлось на пятину Сида сто коней отменных.
О боже, как платил он всем своим верным,
Всем своим вассалам, и конным и пешим!
Хорошо распорядился рожденный в час светлый:
Всякий дружинник взял долю в разделе.

«Слушайте, Минайя, десница моя в сраженьях!
Из этих богатств, что послало нам небо,
Своею рукою берите без помехи.
Хочу я вас послать в Кастилью с вестью
Об этой битве, где досталась нам победа.
Королю Альфонсу, что так сильно разгневан,
Тридцать коней посылаю отменных,
Все — под седлом, со сбруей драгоценной,
И немало мечей у арчаков седельных».
Рек Минайя Альвар Аньес: «Исполню от сердца».

41

«Вот вам серебра и золота много;
Вот целый сапог, он доверху полон.
Закажите тысячу месс святой Марии Бургосской,
А остаток отдайте жене моей и дочкам,
Чтоб за жизнь мою молились и денно и нощно.
Коль смогу, они будут богатые доньи».

42

Минайя Альвар Аньес был этому рад.
Отсчитали тут всех, кто пойдет с ним назад.
Лишь коней накормили, спустился закат.
Мой Сид Руй Диас совет свой собрал.

43

«Пойдете вы, Минайя, по Кастилье благородной, —
Можете сказать друзьям нашим кровным:
Победили мы в битве, создатель помог нам.
На обратном пути здесь найдете нас снова,
А нет — так расспросите и явитесь к нам скоро:
От мечей и от копий защищаться нам должно;
В этой тесной земле жить иначе не сможем».

44

Так и порешили: с утра ушел дон Альвар;
Остался Кампеадор с вассалами в замке.
Эта земля тесна и полна врагами:
Всякий день за Сидом следят в оба глаза
Чужие народы и пограничные мавры.
Как выздоровел Фарис, сговорились с ним арабы,
Те, что из Теки, и из Торрера-града,
Также из Калатайуда — города их главного.
Составили купчую с Сидом из Бивара:
Он продал им Алькосер за три тысячи марок.

45

Продал Алькосер мой Сид Руй Диас.
Всем своим вассалам хорошо заплатил он.
Богатыми сделал он и конных и пехотинцев.
Не сыскать бедняка во всей его дружине.
У доброго сеньора всяк живет в изобильи.

46

Как вышел мой Сид из алькосерских врат,
Мавры и мавританки принялись рыдать:
«Идешь ты, мой Сид, а наши молитвы за тобой по пятам.
Довольны мы тобою, о сеньор наш, всегда».
Как покинул Алькосер мой Сид де Бивар,
Мавры и мавританки тут подняли плач.
Уходит Кампеадор, развернул он свой флаг,
Спустился по Халону, ускорил он шаг.
При выходе птицы добрый подали знак.
По душе было терреpцам, а калатайудцам — еще как!
Алькосерцам обидно: много дал он им благ.
Поспешает мой Сид, вперед поскакал.
Над самым Монте-Реалем на горке он стал.
Изрядная та горка: высока и широка;

Ниоткуда он, знайте, не боится врага.
Данью обложил Сид Дароку сперва,
А после Молину, что дальше на закат,
А третьим — Теруэль, что напротив лежал.
Забрал в свои руки он Сельфу де Каналь.

47

Над Руй Диасом Сидом будь милость господня!
Вот уж Альвар Аньес в Кастилье благородной.
Тридцать коней к королю он приводит.
Встретил его король с улыбкой довольной:
«Чей дар у вас, Минайя? Пусть господь вам поможет!» —
«Мой Сид Руй Диас (в добрый час он шпагу носит!),
888а С тех пор как впал в опалу, взял хитростью Алькосер,
888б В Валенсию к царю пошли о том доносы;
888в Осадить велел он Сида и отрезать ему воду.
888г Мой Сид из замка вышел, сразился с ними в поле,
Двух царей мавританских победил он в этом споре.
Хороша его пожива, сеньор, и огромна,
Прислал он вам подарок, король высокородный.
Ноги он вам целует и руки обе.
Вашей милости он просит, пусть господь вам поможет».
Молвил король: «Не слишком ли скоро?
Человека в опале, неугодного сеньору,
Можно ль чрез три недели принять благосклонно?
Но подарок я возьму, раз у мавров он отобран.
Даже нравится мне, что нажил он так много.
Вас же, Минайя, прощаю я охотно,
Возвращаю вам ныне и земли и феоды;
Идти и возвращаться даю вам свободу,
Но о Сиде Кампеадоре не скажу вам ни слова.

48

А сверх всего того, сказать я вам желаю:
Коль в моем королевстве из смелых и удалых

Придет кому охота, чтоб к Сиду податься,
Даю я им свободу, не трону их достатков».
Целует ему руки Минайя Альвар Аньес.
«Вам слава и спасибо, сеньор наш богоданный!
Раз милостивы сейчас вы, так лучше будет дале».
Молвил король: «Не мешкайте нимало,
Повсюду по Кастилье идите без преграды;
Без страха возвращайтесь вы к Сиду обратно».

49

Теперь скажу вам о том, кто родился в час добрый.
Над Монте-Реалем укрепился он прочно.
Пока жить будут мавры и христианские народы,
«Холмом моего Сида» будет он прозван.
Оттуда он грабил все окрестные горы.
По всей реке Мартино кругом сбирал он подать.
Дошли о нем слухи до самой Сарагосы.
Не по сердцу маврам, обидно им очень.
Пятнадцать недель Сид пробыл там ровно.
Как увидел безупречный, что Минайя не приходит,
Последнюю ночь не спал он со всем своим войском.
Покинул он холм и снял оборону.
Идет за Теруэль дон Ридриго походом;
Стал Руй Диас у Тевара, средь соснового бора.
Всех там живущих он грабит без разбора,
Дань наложил на Сарагосу-город.
После всех этих дел, чрез три недели ровно,
Вернулся Минайя от короля Альфонса.
Мечами опоясаны, пришли с ним две сотни.
Знайте, что не в счет идет у них пехота.
Как увидел мой Сид, что Минайя подходит,
Поскакал на коне, горячо его обнял,
Целует в уста и в любезные очи.
Тот все ему сказал, не скрыл он ни слова.
Улыбнулся Кампеадор улыбкою довольной.

«Слава творцу и силам господним!
Благо мне, Минайя, покуда вы здоровы».

50

Боже, что за радость по всей этой рати,
Что вновь возвратился Минайя Альвар Аньес!
Привез он им поклоны от родичей и братьев
И тех из дружины, что дома остались.

51

Как бородою славный, о боже, ликом светел!
Заплатил Альвар Аньес за тысячу обеден,
От жены и от дочек привез ему приветы.
Боже, как Сид и доволен и весел!
«Эй, Альвар Аньес, многая вам лета!».

52

Ни мало не мешкал рожденный в добрый час.
948а Взял конных две сотни, что выбрал он сам;
948б Творил он набеги все ночи до утра.
Вкруг Альканьиса землю разграбил дотла,
В черное одел он окрестные места.
А на третьи сутки воротился назад.

53

Молва по этим землям вести разносит
На го́ре Уэске и маврам из Монсона.
Но дань ему платят и довольны сарагосцы:
Не боятся от Сида ни малейшей угрозы.

54

Со всей этой поживой вернулись они в лагерь.
Все они веселы: пожива их громадна.
Доволен мой Сид, а больше — Альвар Аньес.
Усмехнулся безупречный, сдержать не может нрава:

«Эй, мои рыцари, скажу я вам правду;
Кто на месте сидит, тот будет в накладе.
Завтра с утра на коней мы сядем.
Вперед мы пойдем, этот лагерь оставим».
Двинулся мой Сид к лощине Алукатской.
Промчался мой Сид до Уэски и до Монт-Альбана.
На этот набег десять дней он потратил.
Зашумела молва по окрестным странам,
Что кастильский изгнанник жестоко их грабит.

55

По всем этим странам вести проходят.
Докатилось до графа в высокой Барселоне,
Что мой Сид Руй Диас ограбил всю область,
И счел это граф за обиду и стыд несносный.

56

Граф был хвастун, и пустое говорил он:
«Обиду большую претерпел я от Сида,
При моем же дворе бóльшую обиду:
Племянника он мне ранил и пеню не заплатил мне.
Теперь он разоряет мой край подзащитный.
Ведь я его не вызвал, не нарушил с ним мира,
Но раз ко мне пришел он, так ответит за обиду».
Спешно собрал он превеликую силу,
Из мавров и христиан большую дружину.
В погоню они пустились за бивáрцем справедливым,
Три дня и две ночи скакали ретиво.
Наконец под Теваром Кампеадора настигли;
Взять думают живьем: так сильно расхрабрились.
Мой Сид дон Родриго с великою поживой
Покинул сьерру и спустился в долину;
О графе доне Раймунде его оповестили.
Как услышал мой Сид, гонца снарядил он:
«Скажите вы графу: пусть не примет в обиду.

Я добра его не трону, пусть пропустит нас с миром».
Ответствовал граф: «Не бывать тому в жизни.
За прежние заплатит и за нынешние вины;
Пусть знает бродяга, кого он обидел».
Вернулся гонец, — поскакал, что есть силы
Узнал в этот час мой Сид дон Родриго,
Что из этого места не уйдет он без битвы.

57

«Эй, мои рыцари, попрячьте добро,
Скорее снаряжайтесь, брони оденьте вновь.
Этот граф дон Раймунд готовит нам бой.
Из мавров и крещеных понабрал он народ;
Нас без сраженья не пустит ни за что.
Чтоб дальше нас не гнали, здесь встретим его.
Осмотрите коней и весь ратный убор.
С холма они нагрянут, в туфлях вместо сапог.
Подпруги у них слабы и легкое седло,
Мы — на седлах галисийских, в сапогах поверх чулок.
Сотня наших всадников сумеет им дать отпор.
Примем их в копья прежде, чем спустятся в дол.
Три седла опустеют от удара одного.
Поймет Раймунд Беренгер, что напал не на того,
Чтоб в бору под Теваром отнять мое добро.

58

Чуть Сид окончил речь, как все вооружились,
Взялись за оружье, на коней вскочили.
Видят: мчится по склону вся франкская сила.
У подножья холма, подле самой долины,
Велит рубить мой Сид, что в час добрый родился;
С любовью и охотой рубится дружина.
Так ловко орудуют и мечом и пикой —
Кого проколют, кого с лошади скинут.
Победил Кампеадор (в добрый час он родился).

Графа дона Раймунда в бою полонил он
И добыл меч Коладу, в тысячу марок ценимый.

59

Победил он в этой битве, свою бороду прославил,
Взял графа в полон и отвел в свою ставку,
Верным слугам своим отдал его под стражу.
Вышел в поле мой Сид, покинул палатку.
Со всех сторон стеклись его вассалы;
Доволен был мой Сид, что пожива громадна.
Ужин для Сида состряпали на славу;
Но графу Раймунду ничто не по нраву.
Вот яства приносят, перед графом их ставят.
Не хочет он есть, осыпал их бранью.
«Не съем ни куска, хоть отдай мне всю Испанию
(Лучше тела лишусь и с душою расстанусь),
Раз в бою меня побили такие голодранцы».

60

Услышьте, что молвил дону Раймунду мой Сид:
«Поешьте, граф, хлеба, испейте этих вин.
Если нам подчинитесь, свободу вам дадим,
А не то не видать вам христианской земли».

61

«Ешьте вы, дон Родриго, предавайтесь веселью.
Я не съем ни куска, умру голодной смертью».
Вплоть до третьего дня уломать не сумели.
Покуда они делили поживу и именье,
Не заставили съесть ни крупиночки хлеба.

62

Молвил мой Сид: «Поешьте, граф, немного,
А не то не видать вам крещеного народа;
Но если поедите, чтоб был я доволен,

Вас, о граф, и с вами двух благородных
На волю отпущу и дам вам свободу».
Как услышал это граф, обрадовался очень:
«Коль сдержите крепко вы, Сид, свое слово,
Дивиться я вам не перестану до гроба». —
«Так кушайте же, граф, утолите свой голод;
Я же вас и двух других отпущу на свободу;
Но из того, что потеряли и что с бою я добыл, —
Ни денежки ржавой отдать я не волен.
Нужно мне для тех, что со мной идут без крова.
С вас и с прочих беря, пробиваться нам должно;
Так будем мы жить, пока богу угодно,
Как люди опальные и лишенные дома».
Обрадовался граф, для рук он просит воду.
Держат ее перед ним (принесли ее скоро).
С рыцарями теми, что Сид ему отдал,
Кушать стал граф, — о боже, как охотно!
Рожденный в час добрый сидит с ним бок о бок:
«Коль не будете вы есть так, чтоб был я доволен,
Здесь мы будем жить, не расстанемся мы оба».
Молвил тут граф: «С любовью и охотой».
С рыцарями теми откушал он скоро.
Доволен мой Сид (очей с него не сводит):
Руки у графа Раймунда так быстро ходят!
«Коль дозволите, Сид, готовы мы в дорогу.
Дайте нам коней, поскачем мы скоро.
С того дня, как стал графом, не ел я с такой охотой.
Угощенья такого не забуду до гроба».
Дали им скакунов, и добрые седла,
И шубы с плащами — наряд превосходный.
Едет граф дон Раймунд посреди двух конных.
Проводил их Кастилец до лагерного входа.
«Вот вы едете, граф, как человек свободный.
За все, что здесь оставили, благодарю вас покорно.
А если отомстить придет вам охота,

Известите меня, коль явитесь к нам снова,
Чтоб из вашего я взял иль из нашего отдал». —
«Не бойтесь, о мой Сид, я больше вас не трону.
За весь этот год заплатил я вам откуп.
Но больше не вознамерюсь идти на вас походом».

63

Поскакал дон Раймунд, пришпорил скакуна.
Оборачивался часто, все глядел он назад:
Как бы не одумался мой Сид де Бивар.
Но Сид так не поступит ни за какие блага,
Не будет он вероломным, как не был никогда.
Вот граф ускакал, а Сид пошел назад.
Вместе с вассалами весел он и рад:
Пожива, что забрал он, несметно велика.
Так богаты его люди: не счесть им добра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СВАДЬБА ДОЧЕРЕЙ СИДА

64

Начинаются деянья моего Сида де Бивар.
В лощине Алукатской он раскинул свой стан,
Оставил он Сарагосу и окрестные места,
И оставил Уэску, и покинул Монт-Альбан.
До соленого моря Кампеадор наступал.
Чуть солнце на востоке, он бросился туда.
Захватил он Херику, и Онду, и Альменар.
Весь край вокруг Боррианы у мавров отвоевал.

65

Помог ему создатель, что правит на небе:
Сверх прочих городов он занял Мурвьедро.
Воюет Кампеадор на господа в надежде.
Город Валенсию привел он в трепет.

66

Злобятся валенсийцы: знать, обида в их сердцах.
На совете порешили осадой Сида взять.
Всю ночь они скакали; чуть зорька взошла,
Вокруг Мурвьедро раскинули свой стан.
Увидел их мой Сид, подивился на войска:
«Благодарю тебя, боже, отче наш на небесах!
По их землям мы ходим, чиним им столько зла:
Пьем мы их вино, топчем их хлеба.
Вправе они за это осадой нам угрожать.
Не окончатся без битвы все эти дела.
Пошлем же за подмогой во все наши города,
Отправим мы в Херику и пошлем в Алукат;
Одни пусть скачут в Онду, другие — в Альменар,
И все из Боррианы пусть явятся сюда,
В открытом поле битва здесь будет начата.
Прошу я у бога, чтобы наша взяла».
На третьи сутки вся рать его сошлась.
Тут слово им молвил рожденный в добрый час.
«Спаси вас создатель! Внемлите мне, войска!
Как покинули мы земли честных христиан
(Не могли мы иначе, и не наша в том вина),
Хорошо, слава богу, идут у нас дела.
Но вот нас осадила валенсийская рать.
Если не хотим мы уйти из этих стран,
Крепкий урок ей должен быть дан.

67

Ночка проходит, и утро настало.
Седлайте коней, приготовьте вы латы.
Пойдем мы посмотреть на арабские рати,
Как люди, что вышли из земли чужестранной.
Тут увидим мы, кто заслужил свою плату».

68

Тут слово смелое Минайя молвил:
«Мы всё, Кампеадор, свершим, как вам угодно.
Сто рыцарей мне дайте, не прошу у вас боле.
Вы в лоб нападайте с дружиной остальною,
Рубите валенсийцев без страха и разбора,
А я с того конца нагряну сам сотый.
Наше будет поле, — надеюсь я на бога».
Той речью Кампеадор был доволен премного.
Вот солнце взошло, — снаряжаются к бою;
Всякий тут знает, что делать он должен
На самой заре нагрянули на войско.
«Защита вам создатель и Иаков-апостол!
Рубите их, рыцари, с любовью и охотой!
Здесь я, Сид Руй Диас, из биварского дома!».
Видали б вы, как рвутся у палаток веревки,
Как колышки скачут, как гнутся подпорки.
Отбиваются мавры; уж больно их много;
Но ударил Альвар Аньес на них с другого бока.
Пришлось побежать им волей иль неволей,
Двух царей мавританских при бегстве закололи.
До самой Валенсии продолжалась погоня.
Знатную поживу мой Сид у них отнял.
Ограбили лагерь и вернулися снова,
Вошли в Мурвьедро с поживой огромной.
Пошло у них в том месте веселье и довольство.
Со всею округой захватили Себолью.
В Валенсии не знают, что делать, от тревоги.
Гремит повсюду, знайте, молва о Кампеадоре!

69

Молва гремит повсюду до морского прибрежья.
Сид и все вассалы — в превеликом веселье,
Что помог им господь, даровал он им победу.

По ночам не спят они, совершают набеги:
Напали на Хативу и напали на Гухеру,
И далее к югу на Дению-крепость.
Разграбили до моря мавританскую землю,
Взяли Пенью-Кадьелью, разгромив всю окрестность.

70

Когда Пенья-Кадьелья досталась Кампеадору,
Огорчились Гухера и Хатива-город,
Охватило Валенсию безмерное горе.

71

В мавританской земле наживаясь и грабя,
Весь день почивая, всю ночь — на облаве,
Провел он три года, города забирая.

72

Валенсийцам урок он задал примерный:
Не только что биться, а выйти не смеют.
Сады их вырубил, много зла им наделал,
Что ни год, то мой Сид лишает их хлеба.
Горько плачут в Валенсии и не знают, что делать.
Ни с какой стороны не подвозят им хлеба.
Сын отцу, отец сыну не помогут советом,
Приятель приятеля ничем не утешит.
Плохо дело, сеньоры, коль хлеба нету,
Когда видишь, как мрут и жены и дети.
Беду они видят, но помочь себе не смеют.
В Марокко к царю отправили вести;
Но тот за Атласом воюет так крепко:
Не придет им на помощь, не подаст им совета.
Рад был мой Сид, как об этом проведал,
Ночь он не спал, ушел из Мурвьедро.
Заря его застала в монтереальских пределах.
В Наварре и Арагоне клич кликнуть велел он,

Гонцов отправил в Кастильскую землю:
Кому мило богатство и наскучила бедность,
Пусть к Сиду придет, что готовится к сече.
Хочет дать он Валенсию христианам в наследье.

73

«На осаду Валенсии кто выйдет со мною?
Пусть идет по охоте, никого не неволю!
Жду в Сельфском ущелье три дня и не доле».

74

Так молвил мой Сид (Кампеадор де Бивар);
Вернулся в Мурвьедро, что сам он завоевал.
Призыв его разносят, знайте, во все места.
При слухе о наживе медлить никто не стал:
Из земель христианских повалила толпа.
Везде и повсюду гремит о нем молва.
Больше к Сиду приходят, чем уходят назад.
У Сида из Бивара приумножилась казна.
Как прибывших он увидел, возвеселился весьма.
Мой Сид дон Родриго медлить не пожелал;
Подошел он к Валенсии, под городом стал,
Обложил его крепко — не схитрить им никак;
Не выйти ниоткуда, не войти никуда.
Дал он им срок, чтоб подмога подошла.
Девять месяцев, знайте, он город осаждал,
Как стукнул десятый, пришлось его сдать.
Велико было веселье в окрестных местах,
Когда Валенсию мой Сид завоевал.
Кто был пехотинцем, тот всадником стал.
А серебро, а злато! Кто сможет сосчитать?
Богат стал каждый, кто там побывал.
Мой Сид дон Родриго пятину отобрал:
Тридцать тысяч марок пришлось ему в деньгах,
Остальное богатство — кто сможет сосчитать?

Был весел Кампеадор и все его войска,
Когда над алькасаром взвился его стяг.

75

Уже отдыхал мой Сид со всей дружиной,
Когда вести поспели к царю в Севилью,
Что пала Валенсия, Сиду покорилась.
Пошел он походом, тридцать тысяч он двинул.
Близ Уэрты валенсийской была у них битва.
Погнал их мой Сид с бородою длинной.
До самой Хативы погоня продлилась.
Потешились кастильцы, Хукара достигнув:
Немало арабов в той речке потопили.
Три удара получивши, их царь удрал в Севилью.
Возвратился мой Сид с поживою обильной,
Когда брали Валенсию, велика была прибыль,
Но знайте, что доходней была эта битва:
Сто серебряных марок пришлось на пехотинца.
Смотрите, как велика удача славного Сида.

76

Велика была радость у всех этих христиан,
Из-за Сида Кампеадора, что родился в добрый час.
Растет, удлиняется его борода,
Ведь недаром сказал мой Сид де Бивар:
«Из любви к королю, который нас изгнал,
Не войду я в цирюльню, не срежу ни волоска,
И пусть о том говорят у мавров и христиан».
Мой Сид дон Родриго в Валенсии отдыхал.
С ним Минайя Альвар Аньес, что при нем был всегда.
Из изгнанников всякий изобильно богат:
Всем им дал в Валенсии мой Сид де Бивар
До полного довольства и земли и дома;
Милостью Кампеадора взыскан каждый вассал,
Да и всем, что явились после, надавал он наград,

Но видя, что всякий из них был бы рад
Уйти, коль сумеет, нажитое забрав,
По совету Минайи мой Сид приказал:
Из тех, кто с ним нажил хоть немного добра,
Если кто не отпросился и руки не целовал
И будет захвачен или пойман в бегах, —
Отобрать его именье и на кол сажать.
Вот привел он в порядок все такие дела.
С Альвар Аньесом Минайей совет он держал:
«С вашего согласья, Минайя, хочу я знать,
Сколько есть здесь таких, кому прибыль я дал.
Велю переписать их и всех сосчитать.
Коль кого не досчитаюсь или кто вздумает бежать,
Пусть добро возвратит он тем вассалам назад,
Что заняли Валенсию и ее сторожат».
Тут ответил Минайя: «Вот разумный приказ».

77

На сбор их созвал и всех вместе собрал их.
Когда собрались, сосчитать приказал их:
Три тысячи шестьсот у Сида их стало.
Улыбнулся мой Сид: так душа его рада.
«Славен бог, о Минайя, и Мария-богоматерь!
Меньше нас ушло из биварского замка.
Теперь мы богаты, а будем еще богаче.
Коль не тяжко вам, Минайя, и придется вам по нраву,
Пошлю вас в Кастилью, где вотчины наши.
Там — король дон Альфонс, сеньор мой богоданный.
Из всей той поживы, что здесь нам досталась,
Сто коней вы ему отведете в подарок.
За меня целуйте руку и молите неустанно,
Чтоб донью Химену и дочерей моих малых
По милости своей забрать мне дал он.
Пошлю я за ними, и скажите государю,
Что супруга и дочки моего Сида из Бивара

Прибудут со свитой и с почетом немалым
В эту землю чужую, что мы завоевали».
«Исполню с радостью», — ответил Минайя.
Так поговорили и начали сбираться.
Дал Сид Альвару Аньесу сто воинов латных,
Чтоб в пути ему служили по воле и желанью.
В Сан-Педро шлет тысячу серебряных марок,
Чтоб отдали пять сотен дону Санчо, аббату.

78

Покуда они жили в веселии привольно,
Явился от востока пресвитер богомольный,
Епископ достойный по имени дон Жероме,
Премного разумный и в книжности ученый;
Равно был он отважен — что пеший, что конный.
Туда он явился для Сидовой пользы.
Спал и видел, чтоб встретиться с маврами в поле:
Коль дать ему подраться с маврами вволю,
Навек он избавил бы христиан от горя.
Узнав про то, мой Сид премного был доволен.
«Слушайте, Альвар Аньес, ради вышнего бога!
Коль он милость послал нам, благодарить его должно.
В земле Валенсийской епархию устрою
И Жероме отдам, человеку христову:
Пойдете вы в Кастилию с той весточкой доброй».

79

По нраву Минайе то, что молвил дон Родриго.
Немедля дона Жероме епископом посадили,
Дали землю в Валенсии, чтоб жил он в изобилье.
О боже, как христианство все купно возвеселилось,
Что в землях Валенсийских воссел сеньор-епископ!
Был весел Альвар Аньес, простился и удалился.

80

В землях валенсийских мир и покой царят.
Минайя Альвар Аньес в Кастилью пошел назад.
Опущу я все ночевки, не о них мой рассказ.
Спросил Альвар Аньес, где короля сыскать.
Говорят, в Саагуне недавно он побывал,
А ныне в Каррионе можно его застать.
Минайя Альвар Аньес был этому рад.
С подарками своими поскакал он туда.

81

В тот час король Альфонс вернулся от обедни.
Вот явился Альвар Аньес в удачное время.
При всем том народе преклонил он колени.
Пал к ногам Альфонса в горе и сокрушенье;
Руки ему целует, сказал ему не медля:

82

«Смилуйтесь, сеньор Альфонс, ради господа бога!
Целует вам руки мой Сид-ратоборец,
И ноги и руки, как доброму сеньору,
Чтоб его вы простили (будь господь вам опорой!).
Утерял он вашу милость и изгнан из дома,
Но и в землях чужих хорошо он поработал:
Взял он с бою замки Херику и Онду,
Взял он Альменар и Мурвьедро, лучший город.
То же сделал с Себольей и дальше с Кастехоном
И с Пеньей-Кадьельей, твердынею горной.
А сверх всего того, над Валенсией стал сеньором.
Епископа поставил он своею рукою.
Пять раз победил, рубясь в открытом поле.
Великую поживу он взял по божьей воле.
А вот вам и знаки, что правду я молвил:
Здесь сотня коней, холеных, быстроногих,

С седлом и с уздечкою и с прочим набором.
Целует Сид вам руки: вы дар принять извольте.
Признает себя вассалом, а вас — своим сеньором».
Поднял король руку, осенил себя крестом он:
«Великой той поживе, что досталась Кампеадору, —
Клянусь святым Исидором, — я радуюсь премного,
И радуюсь делам, свершенным Кампеадором.
Коней этих в подарок принимаю с охотой».
Хоть рад был король, но не рад Гарсия Ордоньес.
«Сдается, нет у мавров человека живого,
Коль Сид Кампеадор творит у них, что хочет».
Король ответил графу: «Эти речи вы бросьте.
Лучше вас он мне служит во всяком походе».
Промолвил тут Минайя, как должно барону:
«Просит милости Сид, коль будет вам угодно,
Для жены своей Химены и для двух своих дочек,
Чтоб вышли из обители, где держал он их долго,
И прибыли в Валенсию к доброму Кампеадору».
Тут промолвил король: «Всем сердцем я доволен.
По всей моей земле пусть пройдут под конвоем,
Чтоб уберечься от зла, бесчестья и позора.
А как выйдут они за пределы моей короны,
Тут печитесь о них вы сами с Кампеадором.
Слушайте же, дружина и челядь придворная:
Не хочу я, чтоб пропало добро Кампеадора.
Дружинникам всем, что зовут его сеньором,
Ныне возвращаю то, что я отнял,
Их вотчины — за ними, пока они в походе;
От зла и обиды даю я им свободу:
Пусть верно и без опаски служат сеньору».
Королю Альвар Аньес целует руки обе.
Улыбнулся король, так ласково молвил:
«Тех, что захотят служить Кампеадору,
Я к нему отпускаю, пусть двинутся с богом.
Это лучше для нас, чем гнев и раздоры».

Меж собой говорили инфанты из Карриона:
«Сильно разрослось богатство Кампеадора,
Вот жениться б на дочках, ради дохода.
Но стыдно нам это предложить всенародно:
Ведь Сид — из Бивара, а мы — из графов Каррионских».
Никому не открылись и на этом замолкли.
Распростился Альвар Аньес с королем высокородным.
«Идете вы, Минайя? Так идите же с богом!
Вы сотника возьмите, — он будет вам в подмогу.
Коль женщин повезете, пусть служит им обороной.
До города Медины я сам о них позабочусь,
А после поручаю опеке Кампеадора».
С королем Минайя простился и уходит.

83

Инфанты де Каррион меж собой посовещались;
Провожать они едут Альвар Аньеса Минайю.
«Во всем вы искусны, так сделайте ж как надо:
Поклонитесь от нас вы Сиду из Бивара.
Мы везде, где сумеем, услужить ему рады.
С нами подружившись, не будет он в накладе».
Ответил Минайя: «За этим не станет!».
Повернули Инфанты, и поехал Альвар Аньес.
Прибыл он в Сан-Педро, где Химена укрывалась.
Велика была радость, как его увидали.
Сошел он помолиться у Сан-Педро во храме.
Помолившись, Химене с дочерями предстал он.
«Поклон вам, донья Химена, храни вас создатель,
Спаси он и вас и дочек ваших малых,
Кланяется мой Сид оттуда, где он остался
В добром здоровье и с великим богатством.
Король по доброте вас со мной отпускает,
Чтоб свезти вас в Валенсию: земля эта — наша.
Если б видел мой Сид, что вы живы и здравы,
Был бы он рад, не ведал бы печали».

Молвит донья Химена: «Помоги нам создатель!».
Трех рыцарей выбрал Минайя Альвар Аньес,
Послал их в Валенсию, где мой Сид пребывает.
«Скажите Кампеадору, храни его создатель:
Жена его и дочки отпущены невозбранно.
Король до границы нам дал охрану.
Отсель чрез две недели, коль бог нам хочет блага,
Привезу ему супругу и дочерей богоданных,
И добрых всех женщин, что живут при этих дамах».
За семейством Сида рыцари поскакали.
В Сан-Педро остался Минайя Альвар Аньес.
Видеть бы вам, как рыцари отовсюду стекались.
Потянулись в Валенсию к Сиду из Бивара.
Чтоб взял их с собой, они просят Минайю.
Отвечал Альвар Аньес: «Охотно принимаю».
Шестьсот и пять рыцарей к отряду пристали,
Да собственную сотню из Валенсии взял он.
Собралась для женщин не плохая охрана.
Пять сотен марок Минайя дал аббату,
Остальные пять сотен — скажу, на что истратил:
Для доньи Химены и дочек богоданных
И для всех их женщин, что служат им исправно,
Решил купить наряды этот добрый Минайя,
Все лучшее, что было в Бургосе из платья,
И мулов и коней, на вид не захудалых.
Когда снарядил он женщин, как надо,
Собрался в дорогу этот добрый Минайя.
Как вдруг Рахиль и Иуда к ногам его упали:
«Сжальтесь, доблестный рыцарь Минайя Альвар Аньес!
Обездолил нас Сид, и все у нас пропало!
Прощаем мы проценты, пусть капитал отдаст нам». —
«Доложу о том Сиду, коль доедем мы здравы.
За все, что вы нам дали, будет добрая награда».
Молвят Рахиль и Иуда: «Подай нам создатель!
А нет — так бросим Бургос и придем к нему сами».

Уходит из Сан-Педро Минайя Альвар Аньес,
Набрал народу много и в путь он собрался.
Велико было горе при разлуке с аббатом:
«Помоги вам господь, Альвар Аньес Минайя!
От меня целуйте руки вы Сиду из Бивара.
Обители этой пусть он не забывает.
Коль Сид Кампеадор ее впредь не оставит,
Во все дни своей жизни сильней себя прославит».
«С радостью исполню», — ответил Минайя.
Вот с аббатом простились и двинулись рано.
И сотник с ними едет, что дан им для охраны,
По землям королевским с конвоем немалым.
От Сан-Педро до Медины пять суток шли исправно.
Вот уже в Медине и женщины и Альвар Аньес.
Про рыцарей скажу вам, что с вестью поскакали.
Как услышал об этом мой Сид из Бивара,
Веселится он сердцем с великою отрадой.
Своими устами такую речь он начал:
«Кто шлет добрые вести, тот сам их получает.
Ты, Пер Бермудес, и Муньо Густиос храбрый,
И Мартин Антолинес, бургосец удалый,
И епископ дон Жероме, прелат достославный,
Поезжайте с сотней рыцарей в латах.
Через Санта-Марию проследовать вам надо.
Прибудете в Молину, что дальше к закату.
Там правит Абенгальбон, мой приятель и данник.
С сотней конных примкнет и он к провожатым.
Поезжайте в Медину, не мешкайте нимало.
Жену мою и дочек и с ними Минайю,
Там вы их застанете, как нынче узнал я,
Чтоб с великою честью сюда их доставить.
Я ж, добывший Валенсию за дорогую плату,
Великий был бы глупец, лишив ее охраны.
Она — мое владение, и в ней я останусь».
Отправились в дорогу, едва он сказал им,

Спешат они, как могут, не мешкают нимало,
Через Санта-Марию к ночлегу во Фрончалес,
А на сутки вторые в Молину доскакали.
Там мавр Абенгальбон, чуть знать ему дали,
Вышел им навстречу с весельем немалым.
«Здесь ли вы, друга сердечного вассалы?
Ваш приезд мне не в тягость, а, знайте, на радость».
Молвил Муньо Густиос, не стал он дожидаться:
«Поклон вам шлет мой Сид и просит передать вам,
Чтоб с сотнею всадников к нам вы пристали.
Жена его и дочки в Медине ожидают.
Поезжайте за ними и сюда их доставьте
И до самой Валенсии вы их не покидайте».
Ответил Абенгальбон: «Все сделаю, как надо».
В ту же самую ночь собрал он охрану,
И утром в дорогу пустились спозаранку.
Сотню просили, — две сотни он дал им.
Прошли через хребет и дикий и громадный,
И дальше еще — чрез кустарники Таранда,
Столько их идет, что никто им не страшен.
В долину Арбухуэло спускаются посланцы.
Видят, пред Мединой войско стоит на страже.
1513a Увидав его, испугался Минайя Альвар Аньес;
Тотчас двух рыцарей на разведки послал он.
Согласились те охотно, не мешкая нимало.
Один остался с войском, другой пришел обратно:
«За нами приехали от Сида вассалы:
Вот перед вами Пер Бермудес славный
И Муньо Густиос, что вас любят без обмана,
И Мартин Антолинес, бургосец удалый,
И епископ дон Жероме, храбрейший из прелатов,
И алькад Абенгальбон с дружиною ратной;
Чтоб Сиду угодить этой честью немалой,
Сегодня прибудут в Мединy все разом».
Тут промолвил Минайя: «Навстречу им поскачем».

Не медлили нимало, тотчас же помчались.
Их выехала сотня, в преизрядном убранстве,
Щиты у них на шеях, а на добрых лошадках
Тафтяные попоны, сбруя с бубенцами.
В руках у них копья и флажок — на каждом,
Чтоб знали все другие: вот едет Альвар Аньес,
Сидово семейство из Кастильи провожает.
Те, кто дозором скакали перед полками,
Для воинской потехи затеяли схватку.
В долине Халона — великая радость.
Тут подъехали гости, склонились пред Минайей.
Как прибыл Абенгальбон, Минайю увидал он,
Бежит его обнять, во весь рот улыбаясь.
В плечо его целует по обычаю мавров.
«Ну, добрый же вам день, Минайя Альвар Аньес!
Везете вы женщин (и для нас это слава),
Жену Кампеадора и дочек богоданных.
Все мы чтим вас ради Сидовой удачи:
Даже если б зла ему желали, не могли бы иначе;
На войне или в мире всегда возьмет он наше.
По-моему, глупец, кто этого не знает».

84

Улыбнулся радушно Альвар Аньес почтенный:
«О Абенгальбон, вы друг ему верный!
Коль даст бог, чтобы Сида при жизни узрел я,
Не быть вам в убытке за это ваше дело.
Пойдемте же в дом, ибо ждут нас к обеду».
Молвил Абенгальбон: «По нраву мне угощенье.
Трех дней не пройдет — я двойным вам отвечу».
В Медине Минайя услужил им отменно.
От приема такого пошло у них веселье.
За все велит платить тот сотник королевский.
Так уважен был мой Сид, что правит в Валенсии,
Изобильным этим мединским угощеньем:

Минайю без денег попотчевали щедро.
Вот уж ночь прошла и утро заблестело,
Вот пустились в дорогу, отстояв обедню.
Пошли из Медины чрез Халонскую реку,
Вниз по Арбухуэло поскакали поспешно,
Таранскую пустошь прошли, не помешкав,
Дошли до Молины, Абенгальбонова лена.
Епископ дон Жероме, христианин примерный,
Сторожит этих женщин и нощно и денно.
Заводной конь за ним везет его доспехи.
Он и Минайя всё рядышком едут.
Вот вступают в Молину, замок пышный и крепкий.
Мавр Абенгальбон им служит там отменно:
Чего не пожелают — дает им немедля.
И даже подковы сменить им велел он.
Принял он их, о боже, с какою честью!
Пустились в дорогу наутро с рассветом.
А с ними Абенгальбон — вплоть до самой Валенсии,
Там мавр распростился, не взял у них денег.
С таким-то почетом и великим весельем
На мерных три лиги приблизились к Валенсии.
К Сиду Кампеадору, что в добрый час свой меч привесил,
В Валенсию-город гонцов послали с вестью.

85

Весел был мой Сид, как прежде не бывал,
Когда от самых любимых та весточка дошла,
Двести рыцарей конных немедля он послал,
Повелев им Минайю и женщин встречать.
Сам остался в Валенсии, ее крепко сторожа;
Он знал, что Минайя все сделает сам.

86

Вот вышли те рыцари навстречу к Минайе,
Ко всей его дружине и к женщинам знатным.

А мой Сид приказал всем тем, что были в замке,
Сторожить алькасар и все высокие башни,
Все выходы и входы и ворота у града,
И привести Бабьеку, добытого недавно
У севильского владыки, что разбит был бесславно.
Не знал еще мой Сид — в добрый час надел он шпагу! —
Ни хода скакуна, ни скачки, ни шага,
Но хочет пред вратами надежной своей ограды
Потешить жену и дочек воинской забавой.
Принимали женщин с почетом небывалым.
Епископ дон Жероме давно обогнал их,
Сошел он с коня пред часовнею малой.
Сколько мог, духовенства в тот час понабрал он.
В стихарях белоснежных, с серебряными крестами
Встречают женщин и доброго Минайю.
Рожденный в час добрый не промедлил нимало.
Оседлали Бабьеку, попоной прикрывают.
В седло вскочил мой Сид, за оружие взялся,
Борода его спадает на камзол-безрукавку.
Проскакал на коне, что Бабьекою звался,
Проехался раз, — что за дивная скачка!
Изумилися все той езде небывалой.
Славит с тех пор Бабьеку весь люд испанский.
Спешился Сид после этого раза,
Подошел он к супруге и дочкам богоданным,
Увидав его, Химена к ногам его упала:
«Милосердный Кампеадор (в добрый час вы взяли шпагу!),
Вы спасли нас от позора и от бедствий немалых.
Вот и я с дочерьми, сеньор, перед вами;
По божьей и вашей воле хорошо я их воспитала».
И мать и дочерей к груди своей прижал он;
От веселья большого все залились слезами.
И вся его дружина довольна и рада:
Мечут копья в мишень для воинской забавы.
Услышьте, что молвил в добрый час надевший шпагу:

«Донья Химена, супруга почтенная и дорогая,
И обе мои дочки, душа и сердце наше!
Войдите со мною в Валенсию-замок,
В это владенье ваше, что вам завоевал я».
Мать с дочерьми ему руки целовали.
Вошли они в Валенсию с почетом небывалым.

87

К алькасару мой Сид вместе с ними подходит.
Поставил их на вышке, на самой высокой.
Прекрасными очами весь край они обводят,
Смотрят: расстилается Валенсия-город,
А с другой стороны — пред глазами море;
Любуются равниной, обширной, плодородной
(И прочими видами, что радуют взоры),
Руки воздевают и славят бога
За эту поживу, что добра и огромна.
Мой Сид со всей дружиной премного доволен.
Вот зима миновала, и март стучит в ворота.
Теперь хочу сказать вам о крае заморском,
О том царе Юсуфе, что правил в Марокко.

88

В обиде царь мароккский на Сида дон Родриго.
«Вот, в землю мою он врезался клином
И Христа одного признает господином!».
И этот царь мароккский созвал свою дружину,
Пятьдесят тысяч войска собрал он воедино.
Поплыли в ладьях по морской пучине.
Идут на Валенсию, на Сида дон Родриго.
Вышли они на сушу, чуть берега достигли.

89

Приходят под Валенсию, что Сидом взята.
Раскинули лагерь неверные племена.
Сразу новость эта до Сида дошла.

90

«Хвала тебе, создатель и отец наш небесный!
Все — здесь предо мной, все, что нажил я честно.
С трудом я взял Валенсию и держу ее крепко.
Ее не отдам, разве только по смерти.
Спасибо творцу и святой приснодеве,
Что во-время Минайя привез мое семейство:
Теперь сюда арабы из-за моря подоспели.
Придется сражаться, раз битвы не избегнуть.
Пусть жена моя и дочки увидят нас в деле,
Пусть знают, как живут на чужих этих землях,
И увидят глазами, как трудятся для хлеба».
Повел он на вышку и дочек и Химену.
Видят: ставят шатры этой рати несметной.
«О! Что это, мой Сид? Спаси вас царь небесный!» —
«О супруга милая, то радостные вести.
Идет к нам казна, великая и чудесная,
Готовится подарок к вашему приезду.
Приданое везут дочерям вашим, невестам». —
«Спасибо вам, мой Сид, и силе небесной!» —
«Здесь на вышке, супруга, стойте вы смело,
Не бойтесь, что иду я на ратное дело:
Со мной милость бога и святой приснодевы,
Оттого, что вы здесь, мое сердце окрепло,
С божьей помощью в битве одержу я победу».

91

Раскинули лагерь. Вот и солнце восходит.
Гремят барабаны частою дробью.
Веселится мой Сид: «Денек будет добрый!».
Сердце доньи Химены рвется от тревоги.
Страшно ей, и служанкам, и двум ее дочкам.
Подобного страха не знавали сроду.
Бороду мой Сид погладил и молвил:

«Не бойтесь ничего: это — ваши доходы;
Ровно чрез две недели, коль господу угодно,
Эти барабаны пред вами мы положим,
Чтоб вы посмотрели, из какой они кожи.
А затем их получит епископ дон Жероме —
Поставит их в соборе, у матери господней».
Таково обещанье Сида Кампеадора.
Развеселились женщины, не боятся нисколько.
Скачут во весь опор те мавры из Марокко,
Беззаботно въезжают в сады и огороды.

92

Увидал их караульный, и в колокол забил он.
Не мешкали вассалы Руй Диаса Сида,
Для вылазки отважной с усердьем вооружились.
Чуть встретили мавров, затеяли битву.
С превеликим позором погнали их с нивы,
Ровно пять сотен в тот день перебили.

93

Вплоть до самых палаток продолжалась погоня.
С победой дружина возвращается из боя,
Но в плен попался Альвар Сальвадорес.
Тут питомцы Сида возвращаются в город;
Хоть сам видел он битву, рассказали все подробно.
Премного он доволен их доброй работой.
«Послушайте, рыцари, твердо мое слово:
День был нынче хороший, завтра будет — превосходный.
Все станьте под оружие поутру до восхода.
Даст нам отпущенье епископ дон Жероме;
Как обедню отслужит, вы будьте готовы;
Ударим на них (другого нет исхода).
Поможет нам господь и Иаков — святой апостол.
Прогоним врага, чтоб он хлеба не отнял».
Все ему отвечали: «С любовью и охотой».

Не медля ни мало, Альвар Аньес промолвил:
«Так дайте же мне, Сид, коль на то ваша воля,
Рыцарей сто тридцать, приученных к бою:
Нападете вы в лоб, а я — ударю сбоку,
Да поможет нам бог — одному иль обоим».
Тут промолвил мой Сид: «Готов я с охотой».

94

Вот день угасает, на землю ночь сошла,
Снаряжаются быстро христианские войска.
Под утро, чуть раздались петушиные голоса,
Епископ дон Жероме обедню прочитал.
Как закончил обедню, отпущенье всем дал:
«Кто погибнет в сраженьи лицом к врагам, —
Грехи с него снимаю, и к богу пойдет душа.
А от вас, дон Родриго, рожденный в добрый час,
За то, что нынче утром служил я для вас,
Прошу я подарка, чтоб был он мне дан, —
Чтоб за мной в этой битве был первый удар».
Промолвил мой Сид: «Отдаю его вам».

95

На кастильскую дорогу все вышли в латах.
Мой Сид своих вассалов выстроил на славу,
У ворот оставляет надежнейшую стражу.
На коне Бабьеке Сид едет из града.
Блестит его оружье, крепок его панцирь.
Вот вышли из Валенсии и вынесли знамя
Без тридцати четыре тысячи храбрых,
Спешат ударить на пятьдесят тысяч мавров.
А с другой стороны — Альвар Альварес с Минайей.
Господь им помог, и врагов они погнали.
Колет Сид копьем, орудует шпагой.
Столько мавров убил, что нельзя сосчитать их.
Кровь их по локтю на землю стекает.

Юсуфу-царю он нанес три удара,
Но спас добрый конь от Сида араба.
Убежал царь в Гухеру, в замок богатый.
Гнался за ним до замка мой Сид из Бивара,
А следом за ним его добрые вассалы.
Рожденный в добрый час вернулся обратно,
Удачным уловом доволен он немало.
Хвалит он Бабьеку за повадку и стати.
Несметная пожива Кампеадору досталась.
Пятьдесят тысяч мавров на поле осталось,
Всего сто четыре спаслось и убежало.
Дружина Кампеадора разграбила их лагерь:
Взяла сребром и златом три тысячи марок.
А прочей поживы — не окинуть глазами.
Был весел мой Сид и все его вассалы,
Что по милости божьей победа им досталась.
Когда царь тот мароккский был прогнан из края,
Для подсчета добычи Сид оставил Минайю.
С сотнею рыцарей в Валенсию вступает.
Скинул он шлем, лицо его сияет.
Сидит он на Бабьеке; в руках его шпага.
Вышла ему навстречу Химена с дочерями.
Осадил он коня, к женщинам подъезжая:
«Привет вам, госпожи! Приумножил я вам славу!
Вы город сторожили, пока в поле я сражался.
Послал нам господь и вся сила святая
К вашему приезду поживу и богатство.
Весь в мыле мой конь, и меч мой окровавлен.
Вот чем на поле расправляются с мавром.
Молите, чтоб бог год-другой еще дал мне:
Целовать вам будут руки, и войдете вы в славу».
Так промолвил мой Сид, и с коня он слезает.
Увидев, что ногу на землю он поставил,
Жена его достойная, дочери и служанки
Пред Сидом Кампеадором на колени упали.

«Живите много лет! Мы все — в вашей власти».
Пошли они вместе и вернулись в палаты
И уселись с ним вместе на скамьях богатых.
«О жена, донья Химена, не просили ль вы сами,
Чтоб женщин, которые служат вам годами,
За этих моих вассалов повыдал я замуж?
За каждой даю я две сотни марок,
Чтоб знали в Кастилии, чьи они служанки.
А о ваших дочерях говорить еще рано».
Тут все поднялись и руку лобызали.
Настала в замке превеликая радость.
Как Сид мой сказал, так и сделали сразу.
За городом в поле остался Альвар Аньес
Со всею дружиной, поживу считая.
Драгоценной одежды, оружья и палаток
Безмерное множество они насчитали.
Назову я лишь то, что крупно и важно.
Нет счета коням, что без всадников скачут,
С седлом и со сбруей — и некому поймать их;
Кой-чем поживились и окрестные мавры.
А все же по разделу мой Сид достославный
Взял себе тысячу скакунов арабских.
Но если Кампеадору так много досталось,
Так, видно, и другие поживились немало.
Сколько ценных палаток, и утвари, и скарба
Получили мой Сид и все его вассалы.
Всему прочему венец — это царская ставка
И в ней два столба, изукрашенных златом.
Приказал тут мой Сид Кампеадор достославный,
Чтоб стоял тот шатер, никому бы не достался.
«Такую палатку, что пришла от марокканцев,
Альфонсу-Кастильцу пошлю я в подарок,
Чтоб верил он рассказам о Сидовых достатках».
Вступили в Валенсию со всем своим богатством.
Епископ дон Жероме — храбрейший из прелатов:

Как крепко он бился обеими руками!
Сколько мавров убил он, что их и не считали.
Его доля в добыче, узнайте, громадна:
Мой Сид дон Родриго (в добрый час взял он шпагу)
Отдал ему половину своей пятины богатой.

96

В Валенсии идет ликованье большое:
У христиан есть добро, и оружие, и кони.
Рада донья Химена, и дочери обе,
И верные служанки, что замуж выходят.
Мой Сид Руй Диас не медлил тут много:
«Подойдите, Минайя! О, где вы, благородный!
Собственною силою себе вы добыли долю.
Из моей пятины — вот вам мое слово —
Берите, что хотите, оставьте, что угодно.
А завтра наутро пойдете вы походом
С конями из пятины, что нынче я добыл:
Дорогие на них седла, уздечки и попоны.
За жену мою и дочек с нижайшим поклоном,
За то, что их проводили с почетом без препоны,
Двести коней отведите королю Альфонсу,
Чтоб он не бранил валенсийского сеньора».
Послал Сид Бермудеса Минайе в подмогу.
Наутро снарядились и выехали бодро,
Ведя с собою двести коней отборных.
Мой Сид, дескать, руки целует с поклоном;
Из этой добычи, что в битве он отнял,
Сеньору коней шлет в подарок две сотни:
«И покуда я жив, служить ему готов я».

97

Вот вышли из Валенсии и поехали скорей.
Везут добро такое, что стоит посмотреть,
Скачут и днем и ночью, не мешкают нигде,

Миновали сьерру, рубеж чужих земель.
Повсюду вопрошали об Альфонсе-короле.

98

Пробрались чрез сьерру меж гор и меж вод,
Пришли в Вальядолид, где был дон Альфонс.
Перо Бермудес и Минайя засылают гонцов,
Чтоб принять приказал их с дружиною король:
Прислал-де из Валенсии дары Кампеадор.

99

Охватила радость короля Альфонса
Всем идальго велит он собраться толпою,
Сам во главе их оставляет город,
Едет навстречу послам Кампеадора.
Были там, знайте, инфанты из Карриона,
И граф дон Гарсия, к Сиду полный враждою,
Ибо Сид одним мил, а другим неугоден.
Вот завидели послов рожденного в час добрый;
Думают, что войско, а вовсе не посольство.
Чело перекрестил король дон Альфонсо.
Бермудес и Минайя подскакали проворно,
На землю поспешно соскочили с седел,
Колени преклонили пред Альфонсом-сеньором,
Землю целуют и ноги его обе:
«Смилуйтесь, Альфонсо, король высокородный!
Ноги ваши мы целуем за Сида Кампеадора.
Вассал он ваш верный и чтит вас как сеньора,
За честь оказанную благодарит глубоко.
Недавно, о король, пораженье нанес он
Нечестивому Юсуфу, царю над Марокко.
Пятьдесят тысяч мавров осталось на поле.
Добыча, что взял он, хороша и огромна;
Стали богачами вассалы Кампеадора.
Вам он руки целует и коней шлет две сотни».

Молвил король: «Принимаю их охотно.
За эти дары благодарен я премного.
Уже близится час примиренья с Кампеадором».
Многим это по сердцу, к руке они подходят.
Но граф дон Гарсия преисполнился злобы;
С десятком родных отошел он в сторонку:
«Мне дивно, как Сид прославился столь скоро.
Его новая слава нам послужит к позору.
Так легко королей разбивает он в поле
И, словно у мертвых, коней у них уводит.
Все, что ни свершит он, вред нам наносит».

100

Молвил король Альфонс (слушайте, что говорил он):
«Благодарю, боже и сеньор святой Исидор,
За этих коней, что мне присланы Сидом!
Державу кастильскую отныне он усилил.
А вы, Перо Бермудес и Минайя, внемлите:
В богатое платье велю вам нарядиться;
Берите из оружия, что сами захотите,
Чтоб могли вы показаться Руй Диасу Сиду;
Даю вам трех коней — из двухсот их возьмите.
Думаю я (так сердце говорит мне):
Видно, все это к добру обратится».

101

Во дворце для ночлега отводят им место.
Всем снабдил их король, что гостям потребно.
Про инфантов каррионских хочу вам поведать,
Как сошлись они друг с дружкой на тайную беседу:
«Все громче и громче Сидовы победы.
Так попросим мы в жены дочерей его обеих —
Возрастет наша честь, заживем мы безбедно».
Идут они к королю после тайной беседы.

102

«О милости вас молим, как короля и сеньора,
И вашей доброй помощи просим мы покорно,
Чтоб посватали вы нас дочерям Кампеадора:
Хотим на них жениться ему в честь, себе на пользу».
Задумался король и раздумывал долго:
«Изгнал я из царства доброго Кампеадора,
Я принес ему вред, он — доход мне огромный.
Этот брак, я не знаю, почтет ли он добрым,
Но коль просите вы, так начнем переговоры».
Альвар Аньеса Минайю и Педро Бермудеса
К себе приглашает король дон Альфонсо,
В обширной палате отвел он их в сторонку:
«Минайя и Бермудес, слушайте, что я молвлю.
Доволен я службою Сида Кампеадора,
За заслуги его я помилую скоро.
Предо мной пусть предстанет, коль так ему угодно.
Но здесь при дворе другая есть новость:
Диэго и Феррандо, инфанты из Карриона,
Хотят нынче взять дочерей его в жены.
Будьте добрыми гонцами, и прошу вас обоих,
Чтоб сказали вы об этом доброму Кампеадору:
Возрастет его слава и честь его рода,
Коль он породнится с инфантами Карриона».
Минайя в согласье с Бермудесом молвил:
«О том, что вы сказали, у Сида мы спросим,
И пусть он решает, как душа его хочет». —
«Передайте Руй Диасу, рожденному в час добрый,
Что навстречу ему приду по уговору,
Назначим мы место, где Сиду угодно,
Явить ему желаю я свою благосклонность».
Простились посланцы с королем Альфонсом,
В Валенсию едут знакомой дорогой.
Чуть вести об этом дошли до Кампеадора,

Он выехал навстречу к вассалам своим добрым.
Улыбнулся мой Сид и крепко их обнял:
«Вы ли, Минайя и Бермудес, предо мною?
Не всюду найдешь двух таких баронов!
Как здоровье Альфонса, моего сеньора?
Принял ли дары и остался ли доволен?».
Ответил Минайя: «И сердцем и душою
Доволен он остался и вернул вам благосклонность».
Промолвил мой Сид: «Благодарение богу!».
Как послам подобает, повели они слово
О том, что поручил им дон Альфонс из Леона, —
Посватать дочек Сида за инфантов Карриона.
Мол, найдет в том Сид честь и славу для рода;
От сердца и души совет дан Альфонсом.
Как Сид мой Кампеадор услыхал это слово,
Задумался он и раздумывал долго.
«Спасибо Христу, моему сеньору!
Изгнан я был с бесчестьем и позором.
С великими трудами богатство я добыл.
И милость короля вернул я, слава богу:
Вот он просит моих дочек для инфантов Карриона,
Скажите, Педро Бермудес, и вы, Минайя добрый:
Что думается вам об этом сговоре?». —
«Решайте, как хотите; не будем мы спорить». —
«Инфанты Карриона — от крови благородной.
При дворе они в силе, и нравом прегорды.
Этим сватовством не очень я доволен.
Но раз советует тот, кто всех нас дороже,
Начнем переговоры, но тайно и осторожно;
А там нас бог наставит на верную дорогу». —
«А сверх всего того говорит вам Альфонсо,
Что встретится он с вами, где будет вам угодно:
Видеть вас он хочет и взыскать своей любовью.
Как лучше поступить, сговоритесь вы оба».
Тут промолвил мой Сид: «Сердечно я доволен.

Это свиданье где назначить нам должно?».
Тут молвил Минайя: «Где будет вам удобно». —
«Не худо бы знать решенье короля Альфонса:
Туда, где он будет, и мы придем охотно,
Чтоб честь ему воздать, как королю и сеньору.
Но раз он так хочет, то мы ему покорны:
У берега Тахо, той реки полноводной,
Встретить готов я моего сеньора».
Написали письмо, запечатали плотно,
Отправили с ним двух рыцарей конных:
Исполнит Кампеадор желанье дона Альфонса.

103

Принял ту грамоту король достопочтенный.
Как только прочел, возрадовался сердечно:
«Кланяйтесь Сиду (в добрый час свой меч надел он).
Назначаем мы встречу отсель чрез три недели.
Если буду я жив, так приду непременно».
Гонцы вернулись к Сиду, ни мало не медлив.
С обеих сторон снаряжаются к отъезду.
Кто видел в Кастилье столько мулов бесценных,
Столько коней для хорошего бега,
Холеных лошадей, скакунов безупречных,
Столько пестрых флажков, на копья надетых,
Щитов с золотой и с серебряной отделкой,
Шелков александрийских и мантий и меха!
Велит король отправить много всяческой снеди
На прибрежие Тахо, где условлена встреча.
Скачет Альфонс с дружиной отменной,
Инфанты из Карриона едут за нею.
Кой-что взяли в долг, а иное за деньги.
Думают, ждет их пожива без сметы,
И злато, и сребро, и всякое именье.
Король дон Альфонс скачет поспешно.
А графы и вельможи со свитою — следом.

Инфанты из Карриона с большим конвоем едут.
С королем галисийцы, и леонцы в доспехах,
И кастильцы, которым и счета там нету,
Отпустив поводья, спешат к месту встречи.

104

В городе Валенсии — мой Сид Кампеадор;
Он не мешкает нимало, готовится в поход.
Сколько мулов холеных и коней на подбор,
Сколько доброго оружья и добрых скакунов,
Сколько добрых плащей, епанчей и мехов!
Большие и малые — все в платье цветном.
Минайя Альвар Аньес и Пер Бермудес лихой,
И Мартин Муньос, что держит Монте-Майор,
И Мартин Антолинес, бургосец удалой,
И отважный дон Жероме, епископ святой,
И Альвар Сальвадорес, и Альвар другой,
И Муньо Густиос, этот рыцарь удалой,
И Галинд Гарсиас, что покинул Арагон, —
Все они снарядились с Руй Диасом в поход,
И все вассалы, сколько было их у него.
Но Альвару Сальвадоресу велит Кампеадор,
И Галиндо-арагонцу приказывает он,
Чтоб Валенсию хранили и сердцем и душой.
Под начало их он отдал весь прочий народ.
Ворота алькасара (так повелел сеньор)
Должны быть на запоре весь день и всю ночь:
Там его супруга и две дочери его
(За них душу и сердце отдать он готов)
И прочие женщины, что служат им давно.
Следить приказал он, как добрый барон,
Чтоб не вышла ни одна из дворцовых ворот,
Пока тот не вернется, что в час добрый рожден.
Вот ушли из Валенсии и скачут во весь опор.
Сколько ратных коней, холеных скакунов!

Мой Сид взял их с бою: не дарил ему никто.
Так он едет на место, где ждет его король.
Днем ранее прибыл король дон Альфонс.
Как увидели, что едет добрый Кампеадор,
С великим почетом встречал его король.
Как завидел его тот, что в час добрый рожден,
Позади оставляет он весь свой конвой,
Едут с ним лишь пятнадцать вернейших бойцов,
Вместе с ними с коня сошел Кампеадор.
Вот как сделал рожденный под счастливой звездой:
Ладони и колени прижал к земле сырой,
Зубами грызет он ковыль полевой,
Горячо он плачет от радости большой.
Так умел поклониться сеньору герой.
Распростерся мой Сид у королевских ног,
И сильно опечалился король дон Альфонс.
«Встаньте немедля, о Сид Кампеадор!
Целуйте мне руки, но ноги — ни за что.
Коль сейчас же не встанете, опалы ждите вновь».
Но все на коленях стоит Кампеадор:
«Милости прошу я, природный мой сеньор!
Вот так пред вами стоя, пусть буду я прощен,
Чтоб слышали все, что стоят здесь кругом».
Молвил король Альфонс: «Всей душой я готов.
При всех я вас прощаю, возвращаю вам любовь.
В пределы своей державы принимаю вас вновь».
Ответил мой Сид, так вымолвил он:
«Прощенье принимаю, о Альфонс, мой сеньор!
Спасибо богу в небе, а вам после него,
И всем этим дружинам, что стоят здесь кругом».
Руку Альфонсу целуя, Сид с земли не встает.
Наконец, поднявшись, в уста лобзает его.
Всем это было любо и по сердцу пришлось,
Лишь Альвар Диас и Гарсия Ордоньес в душе затаили зло.
Тут вымолвил слово мой Сид Кампеадор:

«Благодарю тебя, боже, отче всеблагой!
Коль милость вернул мне Альфонс, мой король,
Значит денно и нощно поможет нам бог.
Так будьте же сегодня моим гостем, сеньор».
Король отвечает: «Обычай не таков.
Вы только что явились, мы прибыли в ночь.
На нынешний день вы мой гость, Кампеадор,
А завтра по-вашему сделать я готов».
Сид руку целует, согласен он на то.
В ту пору инфанты отвесили поклон:
«Кланяемся Сиду, что в час добрый рожден.
Все готовы мы сделать, что будет вам впрок».
Отвечал им мой Сид: «Да поможет вам бог».
Мой Сид Руй Диас в час добрый рожден!
Весь этот день угощал его король,
Полюбил его сердечно, наглядеться не мог,
Изумляясь, как быстро бородой Сид зарос.
Дивится Кампеадору собравшийся народ.
Вот день закатился и надвинулась ночь.
А на новое утро всходит солнце светло.
Мой Сид Руй Диас скликает поваров,
Чтоб пир приготовить для вельмож и бойцов.
Так ублажил их мой Сид Кампеадор,
Что все были рады и сошлися на том,
Что так они не ели вот уж третий год.
На новое утро, чуть солнце взошло,
Епископ дон Жероме служил пред всем двором.
Отстояв обедню, сошлись на сходку вновь.
Не помедлив ни мало, сказал король Альфонс:
«Услышьте, рыцари, графы и весь ратный народ!
С просьбою к вам обращаюсь, мой Сид Кампеадор.
Дай господь небесный, чтоб в этом был толк.
Дочерей у вас прошу я, донью Эльвиру и донью Соль,
Чтоб вы дали их в жены инфантам де Каррион,
Я вижу в этом браке и почесть и прок.

Они о том вас просят, и совет мой таков:
Все, что здесь сошлись с обеих сторон,
И ваши и мои, пусть все просят о том.
Отдайте их, мой Сид, да поможет вам бог!». —
«Рано еще под венец им, — отвечал Кампеадор, —
Подождать бы им малость, не много им годков.
Из знатного рода инфанты де Каррион, —
Стоят моих дочек и лучших даже жен.
Я дочек породил, а вы вскормили их, сеньор;
И я и они — вам подвластны по гроб.
Предаю в ваши руки донью Эльвиру и донью Соль;
Отдайте, кому угодно, не перечу вам в том». —
«Вам и сходке спасибо», — промолвил король.
Тут встали немедля инфанты де Каррион,
Целуют руки тому, кто в добрый час рожден.
Обменялись мечами пред Альфонсом королем.
Молвил король Альфонс, как добрый сеньор:
«Спасибо вам, Сид почтенный, а богу прежде всего,
Что отдали вы дочек инфантам де Каррион.
Вот беру я в свои руки донью Эльвиру и донью Соль.
Пусть будут супругами инфантов де Каррион.
Выдаю я ваших дочек, и согласны вы на то.
Дай бог, чтоб венчанье вам радость принесло!
Отдаю в ваши руки инфантов де Каррион.
Пусть отправятся с вами, я ж поеду домой.
Триста марок немедля я даю серебром —
На свадьбу иль что другое, решать вам вольно.
Им быть под вашей властью в Валенсии суждено:
Как зятья, так и дочки — вам дети равно.
Что угодно, творите над ними, Кампеадор».
Сид, руку целуя, их принял от него:
«Большое вам спасибо, король мой и сеньор,
Вы отдали их замуж; неповинен я в том».
(Вот сговор завершился, и слово дано,
Чтоб завтра наутро, чуть зардеет восток,

Всякий в дом свой вернулся, откуда пришел.
Тут прославил свое имя мой Сид Кампеадор.
Столько мулов отменных и коней наподбор,
Столько платьев хороших (все — ценное добро)
Раздавал он без счета всем, кто брал от него,
Кто что ни попросит, то взять ему вольно.
Шестьдесят лошадей раздарил Кампеадор.
Всем людям на радость был этот сговор!
Собрались они в дорогу, чуть стало темно.
Обоих инфантов взял за руки король;
Сиду Кампеадору поручает их он:
«Пусть же будут зятья вам вместо сынов:
Что угодно, творите над ними, Кампеадор». —
«Принимаю ваш дар, спасибо вам, сеньор,
Сторицей за это да воздаст вам господь!

105

Прошу вашей милости, король богоданный:
Раз выдали вы дочек по вашему желанью,
Отца посаженного, прошу, им назначьте:
Своею рукой ни за что не отдам их».
Ответил король: «Вы здесь, Альвар Аньес?
Возьмите их за руки и отдайте их инфантам,
Как сделал бы я, если б там я был с вами.
Отцом посаженным будьте на свадьбе.
О ней мне при встрече расскажите всю правду».
Отвечал Альвар Аньес: «Сеньор, я согласен».

106

Все уладили, знайте, с толком и разуменьем.
«О король дон Альфонс, сеньор достопочтенный,
Примите подношенье в память нашей встречи:
Тридцать вьючных коней, все в сбруях отменных,
И тридцать скакунов, все в седлах драгоценных,
Примите от меня — целую руки смиренно».

Молвил дон Альфонс: «Смущен я непомерно,
Но от вас принимаю я это подношенье.
Пошли вам творец со всей силою небесной
Большое возмещенье за дар прелюбезный.
Вы, Сид мой, Руй Диас, почтить меня сумели —
Премного я доволен, вы служите мне верно.
Коль буду я жив, добром вам отвечу.
Поручаю вас богу и отсюда я еду.
Господь да обратит нам это на потребу».

107

На коня Бабьеку мой Сид вскочил проворно:
«Вот здесь я говорю пред королем Альфонсом:
Кто хочет быть на свадьбе и уйти одаренным,
Пусть едет со мною, получит он пользу».
Простился мой Сид с королем, своим сеньором,
Провожатых не просит, в путь собрался скоро.
Видать бы вам рыцарей! Как все они довольны!
Целуют они руки королю Альфонсу:
«Да будет ваша милость: отпустить нас извольте;
Хотим мы у Сида, в Валенсии высокой,
Попировать на свадьбе инфантов Карриона
С доньей Эльвирой и доньей Соль, дочерьми Кампеадора».
Доволен был король, и всем дал он отпуск.
Рать у Сида растет, и тает у Альфонса.
Уходят с Кампеадором бесчисленные толпы.
Подступают к Валенсии, что взял он в час добрый.
К Фернандо и Диэго приставил он для надзора
Педро Бермудеса и Муньо Густиоса —
Двух лучших слуг Биварского дома, —
Чтоб разведали норов инфантов Карриона.
Был тут Асур Гонсалес, крикун пустозвонный,
На язык только бойкий, но на дело — не очень.
Везут с большим почетом инфантов Карриона.
И вот они в Валенсии, добыче Кампеадора.

Как там их увидали, ликуют от восторга.
Молвил Сид дону Педро и Муньо Густиосу:
«Отведите покой для инфантов каррионских
И при них будьте сами, таково мое слово.
Пусть завтра увидят, чуть выглянет солнце,
Донью Эльвиру и донью Соль, невест нареченных».

108

Все на ночлег разошлись по палаткам.
Мой Сид Кампеадор отправился в алькасар.
Встречают его Химена, и дочки, и служанки:
«Здесь ли вы, мой Сид? Хороша ваша шпага!
Дай вас бог подольше видеть во здравье».
«Здесь я, слава богу, супруга честная.
Веду я вам зятьев на честь нам и славу.
Кланяйтесь мне, дочки, я выдал вас замуж».

109

Руки ему целуют и дочки, и Химена,
И все их служанки, что служат им верно:
«Слава богу и вам, господин наш почтенный,
Все, что вы творите, — разумно и отменно.
Во все дни вашей жизни нищеты им не ведать». —
«Раз вы нас выдаете, заживем мы безбедно».

110

«Жена, донья Химена, да прославится бог!
Вам молвлю я, дочки, донья Эльвира и донья Соль:
От вашего брака в чести мы возрастем.
Но узнайте всю правду — что я тут ни при чем.
Просил вас и просватал мой сеньор дон Альфонс;
Так крепко просил он и стоял на своем,
Что ему отказать не мог я ни в чем,
И обеих вас, дочки, отдал в руки его.
Верьте слову, просватал вас не я, а король».

111

Украсили алькасар в тот день великолепно,
Настлали на пол, навешали на стены
Парчи, и аксамита, и ковров драгоценных.
Сидеть в таких покоях — прямое блаженство.
Все рыцари Сида явились на место.
За инфантами послов снарядили немедля.
Вот оба инфанта к алькасару едут,
С отличным оружьем и богато одеты.
Пешком они входят, — о боже, как смиренно!
Сид мой с вассалами им вышел навстречу.
Склонились они пред Сидом и супругою почтенной,
Отошли и уселись на скамье драгоценной.
Все Сидовы люди обучены примерно,
Все глаз не спускают с рожденного в час светлый.
Тут встал Кампеадор и молвил им умело:
«Уж раз суждено, так зачем же нам медлить?
Приблизьтесь, Альвар Аньес, любимый мой, бесценный!
Вот даю в ваши руки дочерей своих обеих.
Королю обещал я, и это вам известно;
Не нарушу уговора ни за что на свете.
Своей рукой инфантам отдайте их теперь же;
Покончим мы с этим, и пойдут они в церковь». —
«Охотно я согласен», — Минайя ответил.
Вот встали девицы: взял он за руки обеих;
К инфантам Каррионским обратился он с речью:
«Вот вы предо мною; одного отца вы дети,
Вместо дона Альфонса, что так повелел мне,
Девиц я вам вручаю, благородное семя,
Чтоб взяли вы их в жены по праву и с честью».
Любовно и охотно те приняли обеих.
Целуют руку Сиду и донье Химене.
Все вышли из замка, покончив с этим делом,
Идут они к храму святой приснодевы.

Епископ дон Жероме давно в облаченье
Сидел и дожидался перед храмом у двери.
Союз благословил, отслужил им обедню.
Покинувши храм, поскакали немедля.
Затеяли пред Валенсией ратную потеху.
Отличился мой Сид с вассалами всеми:
Сменил трех коней рожденный в час светлый.
Был доволен мой Сид той игрою военной:
Инфанты Карриона скакали отменно.
Возвратились в Валенсию с женщинами вместе,
Пышно справили свадьбу в алькасаре почтенном.
С утра велел мой Сид прибить семь мишеней;
Их все изрешетили еще до обеда.
Продлилась эта свадьба полных две недели;
А на третью все рыцари домой захотели.
Мой Сид дон Родриго, рожденный в час светлый,
Одних только мулов и коней подседельных,
Кроме прочего, роздал сотню, не меньше;
Роздал плащи и шубы и разные одежды,
А чеканным деньгам там не было сметы.
Сидовы же вассалы учтивы и щедры:
Гостинцы несли они каждый отдельно,
Тут всяк, кто хотел, одарен был отменно;
Все богаты вернутся в Кастильскую землю.
И вот уже гости снарядились к отъезду,
Прощаются с Сидом, рожденным в час светлый,
И с дружиною Сида, и с Сидовым семейством.
Довольны они Сидом и вассалами всеми,
Добром их поминают, как следует по чести.
Диэго и Феррандо — в великом веселье;
То графа дона Гонсало родные были дети.
Воротились те гости в Кастильскую землю,
А Сид мой с зятьями остались в Валенсии.
Живут там инфанты два года, не меньше;
Ублажают их лаской и великою честью.

Веселится мой Сид с вассалами вместе.
Да пошлют богоматерь и господь милосердый,
Чтоб тот брак был для Сида и счастлив и весел!
Вот приходят к концу и стихи этой песни.
Помоги вам творец со всей силою небесной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСКОРБЛЕНИЕ В ЛЕСУ КОРПЕС

112

В Валенсии мой Сид, и с ним весь его дом,
И зятья его с ним же, инфанты де Каррион.
На скамью Сид улегся, заснул Кампеадор.
Но дело лихое, узнайте, стряслось:
Лев вышел из клетки, разломал он затвор.
Всем страху нагнал он, всполошил он весь двор.
Откинули плащи все, кто спали кругом,
Окружили скамью, где лежал их сеньор.
Ферран Гонсалес, инфант де Каррион,
Не видит, чтоб скрыться, ни башни, ни ворот,
От великого страха под скамью он заполз.
Диэго Гонсалес из дверей вышел вон,
Крича во весь голос: «Прощай, Каррион!».
От страха в давильне залез он за столб,
Замарал он грязью весь свой плащ и камзол.
От этого шума пробудился Кампеадор,
Вкруг скамьи видит храбрых, окруживших его.
«Что здесь случилось? Не нужно ли вам чего?». —
«Из-за льва, о сеньор наш, случился переполох»
На локоть оперся и встал Кампеадор,
С плащом на плечах так на льва и пошел.
Устыдился тут лев, завидев его;
Склонился перед Сидом, поник головой.
Мой Сид дон Родриго за гриву взял его,

Повел его в клетку и запер на засов.
Дивились на Сида все, что были кругом,
Вернулся в палату мой Сид Кампеадор.
Спросил про зятьев, но их там не нашлось.
Хоть громко их звали, не ответил никто.
Наконец, отыскали их, бледных как полотно.
Послушать бы вам, как смеялся весь двор,
Покуда не пресек насмешек Кампеадор.
Со стыда тут сгорели инфанты де Каррион:
Уж очень им обидно то, что с ними стряслось.

113

Чуть кончилось это на горе и на срам,
Обложил град Валенсию мароккский султан.
На поле у Куарто шатры его стоят.
Пятьдесят тысяч их раскинулось там.
То был царь Букар, коль известен он вам.

114

Рад был мой Сид и все его бароны,
Что растет их пожива, хваление богу!
Но тяжко на сердце у инфантов из Карриона:
Не по нраву им, знайте, столько шатров мароккских.
Тогда оба брата отходят в сторонку:
«Считаем мы поживу, а не видим мы урона.
В эту битву ввязаться нам придется бесспорно.
Этак можно вовек не увидеть Карриона.
Останутся вдовами дочки Кампеадора».
Тут Муньо Густиос услыхал это слово,
Пришел к Кампеадору и принес ему новость:
«Ну, ваши зятья, видно, храбрые бароны:
Перед самою битвой потянуло их к дому.
Втолкуйте вы им ради господа бога,
Чтоб смирно сидели: нам нет от них проку.
Мы с вами все справим, а господь нам поможет».

Мой Сид дон Родриго улыбаясь входит.
«Бог в помочь, зятья, инфанты-каррионцы!
С вами спят мои дочки, что белее, чем солнце.
Ныне рвусь я в сраженье, а вы — к Карриону.
Отдыхайте ж в Валенсии и тешьте свой норов.
Знаток я по части этих мавров мароккских.
Разогнать их берусь, коль творец мне поможет».

115

Покуда они так говорили, прислал царь Букар сказать Сиду, чтоб отдал ему Валенсию и сидел смирно, не то раскается он во всем, что наделал. А Сид отвечал тому, кто принес эту весть: «Пойдите и скажите Букару, вражьему сыну, что трех дней не пройдет, как я дам ему то, чего он требует».

Наутро приказал Сид всем своим вооружиться и ударил на мавров. Тут инфанты де Каррион попросились в передовой отряд. А когда Сид выстроил войска, дон Феррандо, один из инфантов, выехал вперед, чтоб напасть на некоего мавра, что звался Аладраф. Когда мавр его увидел, то и сам выступил против него; а инфант от великого страха перед ним повернул поводья и убежал, не посмев даже его дождаться.

Педро Бермудес, скакавший с ним рядом, увидев это, бросился на мавра, одолел и убил его. Затем он взял лошадь убитого, нагнал убегавшего инфанта и сказал ему: «Дон Феррандо! Возьмите этого коня и скажите всем, что вы убили мавра, им владевшего, и слова ваши будут подтверждены мною».

И сказал инфант: «Дон Педро Бермудес, очень вам благодарен за это...

Пусть увижу я час, когда вдвое воздам вам».
И тут оба вместе повернули обратно.
Подтвердил там дон Педро то, чем хвастал Феррандо.
Доволен был Сид и все его вассалы:
«Коль поможет нам бог, наш отец благодатный,
Оба зятя мои будут годны для рати».

Так они говорили, а враги приближались.
В строю мавританском забили барабаны.
Многие, кто к Сиду пришел недавно,
Неслыханному грохоту дивятся немало.
Но больше дивятся Диэго и Феррандо;
Будь на это их воля, их бы здесь не видали.
Рожденный в час добрый, услышьте, что сказал он:
«Эй, Пер Бермудес, племянник мой славный!
Охраняйте мне Диэго, охраняйте мне Феррандо,
Зятьев моих обоих, что дороже мне злата.
В поле, даст бог, не удержатся мавры».

116

«Клянусь я вам, Сид, любовью господней,
Что дядькой у инфантов не буду я сегодня.
Мне нет до них дела: пусть хранит их, кто угодно;
А я со своими рубить нынче должен.
Вы с вашими стойте в тылу наготове —
Коль будет нужда, поспевайте на помощь».
Минайя Альвар Аньес подъехал и молвил:
«Послушайте, о Сид, Кампеадор благородный!
Эта битва решится по милости господней;
А бог вас взыскал, и всегда вы с ним в доле.
Вы сами, как надо, распоряжайтесь боем,
А каждый из нас исполнит, что должно.
Увидим, что будет, с вашим счастьем и с божьим».
Промолвил мой Сид: «Что медлить нам дольше?».
Как вдруг тут епископ в доспехах добрых,
Предвестник удачи, предстал Кампеадору.
«Обедню троице отслужил я сегодня.
Из родной земли лишь затем и пришел я,
Чтоб боем с неверными натешиться вдоволь.
Прославить хочу свои руки и орден.
В первых рядах мне позвольте бороться.
Герб ношу я на латах, на флажке моем — посох:

Испытаю их нынче, коль бог мне поможет,
Чтоб сердце мое позабавилось вдосталь,
А вы бы, мой Сид, мной остались довольны.
Коль откажете мне, я покину вас тотчас».
Тут промолвил мой Сид: «Мила мне ваша просьба.
Любого араба выбирайте на пробу.
Посмотрим, как дерется отец преподобный».

117

Епископ дон Жероме пришпорил исправно,
Рубит он мавров средь их же палаток;
Помогло ему счастье, и господь его наставил:
С первого же маху убил он двух мавров.
Сломавши древко, схватился он за шпагу.
Постарался епископ, о боже, с какой отвагой!
Пятерых зарубил, двух пронзил протазаном.
Мавров так много, они его окружают,
Но хоть крепко разят, не пробьют его латы.
Рожденный в час добрый увидел эту схватку,
Щитом он прикрылся, копье он наставил,
Пришпорил Бабьеку, что мчится так славно,
От души и от сердца ударил на мавров.
Врезался Кампеадор прямо в гущу арабов;
Семерых посшибал, четверых доконал он.
По милости божьей победил он в этой схватке.
Мой Сид со своими поразил супостатов.
Посмотреть бы вам, как рвутся канаты,
Как валятся колья с резьбою богатой.
Букаровых людей погнали из палаток.

118

Из палаток погнали, пустились в погоню.
Видеть бы вам, как щит отлетает с рукою,
Как головы в шлемах валяются в поле,

Как скачут повсюду без хозяина кони!
Продолжалась та скачка на семь миль ровно.
За Букаром мой Сид устремился в погоню.
«Вернись-ка, Букар! Пришел ты из-за моря,
Так встреться же с Сидом, с тем самым длиннобородым,
Поцелуемся, царь, подружимся до гроба». —
«Порази тебя бог с той дружбой до гроба!
Шпагу ты держишь, и лошадь шпоришь;
Видно, силу на мне испытать ты хочешь.
Но, коль конь не споткнется и царя не уронит,
Хоть скачи ты до моря, меня не догонишь».
Ответил мой Сид: «Промолвил ты ложно».
Добрый конь у Букара, и скачет он проворно,
Но Сидов Бабьека догнал его скоро.
Взмахнул Сид Коладой, рубнул, что было мочи.
Все карбункулы выбил из шлема царева.
Рассечен добрый шлем, пополам он расколот,
Меч в тело вошел от темени по пояс.
Убил Сид Букара, царя из-за моря,
Добыл Тисону, что стоит тысячу марок червонных.
Победил он в той битве, чудесной и огромной,
Великою славой покрывшей Кампеадора.

119

С этою наживой повернули обратно.
Дочиста, знайте, разграбили лагерь.
С рожденным в час добрый приблизились к палаткам.
Мой Сид Руй Диас, Кампеадор достославный,
Две шпаги ныне держит, ценит их, как злато.
На быстром коне по трупам он скачет;
Лицо его весело, панцирь сверкает.
Шапка на кудрях вся в сборках и складках.
Увидел тут нечто мой Сид себе на радость:

Как поднял он взор и взглянул на палатки,
Видит, едут к нему Диэго и Феррандо,
Зятья его, дети графа дона Гонсало.
Улыбнулся мой Сид, бородою славный:
«Здесь ли вы, зятья, сыны мои по праву?
Я знаю, вы сражались и этому рады.
Пойдет в Каррион о вас добрая слава,
Как разбили мы тут царя Букара-мавра.
Надеюсь я на бога и святых его преславных:
Принесет нам победа и почет и богатство».
С разных сторон собираются вассалы.
В тот час прискакал Альвар Аньес Минайя.
Щит висит на ремне, весь избитый мечами,
А копейным ударам он и счета не знает.
Но у тех, кто нанес их, он в долгу не остался.
Вдоль локтей его кровь стекает по каплям.
Два десятка и более уничтожил он мавров.
«Всевышнему отцу и господу слава,
И вам, Кампеадор, рожденный под добрым знаком.
Убили вы Букара, и поле — за нами.
Все добро это — ваше и ваших вассалов,
И ваших зятьев мы нынче испытали.
Здоровы они в поле с маврами драться».
Промолвил мой Сид: «Мне это на радость.
Коль сейчас хороши, так после будут славны».
Хоть от сердца сказал он, братья думают: насмех.
В Валенсию-город добычу отослали.
Был весел мой Сид и все его вассалы:
На брата пришлось серебром шестьсот марок.
Когда свою долю получили инфанты
И крепко припрятали добытую плату,
Думают: вовек им с нуждою не знаться.
Живут они в Валенсии и кормятся сладко:
Вдоволь доброй еды и богатого платья.
Веселится мой Сид и с ним его вассалы.

120

Радостен мой Сид со всем своим двором:
Убил царя Букара и мавров поборол.
Руку поднял, погладил бороду он:
«Восславим Христа, что над миром сеньор!
Сегодня я видел, что милей мне всего:
Как зятья мои оба бились рядом со мной.
Хорошие вести придут в Каррион.
И им будет слава, и нам от них — прок».

121

Велика та пожива, что все получили.
Про запас часть отложена, часть уже поделили.
Приказал мой Сид, что в час добрый родился,
Чтоб из этой добычи, завоеванной в битве,
Законную долю взял каждый воитель
И чтоб не забыли про Сидову пятину.
Так и сделали всё: распорядок там чтили.
Шестьсот лошадей достались тут Сиду
И уйма верблюдов и вьючной скотины,
Так много всего, что и счесть нету силы.

122

Всю эту поживу захватил Кампеадор.
«Благодарю тебя, боже, ты над миром сеньор.
Беден прежде был я, богатым стал с тех пор.
Добыл почести и земли, и злато, и серебро.
В зятья себе взял я инфантов де Каррион.
Побеждал я в сраженьях — поддержал меня бог.
Мавры и христиане дрожат передо мной.
Марокканцы в мечетях трепещут давно,
Ждут набега дружин моих каждую ночь,
Хоть пока что мне это и на ум не пришло:
Не пойду их искать, мне и дома тепло.

Но дань они заплатят, коль поможет нам бог,
Мне иль другому, как мне будет вольно».
Великое веселье в Валенсии пошло:
Ликует дружина и с ней Кампеадор;
Вспоминают сраженье и арабов разгром.
И ликуют беспечно оба зятя его.
На пять тысяч марок добычи им пришлось.
Мнят себя богачами инфанты де Каррион.
Вот вместе с другими пришли они на сбор.
Там — епископ дон Жероме, и Сид Кампеадор
И добрый Альвар Аньес, воитель удалой,
И прочие из тех, кого вскормил Кампеадор.
Как в палатку вступили инфанты де Каррион,
Минайя ради Сида отвесил им поклон:
«Из-за вас, свояки, больше стоит наш род».
И Сиду Кампеадору был мил их приход:
«Здесь я, зятья, с благородной женой,
И обе мои дочки, донья Эльвира и донья Соль;
Пусть служат они вам верно, обнимают вас тепло:
Хвала приснодеве, богоматери честно́й.
Вы получите славу от брака своего,
О вас добрые вести пойдут в Каррион».

123

На эти слова отвечал дон Ферранд:
«Слава богу и вам, — о Сид достославный!
Столько у нас добра — несметное благо!
Ради вас мы отличились и добыли славу,
Побеждаем мы в поле, убиваем мы мавров,
И сражен нами Букар, отъявленный предатель.
О другом вы пекитесь, а наше все сохранно».
Все Сидовы вассалы сидели усмехаясь:
Знали, кто был храбрейшим в погоне и в схватке,
Но не видели там ни Диэго, ни Ферранд.

Из-за этих насмешек, что чинили им вассалы,
И ночью и днем над ними издеваясь,
Недоброе дело задумали инфанты.
Зашептались Каррионы (вот уже подлинно братья!..) —
Да будет судьей им за это создатель:
«Поедем в Каррион; здесь пожили — и хватит.
Пожива, что увезем мы, велика и богата:
Покуда мы живы, всего не истратим.

124

У Сида Кампеадора попросим наших жен,
Скажем, что везем их к себе в Каррион;
Надо, мол, показать им их вотчину и дом.
Из земли Кампеадора мы их вывезем вон.
По дороге что угодно с ними сделаем потом,
Чтоб нас не корили тем, что было со львом.
Мы оба из рода графов де Каррион.
Везем большое благо, бесценное добро.
Натешимся мы вдоволь над дочками его.
Всю жизнь будем вельможами при богатстве таком.
Отдадут за нас дочек император иль король:
Мы из знатного рода графов де Каррион.
А дочек Кампеадора обречем на позор,
Пока нас не укорили тем, что было со львом».
И так порешивши, вернулись они в дом.
Молвил Феррандо Гонсалес, — и замолк тут весь двор:
«Коль господь соизволит, мой Сид Кампеадор,
И решит донья Химена и вы сами, сеньор,
И Минайя Альвар Аньес и прочий весь двор, —
Законных, благословенных отдайте нам жен:
Повезем мы их с собой в нашу землю, в Каррион,
И введем их в угодья, что в дар мы им даем, —
Пусть увидят ваши дочки все наше добро;

Покажем им наследье наших будущих сынов».
От зла не уберегся мой Сид Кампеадор:
«Отдаю вам наших дочек и прибавлю кой-что.
Вы отводите поместья, как дар для ваших жен.
А я даю вам в помощь три тысячи серебром.
Дам коней подседельных и рослых лошаков,
И крепких быстроногих боевых скакунов,
И множество платья, и шелк, и сукно,
Коладу и Тисону забирайте с собой.
Эти шпаги взял я с бою, как истинный барон.
Раз я отдал вам дочек, вы мне — вместо сынов;
Но с собой мое сердце вы увозите прочь.
Пусть знают Галисия, и Кастилия, и Леон,
Что богатыми едут зятья мои в свой дом.
Наших дочек берегите, законных ваших жен,
Коль их убережете, не раскаетесь в том».
Обещали ему это инфанты де Каррион.
Тут дочек вручил им мой Сид Кампеадор.
Принимать они стали дареное добро.
Когда же они вдосталь понабрали всего,
Грузить стали мулов инфанты де Каррион.
В Валенсии великой взволновался народ,
Все надели доспехи, поскакали верхом
Провожать дочек Сида, что едут в Каррион.
Вот в путь снарядились, прощаются с отцом.
Тут обе сестры, донья Эльвира и донья Соль,
Сиду Кампеадору ударили челом:
«Помилуйте, отец наш, да поможет вам бог!
Наша мать нас породила, и мы — ваша кровь.
Вот мы перед вами, сеньора и сеньор.
Вы нас отсылаете далеко в Каррион;
Мы ваше повеленье исполним как закон.
Но, как милости только, вас просим об одном:
Посылайте нам вести в ту землю, в Каррион».
Сид в уста целовал их, и обнял их он.

125

Обнимал их отец, а мать их миловала:
«Идите вы, дочки, господь вам охрана,
А моя и отцовская милость — над вами.
Поезжайте в Каррион, в ваши земли и замки.
В добрый час, мне сдается, я вас выдала замуж».
У отца и у матери руку лобызали,
А те их благословили с любовью и лаской.
Мой Сид и другие тут стали собираться.
Роскошна их сбруя, и лошади, и латы.
Из Валенсии светлой уходят инфанты,
Обняли дочки Сида своих служанок.
Быстрой рысью миновали валенсийские ограды.
Бодро едет мой Сид, и вассалы все рады.
Хоть видел по птицам в добрый час надевший шпагу,
Что не будет добра им от этого брака, —
Но раз выданы замуж, не возьмешь их обратно.

126

«Где ты, Фелес Муньос, племянник мой кровный?
Ты двоюродный брат дорогим моим дочкам.
Проводить ты их должен до самого Карриона,
Чтоб видеть надел, им в дар отведенный,
И с этими вестями вернуться к Кампеадору».
Молвил Фелес Муньос: «С любовью и охотой».
Минайя Альвар Аньес тут к Сиду подходит:
«Возвратимся, мой Сид, в Валенсию тотчас,
Коль допустит господь, отец, что нас создал,
Мы сами в Каррион наведаемся в гости». —
«Донья Эльвира и донья Соль! Поручаем вас богу.
Живите счастливо на радость вашим кровным».
Отвечали зятья: «Дай бог вам здоровья!».
При разлуке настало превеликое горе,
В сокрушенье рыдают и родитель и дочки.

И с ними рыдает дружина Кампеадора.
«Слушай, Фелес Муньос, племянник мой кровный!
Нынче ночью в Молину вы приедете на отдых, —
Поклонитесь там другу, мавру Абенгальбону.
Пусть зятьев моих примет радушно и охотно.
Выдал-де я дочек за инфантов из Карриона;
Пусть всем, что потребно, снабдит их на дорогу
И вплоть до Медины проводит мне в угоду.
За все, что он даст им, расплачусь я втрое».
Тут расстались они, словно мясо и ноготь.
Вот вернулся в Валенсию рожденный в час добрый;
Двинулись дальше инфанты Карриона:
В Санта-Мариа Д'Альваррасин был первый их отдых.
Едут дальше инфанты и скачут так бодро,
Что вот уже они в Молине у мавра Абенгальбона.
Как увидел их мавр, доволен был премного;
Гостей он встретил с великим почетом.
Боже, как ублажал он их всем, чем угодно!
Наутро пустился вместе с ними в дорогу,
Для охраны две сотни отрядил он конных.
По кряжу проходят, что зовется Лусоном,
Пересекши Арбухуэло, добрались до Халона.
В местечке Ансарера стали на отдых.
Щедро мавр одарил дочерей Кампеадора,
Много дал лошадей инфантам из Карриона,
Все это он сделал Руй Диасу в угоду.
Видят братья: богатство у мавра огромно.
Предательство злое тут задумали оба:
«Все равно мы покинем дочерей Кампеадора,
Так убьем заодно и мавра Абенгальбона.
Все, что есть у него, станет нашим без спора,
Будет цело и сохранно, как доход с Карриона.
Мой Сид ничего с нас не взыщет до гроба».
Когда этот обман замышляли карриончы,
Мавр, по-нашему знавший, их подслушал и понял;

Таить он не стал, рассказал Абенгальбону:
«Берегись их, алькад (говорю, как сеньору):
Твою смерть замышляют инфанты из Карриона».

127

Тот мавр Абенгальбон удалец был на славу,
Во главе своих сотен он скачет исправно.
Играя копьем, он подъехал к инфантам
(То, что мавр им сказал, не пришлось им по нраву):
«Каб не этот мой долг пред Сидом из Бивара,
Такое б я вам сделал, что весь мир услыхал бы,
И отвез бы я дочек к Кампеадору обратно.
Не видать бы вам ввек каррионского замка.

128

Инфанты из Карриона! Скажите, что я вам сделал?
Я служил вам без обмана, вы ж хотите моей смерти.
Ухожу я от вас, как от подлых и скверных.
Донья Эльвира и донья Соль! Прошу у вас прощенья,
Но до этих каррионцев мне больше нет дела.
Пусть захочет и прикажет тот, что правит всем светом,
Чтоб Сид от этой свадьбы довольство изведал».
Так молвил им мавр и тотчас же уехал.
Перешел, копьем играя, он Халонскую реку,
Как умный, вернулся в Молину без помехи.
Инфанты де Каррион покидают Ансареру.
И ночью и днем без устали едут.
Атьенсу, холм крепкий, оставили слева,
Затем перевалили через Сьерру де Мьедос.
В Монтес Кларос коней они шпорят, не медля,
Слева Грису оставили, Аламоса владенье,
Там, где некогду Эльфу он запер в пещере.
Справа — Сант-Эстеван, но лежит он далече.
Вот едут через Корпес по дубовому лесу.
Там горы высоки, до неба доходят ветви,

Всюду рыщут кругом кровожадные звери;
Нашли они лужайку с прозрачною речкой.
Там шатер свой инфанты поставить велели
И ночь проночевали со слугами всеми.
Супруг обнимают и любовью их греют.
Но горе ждет бедных, чуть день забелеет.
Нагрузили они мулов тем богатством несметным,
Свернули шатер, что служил им ночлегом.
Далеко вперед уходит их челядь:
Инфанты Карриона им так повелели,
Чтоб никто не остался, ни мужчина, ни дева,
Кроме Эльвиры и Соль, супруг их обеих:
Хотят с ними всласть предаться утехе.
Вот они — вчетвером, а другие — далече.
Замыслили инфанты недоброе дело.
«Донья Эльвира и донья Соль, да будет вам известно:
Среди гор этих диких вы вкусите бесчестье;
Мы бросим вас здесь, а сами уедем;
На земле Каррионской не видать вам наследья.
До Сида Кампеадора дойдут эти вести;
За шутку со львом дождались мы мести».
Не оставили ни плаща, ни шубейки на теле,
До исподнего платья и рубах их раздели.
Носят острые шпоры изменники-злодеи,
В руках у них крепкие и прочные плети.
Видит это донья Соль и говорит смиренно:
«Дон Диэго и Феррандо! Ради бога на небе!
Вот два меча у вас, что и остры и крепки.
Коладой и Тисоной зовет их отец наш.
Нам головы отрежьте, венец мы примем в смерти.
И мавры и христиане осудят вас, поверьте:
Не за наше прегрешенье эту муку мы терпим,
Не явите на нас столь дурного примера,
Если нас изобьете, унизитесь навеки.
Вас же будут корить на сходках за это».

Сколько ни просили, не вняли им злодеи.
Каррионские инфанты их бьют, не жалеют,
Бьют ременною плетью, жестоко их хлещут,
Бьют острою шпорой, кровь так и хлещет.
Изодрали рубахи и мясо на теле.
На платье исподнем кровь светлая рдеет,
А обида проникла до самого сердца.
Вот было бы счастье, кабы дал царь небесный,
Чтоб Сид Кампеадор объявился в том месте.
Так тяжко их избили, едва не до смерти.
Окровавлены рубашки и нижние одежды.
Примахались у братьев и руки и плечи:
Ведь они состязались, кто ударит крепче.
Донья Эльвира и донья Соль от боли онемели.
Замертво их бросили в лесу меж деревьев.

129

Горностаевые шубки забрали у избитых,
Оставили без плащей, в рубахах, полунагими.
Среди птиц этих горных, средь зверей этих диких
Полумертвы лежат, поймите, полуживы.
Вот было бы счастье, если б прибыл Руй Диас!

130

Замертво их бросили каррионские инфанты;
Не помогут друг дружке, лежат бездыханны.
А мужья по горам, похваляясь, скачут:
«Мы за нашу женитьбу отдарили им подарок.
Никогда и в наложницы не взяли б мы их сами,
Не принудь нас король к неравному браку.
За шутку со львом мы сполна расквитались».

131

Так похвалялись инфанты де Каррион.
О Фелесе Муньосе теперь речь пойдет
(Родной ему дядя мой Сид Кампеадор).

Не с охотой, по приказу поехал он вперед,
По тропинке он скачет, но тоска его грызет.
Вот отстал он от других, свернул с дороги вбок
И в чаще густой у тропинки залег.
Там ждет, не увидит ли двоюродных сестер,
Не узнает ли, что сделали инфанты де Каррион.
Услыхал он их речи и увидел их вдвоем;
А они его не видят, и им невдомек,
Кабы его заприметили, не ушел бы он живьем.
Вот скачут инфанты, мчатся во весь опор.
По следам их вернулся Фелес Муньос лихой;
Сестер своих находит, без чувства и без слов.
С криком «Сестры, о сестры!» с седла он сошел.
Коня привязал он, подбежал к ним бегом.
«О сестры, мои сестры, донья Эльвира и донья Соль!
Горько вас обидели инфанты де Каррион.
Горшее воздаянье да пошлет им бог».
В чувство он начал приводить их, как мог.
Так они ослабели, что нет у них слов.
От горя разрывается сердце у него.
Кличет: «Сестры, сестрицы, донья Эльвира и донья Соль!
Очнитесь, сестрицы, — да поможет вам господь, —
Пока светит нам солнце и не стелется ночь,
Чтоб не съели нас звери средь диких этих гор».
Понемногу очнулись донья Эльвира и донья Соль.
Открыли глаза и видят Муньоса пред собой.
«Мужайтесь, сестрицы, — да поможет вам бог, —
Чтоб меня не застали инфанты де Каррион.
Искать меня будут, обыщут весь бор, —
Здесь умрем мы все трое, коль не выручит бог».
В таком великом горе сказала донья Соль:
«Если дорог вам, братец, отец наш Кампеадор,
Водицы нам дайте, — наградит вас господь».
Фелес Муньос своею шапкой дорогой,
Новой и ладной, что из Валенсии привез,

Воды зачерпнул и сестрицам поднес.
Питье бедняжкам по вкусу пришлось.
Уговаривал их долго и поднял с трудом,
Ободрять он их начал, утешал их, как мог,
Когда малость окрепли, взял их на руки он.
Как можно скорее посадил их в седло,
Плащом своим обеих укутал тепло.
Под уздцы взял он лошадь, покидает он бор.
Втроем они едут в лесу меж дубов;
Когда стало смеркаться, они вышли из гор.
До берега Дуэро дошли они шажком,
У башни доньи Урраки он оставил их вдвоем,
Поехал в Сант-Эстеван к Диэго Тельесу в дом;
У Альвара Аньеса Минайи был ленником тот.
Узнав, что случилось, опечалился он.
Взял добрую одежду и мулов под седлом,
Поехал сейчас же к донье Эльвире и донье Соль
И в Сант-Эстеван их привез в ту же ночь.
Как только умел, оказал он им почет:
Живет в Сант-Эстеване учтивый народ.
Огорчились сант-эстеванцы из-за этих невзгод.
Дали дочкам Кампеадора и пищу и уход,
Чтоб до выздоровленья там жили без забот.
Хвастаются дома инфанты де Каррион.
2851a Известье об этой расправе по Кастилии разнеслось.
Весьма огорчился добрый король дон Альфонс.
В Валенсию Великую прислали гонцов.
Как об этом прослышал Сид Кампеадор,
Задумался надолго, не молвил ничего.
Вот поднял он руку, гладит бороду он.
«Восславим же Христа, — он над светом сеньор, —
За честь, что мне воздали инфанты де Каррион,
Клянусь бородою (не дергал ее никто):
Не пройдет это даром инфантам де Каррион.
А дочек моих обеих я замуж выдам легко».

Огорчен был мой Сид и все люди его,
А Минайя Альвар Аньес — и сердцем и душой.
Вот скачут Минайя и Бермудес лихой,
И Мартин Антолинес, бургосец удалой,
С двумя сотнями конных, что дал им Кампеадор.
Накрепко велел им скакать и день и ночь,
Привезти его дочек в Валенсию домой.
Исполнили, не мешкая, что велел им сеньор.
Во все дни и все ночи они шпорят скакунов.
Вот прибыли в Гормас, где Дуэро течет.
Там, знаю я верно, провели они ночь.
До Сант-Эстевана известие дошло,
Что едет Альвар Аньес, чтоб взять своих сестер.
Тут все сант-эстеванцы, как люди с умом,
Встречают Минайю и двести его бойцов.
Принесли они Минайе в ту ночь большой оброк.
Принять не захотел он, благодарил их, как мог:
«Спасибо, сант-эстеванцы, — разумный вы народ, —
За честь, что оказали вы нам среди невзгод.
Благодарит вас издалече мой Сид Кампеадор,
И я, здесь на месте, от имени его.
Господь, царь небесный, да воздаст вам за то».
Все его благодарили, доволен им народ.
Разошлись по домам, чтоб проспать эту ночь.
Пошел туда Минайя, где сестрицы его.
Глядят, не наглядятся донья Эльвира и донья Соль:
«Так мы вам рады, точно бог к нам пришел.
Его благодарите, что мы живы до сих пор.
А после, на досуге, как вернемся мы в свой дом,
Рассказать мы вам сможем про весь наш позор».

132

Рыдают дочки Сида и Альвар Аньес,
А Педро Бермудес говорит им плача:
«Донья Эльвира и донья Соль, забудьте досаду,

Коль скоро вы снова и живы и здравы.
Не удался ваш брак, но лучший не за горами,
Да увидим мы час отмщенья и расплаты!».
Проспали эту ночь. О, как все они рады!
Пустились в дорогу наутро спозаранку.
Провожать их выходят вассалы сант-эстеванцы,
До Рио д'Амор им дали охрану;
Там с ними распрощались и вернулись обратно.
С женщинами дальше поехал Альвар Аньес,
Прошли Алькосебу, а Гормас у них справа;
У Вадо де Рей нашли переправу;
Эту ночь провели они в замке Берланга.
На утро опять они выехали рано;
До самой Медины не делали привала.
От Медины до Молины добрались назавтра.
Мавру Абенгальбону то было по нраву.
Встречать их он вышел с превеликою отрадой.
Ради Сида Кампеадора угостил их на славу.
Едут они прямо до Валенсии-града.
К рожденному в час добрый те весточки примчались.
Навстречу своим немедля поскакал он,
Копьем он играет от великой отрады.
Вот обнял дочерей мой Сид, улыбаясь,
Они ему руки целуют со слезами.
«Вы ли это, дочки? Да хранит вас создатель!
Не мог я, отказаться, допустил эту свадьбу.
Но пошли мне творец, что правит небесами,
Чтобы скоро получше я выдал вас замуж
И зятьям каррионским отплатил бы срамом».
Дочки у родителя руки целовали.
Все в город вернулись, копьями играя.
Как донья Химена дочерям своим рада!
Рожденный в час добрый не медлил нимало:
На тайную беседу созвал своих вассалов,
Гонца в Кастилию к королю посылает.

133

«Где ты, верный вассал мой, Муньо Густиос?
В добрый ты час в моем доме возрос.
В Кастилию к дону Альфонсу ты поедешь послом.
От души и от сердца ты бей ему челом,
Ибо я его ленник, а он мой сеньор.
Из-за этой моей обиды от инфантов де Каррион
Пусть душою и сердцем огорчится король.
Не я выдал дочек, а просватал их он.
Но мужья их покинули на великий позор.
Если будет нам за это бесчестье и укор,
За большое и за малое отвечает мой сеньор.
Увезли они также несметное добро;
Огорчает меня это, кроме прочего всего.
Пусть злодеев на кортесы вызовет король,
Чтоб ответили за обиду инфанты де Каррион,
Ибо в сердце запало мне великое зло».
Без устали скачет Муньо Густиос вперед,
С ним два рыцаря верных, которым он сеньор,
А при них — оруженосцы, всё вассалы его.
Вот покинули Валенсию и скачут во весь опор,
Без отдыха и срока весь день и всю ночь.
Сидит в Саагуне король дон Альфонс.
Подвластна ему Кастилия, и подвластен Леон.
От земли Астурийской, там, где Сан-Сальвадор,
До самого Сант-Яго надо всем он сеньор;
И графам галисийским он — природный сеньор.
Как с лошади слез этот Муньо Густиос,
Богу помолился, святым отбил поклон.
Во дворец он вступает, где собрался весь двор,
С ним рядом два рыцаря — то вассалы его.
Как вошли они в палату, увидал их король,
Муньо Густиоса узнал он в лицо.

Поднялся ему навстречу, приветствовал его.
Королю Альфонсу ударив челом,
Целует ему ноги храбрый Муньо Густиос:
«Смилуйтесь, король мой! Многих стран вы сеньор.
И руки и ноги вам целует Кампеадор.
Он — верный ваш ленник, а вы ему — сеньор.
Его дочек вы отдали за инфантов де Каррион.
То брак был почетный: вы сладили его.
Что за честь нам воздали, известно вам, король, —
Осрамили биварца инфанты де Каррион:
Дочерей Кампеадора избили кнутом;
Избитых и раздетых, с великим стыдом
Их в Корпесе бросили средь высоких дубов,
В пищу диким зверям и коршунам с гор.
Сид теперь их доставил в Валенсию, в свой дом.
Вам ныне целует руки ваш ленник, Кампеадор,
Чтоб на суд вы призвали обидчиков его,
Хоть он опозорен, но вы более того.
Примите это к сердцу (вы знаете закон),
Пусть ответят за обиду инфанты де Каррион».
Задумался надолго опечаленный король.
«Открыто скажу я: мне очень тяжело,
Правду ты молвил, о Муньо Густиос,
Что я их просватал за инфантов де Каррион.
Ждал я, что от этого Сиду будет прок.
Лучше б не бывало венчания того.
Огорчились мы сердечно, и я и Кампеадор.
Помочь ему я должен, коль помилует нас бог.
Не думал я это делать весь нынешний год,
Но теперь разошлю я повсюду гонцов
Обьявить, что в Толедо на кортесы король
Созывает со всей державы графов и прочих вельмож.
Прикажу туда явиться инфантам де Каррион,
Чтоб призвал их к ответу мой Сид Кампеадор;
Все сделаю, что можно, чтоб не гневался он.

134

Скажите Кампеадору, что в час добрый родился,
Чтоб ровно чрез семь недель вассалов снарядил он
И в этот срок пришел бы в Толедо, мою столицу.
Из любви к Кампеадору этот клич свой я кликну.
Поклонитесь обиженным; пусть забудут кручину:
Еще воздадут им почетом за обиду».
Простился Муньо, вернулся он к Сиду.
Как я вам сказал, так и сделал властитель,
Нимало не медлил дон Альфонсо-Кастилец:
В Леон и в Сант-Яго гонцов отрядил он.
Грамоты пошли к португальцам и галисийцам,
И в замок Каррион, и к баронам кастильским,
Что сзывает их в Толедо король досточтимый,
Чтоб ровно чрез семь недель все сошлись воедино;
Тот ему не вассал, кто дерзнет не явиться.
По всем его землям согласно порешили
Приказ королевский исполнить без заминок.

135

К великой было досаде инфантам де Каррион,
Что в Толедо кортесы созывает король:
Боятся, что прибудет мой Сид Кампеадор.
Тут стали совещаться, собрали свой род;
Порешили просить, чтоб уволил их сеньор.
Король им ответил: «Ни за что, видит бог!
Ибо будет на кортесах мой Сид Кампеадор.
Ответ вы дадите на жалобу его.
А кто не захочет, на кортесы не придет,
Пусть покинет королевство: не угоден мне он».
Пришлось покориться инфантам де Каррион.
Стали совещаться, собрали весь свой род.
И граф дон Гарсия был с ними заодно:
Он — враг Кампеадора, все вершил ему во зло.

И он же — советчик инфантов де Каррион.
Собрались кортесы в назначенный срок.
Среди первых приехал король дон Альфонс,
С ним граф дон Энрике, и граф дон Рамон
(Доброму императору был родителем он),
И граф дон Фройла, и граф дон Бирбон,
Со всего королевства много мудрых голов
И из целой Кастилии знатнейших господ.
И граф дон Гарсия, Курчавый де Граньон,
И Альвар Диас, что над Окой сеньор,
И Асур Гонсалес, горлодер пустой,
И Асуресы — Гонсало и Педро заодно.
И Диэго и Феррандо, инфанты де Каррион,
Явились на кортесы со свитой большой;
Готовят они Сиду урон и позор.
Вот съехались люди туда со всех сторон;
Но не прибыл лишь тот, что в час добрый рожден.
Встревожен промедленьем король дон Альфонс.
На пятый день явился мой Сид Кампеадор,
Альвара Аньеса отправил он гонцом,
Чтоб, руки целуя, сеньору бил челом:
Пусть знают, что к ночи Сид явится на сбор.
Королю то известье по сердцу пришлось:
С большой дружиной он скачет верхом,
Встречает того, кто был в час добрый рожден.
Сид едет со своими, отменно снаряжен.
Такова ж и дружина, каков у ней сеньор.
Когда его завидел король дон Альфонс,
Бросился на землю мой Сид Кампеадор.
Преклонился, чтоб больше почтен был сеньор.
Как король увидал, был он на слово скор:
«Клянусь святым Исидором, не будет того!
Рассержусь я, мой Сид, коль не сядете в седло.
Обняться должны мы сердечно и тепло,
Ваше огорченье на сердце мне легло.

Приезд ваш для кортесов — и слава и почет». —
«Аминь», — сказал мой Сид, тот добрый Кампеадор.
Королю целует руку и обнял его потом:
«Господу спасибо, что вижу вас, сеньор!
Вам кланяюсь низко, и вам, дон Рамон,
И вам, граф дон Энрике, и всем прочим — поклон.
Всех друзей помилуй, боже, а первым вас, мой сеньор!
Жена моя, донья Химена — достойная средь жен, —
Целует вам руки, и дочки бьют челом;
Ведь и вас огорчило причиненное нам зло».
Молвил дон Альфонс: «Так и есть, видит бог!».

136

К Толедо король повернул скакуна.
Но Сид переправляться не хочет сейчас.
«Смилуйтесь, король, да спасут вас небеса!
Соизвольте, сеньор, возвратиться назад.
И я со своими поскачу в Сан-Серван.
Нынче в ночь мои люди прибудут сполна.
Ночь промолюсь я во святых тех местах,
А завтра с зарею двинусь я во град —
Еще до обеда прибуду туда».
Ответил король: «От сердца я рад».
Король дон Альфонс едет в город назад,
А мой Сид Руй Диас на молитву в Сан-Серван.
Велел он вылить свечи и поставить их в алтарь;
Сладко ему молиться во святых тех местах,
Исповедуясь богу, умоляя Христа.
Минайя и все храбрые, что пришли с ним туда,
Готовы в дорогу, чуть зорька взошла.

137

Заутреню служили и молились до восхода.
Окончилась служба, и выглянуло солнце.
Принесли они много даяний добротных.

«Вы, Минайя Альвар Аньес, пойдете со мною,
И Педро Бермудес с этим Муньо Густиосом,
И Мартин Антолинес, отменный бургосец,
И Альвар Альварес, и Альвар Сальвадорес,
И Мартин Муньос, рожденный в час добрый,
И Фелес Муньос, племянник мой кровный.
Со мной пойдет Маль-Анда, искусный законник,
И Галинд Гарсиас, удалой арагонец».
Из лучших удальцов прибавил к ним сотню.
«Наденьте нательник, чтоб не резали кольца.
А сверху — кольчугу, что блещет как солнце,
Горностаевой шубой кольчугу прикройте,
Чтоб не видели лат, затяните шнуровку,
Под плащ упрячьте меч гибкий и острый.
На кортесы с оружьем явиться нам должно,
Чтобы права добиться и сказать свое слово.
Коль вздумают инфанты затеять с нами ссору,
С подобною свитой не боюсь я урона».
Ответили все: «Наш сеньор, мы готовы».
Снаряжаются они по слову Кампеадора.
Не помедлил нимало рожденный в час добрый:
Надел он штаны из ткани добротной,
А поверх — сапоги отменнейшей работы;
Рубашка полотняная, вся светлая, как солнце:
Из сребра и из злата идут по ней узоры;
Рукавички расшиты, ибо так ему угодно.
Поверх нее — камзол из пышнейшего шелка:
Горит на нем повсюду шитье золотое;
Золотая опояска — на шубейке багровой,
Мой Сид Кампеадор всегда ее носит.
Шапка золототканная из доброго виссона
Нарочно натянута на волосы плотно,
Чтоб за кудри никто не дернул Кампеадора.
Свою бороду длинную стянул он тесемкой.
Чтоб добиться своего, снарядился, как должно,

Прикрылся плащом из сукна дорогого.
Есть на что поглядеть, подивиться народу.
С этою сотней, снаряженной и отборной,
Вышел из Сан-Сервана и скачет он скоро.
Со свитой въезжает в Толедо-город,
Спешился, подъехав к дворцовым воротам,
Степенно шагает со своим конвоем,
Он сам — посредине, а вокруг — его сотня.
Увидев, что входит рожденный в час добрый,
Король дон Альфонс поднимается с трона,
Вместе с графом Энрике и графом Рамоном,
И со всеми, кто был на кортесы созван.
С почетом он встречает рожденного в час добрый.
Но встать не захотел Курчавый из Граньона,
Ни другие родичи инфантов каррионских.
За руку взят Сид королем Альфонсом:
«Садитесь сюда, Кампеадор, со мною,
На эту скамью, ваш дар доброхотный.
Вы всех нам дороже, хоть это иным неугодно».
Покоритель Валенсии благодарил дона Альфонса:
«Садитесь на скамью, как король и сеньор мой,
А я сяду вот здесь со всей своею сотней».
Тем, что молвил мой Сид, король был доволен.
Уселся мой Сид на скамейке точеной.
Вокруг него сотня стоит для обороны.
Все смотрят на Сида, сколько было народа,
На длинную бороду, перехваченную плотно.
По всему его убранству сразу видно барона.
От стыда потупились инфанты из Карриона.
Король дон Альфонс встал на ноги в ту пору:
«Слушайте, вассалы, господь вам опора!
Дважды кортесы созывались мною:
Первые в Бургосе, вторые в Каррионе,
На третьи в Толедо я прибыл сегодня
Из почтения к Сиду, рожденному в час добрый,

Чтоб призвал он к ответу инфантов Карриона.
Он ими обижен, как знаем мы бесспорно.
Судьями я ставлю дона Энрике и дона Рамона
И прочих всех графов, не родных карриoнцам.
Все вникните в дело, — вам известны законы;
По правде решайте — я кривды не дозволю.
Стороны пусть держатся мирно и скромно,
Клянусь святым Исидором! Кто затеет здесь ссору,
Будет в изгнанье и опале до гроба.
Я вступлюсь за того, чье дело законно.
Пусть же Сид Кампеадор говорит свое слово.
Услышим, что ответят инфанты Карриона».
Руку ему Сид целует, на ноги встал он скоро:
«Большое вам спасибо, король и сеньор мой,
Что ради меня созвали вы баронов.
Так вот вам мой иск к инфантам из Карриона:
С дочек моих покинутых смыть желаю позор я;
Вы их выдали, король; это — ваша забота.
Когда из Валенсии вышли карриoнцы,
И душе моей и сердцу они были угодны;
Коладу и Тисону, два меча я им отдал
(Оба с бою я взял, как следует барону),
Чтоб прославились зятья и служили сеньору.
Но дочек моих бросив в Корпесской дуброве,
Надругались они над моею любовью.
Пусть мечи возвратят: не зятья они мне боле».
Судьи рассудили: «Так будет по закону».
Молвил граф дон Гарсия: «За нами будет слово».
Отошли тут в сторонку инфанты Карриона
Со всей своей свитой и со всем своим родом,
Быстро порешили, совещались недолго:
«Большая нам милость от Сида Кампеадора,
Что в вину он нам не ставит дочернего позора.
Легко поладим после с королем Альфонсом.
Вернем мы Сиду мечи и тяжбу закончим.

Когда он их получит, разойдутся бароны.
Не сыскать на нас управы Сиду Кампеадору».
С этими словами вернулись они к сбору.
«Смилуйтесь, дон Альфонс, король и сеньор наш!
Отрицать мы не можем: мечи он нам отдал.
Если с нас он их ищет и так ему угодно,
Возвратим их охотно перед вашею особой».
Коладу и Тисону тут вынули оба.
Вложили их в руки короля и сеньора.
Мечи обнаженные сверкают, как солнце:
Эфес до клинка весь из золота скован.
Дивится им немало весь люд этот добрый.
Подозвав Кампеадора, ему король их отдал.
Тот принял мечи и к руке подошел он.
На прежнюю скамейку возвратился он снова.
Держит он мечи, не спускает с них взора:
Приосанился телом, улыбнулся широко,
Чтоб за бороду взяться, руку он поднял:
«Клянусь я бородой (никто ее не тронул):
За донью Эльвиру и донью Соль отомстите вы скоро».
Позвал он Бермудеса, племянника родного,
Руку протянул и Тисону ему отдал:
«Вот, возьмите! Нашла она лучшего сеньора».
К Мартину Антолинесу, отменному бургосцу,
Руку протянул он и Коладу ему отдал:
«Мартин Антолинес, вассал вы мой добрый,
Я добыл тот меч у хорошего сеньора,
У Раймунда Беренгера из высокой Барселоны.
Затем его даю, чтоб владели вы им мощно,
Чтоб принес он честь и славу вам в урочную пору».
Тот руку целует, меч принял без спора.
Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Слава богу и вам, королю и сеньору!
Рад я мечам, Коладе и Тисоне.
Но не все еще взыскал я с инфантов Карриона.

Когда взяли они в Валенсии дочерей моих кровных,
Дал им златом и сребром я три тысячи ровно,
И за эту мою ласку отплатили они злобой.
Пусть вернут мне добро: не зятья они мне боле».
Видеть бы вам, как взвыли инфанты из Карриона.
Молвил граф дон Рамон: «Да иль нет? Ваше слово!».
Отвечали в ту пору инфанты из Карриона:
«Для того вернули мечи мы Сиду Кампеадору,
Чтоб больше он не требовал и суд был закончен».
3242а Тут граф дон Рамон на это промолвил:
«Коль дозволит король, таково наше слово:
Отвечайте немедля на иск Кампеадора».
Молвил добрый король: «И мне так угодно».
Мой Сид Кампеадор встал на ноги скоро:
«Верните мне деньги, что тогда я вам отдал,
Иль себе в оправданье приведите вы довод».
Каррионские инфанты в сторонку отходят,
Никак не сговорятся: ведь деньги огромны;
Порастратили их инфанты из Карриона.
Вернулись в кортесы, говорят в один голос:
«Покоритель Валенсии прижимает нас жестоко;
Коль до нашего добра охоч он настолько,
Угодьями заплатим из земель каррионских».
Так долг они признали, и судьи им молвят:
«Не препятствуем мы, если Сиду угодно;
Но так мы решаем и велим по закону,
Чтоб вы здесь на суде заплатили Кампеадору».
Отвечал им на это король дон Альфонсо:
«Все это дело известно нам подробно,
Мой Сид Кампеадор с них ищет законно.
Из трех тысяч долга две сотни за мною:
Их дали мне оба инфанта из Карриона.
Возвращаю им деньги, раз их дело так плохо.
Пусть расплатятся с Сидом, рожденным в час добрый.
Коль платить им придется, не нужны мне их червонцы».

Услышьте, что Феррандо в ответ ему молвил:
«Чеканною монетой платить мы не можем».
Тут граф дон Рамон сказал такое слово:
«И злато и сребро растратили вы оба.
Но так мы решаем пред лицом дона Альфонса:
Вам натурой платить, а принять Кампеадору».
Тут видят инфанты, что платить придется.
Видеть бы вам, как ведут скакунов быстроходных,
Сколько крепких коней, сколько мулов надежных,
Сколько несут мечей и доспехов отборных!
Принял их мой Сид по оценке законной.
Кроме двух сотен, что за доном Альфонсом,
Все отдали инфанты рожденному в час добрый.
Своего не хватило, так призаняли чужого.
Эта тяжба, знайте, пошла им не на пользу.

138

Все это добро Сид Руй Диас принял,
Отдал под охрану и присмотр дружине.
Но покончив с одним, о другом говорит он:
«Смилуйтесь, король, сеньор благочестивый!
С ума мне нейдет эта худшая кривда.
Слушайте, кортесы, сострадайте моей обиде:
От инфантов каррионских в большой я обиде;
Не могу без боя расстаться с ними.

139

Скажите, что я вам сделал, инфанты Карриона,
В шутку иль взаправду, иль поступком, иль словом?
По решению кортесов все исправить готов я.
Но зачем меня в сердце вы ранили глубоко?
Увезти из Валенсии я вам дочек позволил
С превеликою честью и именьем огромным.
Если вы их не любили, собаки и воры,

Зачем вы их вывели из Валенсии высокой?
За что вы их избили и плетью и шпорой,
Одних их оставили средь дремучего бора,
Средь диких зверей и коршунов горных?
Да покроет вас срам за дело такое.
Если мне не ответите, пусть решают бароны».

140

Тут граф дон Гарсия на ноги поднялся:
«Смилуйтесь, король, о лучший в Испании!
Вот он, мой Сид, на кортесы эти званый.
Отрастил себе бороду и ходит косматый.
Одни его боятся, другим нагнал он страха.
Но из знатного рода каррионские инфанты:
Они бы этих дочек, рожденьем им неравных,
Не взяли и в наложницы, а в жены — и подавно.
Если бросили их, поступили по праву.
А все, что говорит он, не ценим мы ни мало».
В ту пору мой Сид начал бороду гладить:
«Слава богу, что небом и землею правит!
Бороду себе я отрастил на радость.
Что же вам, граф, от нее теперь надо?
До сих пор за нее не краснел никогда я:
Никто из людей не дернул ее ни разу,
Не рвал ее рожденный ни христианкой, ни арабкой,
Как я вам ее дергал в крепости Кабра.
Когда Кабру я брал с бородой вашей графской,
Драл ее по щепотке каждый мальчик плюгавый.
До сих пор в ней проплешины видит каждый.
А клочья ношу в кошельке я сохранно».

141

Ферран Гонсалес тут на ноги встал,
Голосом громким, услышьте, что он сказал:
«Эту тяжбу, мой Сид, пора вам кончать.

Все мы вам вернули из вашего добра.
Пусть не будет между нами ни разлада, ни свар.
От графов Каррионских порода в нас пошла:
И король, и император нам бы дочь свою дал;
Но дочки идальго никак нам не чета.
Оттого, что по праву мы бросили их там,
Мы собою гордимся еще больше, чем всегда».

142

На Педро Бермудеса Сид глянул с усмешкой:
«Что ж, Педро Немой, ты, муж, молчащий вечно?
Хоть мне они дочки, да ведь сестры тебе-то.
Меня бранят инфанты, но в тебя они метят.
Не будешь ты биться, если я им отвечу».

143

Тут Педро Бермудес ответ ему держал
(Он туг на язык и на речи не тароват,
Но начнет, так за словом не полезет в карман):
«Скажу вам, Кампеадор, уж таков у вас нрав:
Немым вы на сходках меня дразните всегда.
Хорошо вам известно: не моя в том вина;
Но дело за мною не станет никогда. —
Лжешь ты, Феррандо, вздор ты наболтал,
Из-за Сида Кампеадора возросла вам цена.
Про все твои ухватки расскажу я сполна.
Припомни, как битва под Валенсией была.
У честно́го Кампеадора просил ты первый удар.
Увидел ты мавра и к нему поскакал,
Но еще не подъехав, обратно удрал.
Кабы я не подвернулся, тебе бы пропадать.
Я встал между вами и на мавра напал,
После первых ударов свалил его с седла.
Передал тебе лошадь, и никто не видал:
До нынешнего часа я об этом молчал.

Ты ж пред Сидом и пред всеми похвалялся и врал,
Будто мавра убил ты, как отважный вассал.
Каждый верил тебе, ибо правды не знал.
Пригож ты собою, но трус и нахал.
Ты речист, да безрук! Как ты смеешь болтать?

144

Промолви, Феррандо, и признайся мне в том:
Неужели ж позабыл ты все, что было со львом,
Как с цепи он сорвался, когда спал Кампеадор?
А ты, о Феррандо, что сделал притом?
Под скамью Кампеадора с перепугу заполз.
Заполз ты, Феррандо, и цена тебе грош!
На защиту сеньора все мы стали кругом.
Тут проснулся мой Сид, что Валенсию поборол.
Со скамьи своей встал он, поровнялся со львом.
Тот голову потупил, ожидая его.
Взял Сид его за гриву, посадил под замок.
Когда к нам воротился честной Кампеадор,
Всех своих вассалов увидал он кругом,
Стал искать своих зятьев, не нашел ни одного.
На бой тебя зову я, изменник ты и вор!
Пред королем дон Альфонсом здесь я биться готов.
За дочерей Кампеадора, донью Эльвиру и донью Соль,
За то, что вы их бросили, цена вам будет грош.
Хоть женщины они, вы же — мужеский пол,
Больше вас они стоят везде и во всем.
На этом поединке, коль допустит господь,
Все это ты признаешь, как изменник и вор.
Во всем, что я молвил, не солгал я ничего».
Между этими обоими окончен разговор.

145

Диего Гонсалес ответил горделиво:
«Мы из графской породы, из самой родовитой.

О, если бы не было всей этой женитьбы!
С моим Сидом Руй Диасом невместно нам родниться...
Не каемся мы в том, что с женами разлучились,
Но они пусть вздыхают до самой могилы,
К стыду им послужит то, что сделали мы с ними.
Смело и отважно я выйду на поединок.
Тем, что бросили их, мы прославили наше имя».

146

Мартин Антолинес тут на ноги встал:
«Молчи ты, предатель, лживые уста.
Ты бы лучше вспомнил валенсийского льва.
За дверь убежал ты, укрылся средь скота,
Под балкой в давильне ты спрятался тогда.
Не надел ты со страху ни камзола, ни плаща.
С тобою мы сразимся, не уйдешь ты никуда.
Дочерей Кампеадора ты бросил без стыда.
Больше вас они стоят, вы им не чета.
Под конец поединка признаешь ты сам,
Что вор ты и предатель и во всем ты солгал».

147

Между этими обоими нет больше разговора.
Но тут Асур Гонсалес в кортесы входит.
Плащ его богатый горностаем оторочен.
Лицо его лоснится: позавтракал он плотно,
Не много было разума в том, что он молвил:

148

«Кто из вас, люди, видал такое лихо,
Чтоб имели мы дело с биварцем каким-то?
У себя на Увиерне жернова ему скоблить бы,
Да сбирать с мужиков за помол пшеницы.
Кто позволит ему с каррионцами родниться?».

149

Муньо Густиос встал на ноги в ту пору:
«Молчи, предатель, изменник ты подлый!
Раньше ты ешь, чем помолишься богу;
Коль с кем поцелуешься, рыгнешь ему в морду.
Правды не говоришь ты ни другу, ни сеньору,
Всех оболгал ты, а больше всех — бога.
Дружбы твоей не ценю я нисколько.
Признать тебя заставлю, что таков ты, как я молвил».
Сказал дон Альфонс: «Пререкаться довольно.
Кто вызвал, пусть бьется, и бог ему в подмогу».
Не успели покончить с этим разговором,
Как видят: два рыцаря в кортесы входят.
То Иньиго Хименес и Охарра достойный.
От наваррского инфанта Охарра был послан,
А Иньиго — сватом от инфанта из Арагона.
Целуют они руки королю Альфонсу
И просят дочерей моего Сида Кампеадора,
Чтоб быть им королевами Наварры и Арагона,
Чтоб с честью и благословеньем король их отдал в жены.
Тут все замолчали, и слушают бароны.
Мой Сид дон Родриго встал на ноги скоро.
«Смилуйтесь, дон Альфонс, король и сеньор мой!
Всем сердцем благодарен я господу богу,
Что сватов ко мне заслали из Наварры и Арагона,
Не я, а вы, сеньор, их выдали в ту пору,
И в ваших же руках теперь они снова.
Без вашего приказа не скажу я ни слова».
Король поднялся и возвысил голос:
«По воле вашей, Сид, Кампеадор благородный,
Согласился я на все, что вам будет угодно.
Эти две свадьбы порешим мы сегодня;
Возрастет ваша честь и земли и угодья».
Встал на ноги Сид и к руке подошел он:

«Согласен я, сеньор, если так вам угодно».
Тут промолвил король: «Бог воздаст вам, как должно.
Вам, Иньиго Хименес и Охарра, я молвлю:
На эту женитьбу я согласен без спора.
Донью Эльвиру и донью Соль, дочерей Кампеадора,
Этим двум инфантам Наварры и Арагона
С благословеньем и почетом отдаю я в жены».
Хименес и Охарра встали проворно,
Целуют они руки у короля Альфонса,
А после него у Сида Кампеадора.
Порешили сговор и скрепили его словом,
Чтоб все сделалось так иль лучше, коль возможно.
Пришлось это по нраву на кортесах многим,
Но не очень понравилось инфантам из Карриона.
Минайя Альвар Аньес встал на ноги в ту пору:
«Прошу вашей милости, как короля и сеньора
(И пусть будет не в досаду моему Сиду Кампеадору):
Во все время кортесов я вас не тревожил,
Но теперь от себя сказать хотел бы слово».
Ответил король: «Разрешаю вам охотно.
Говорите, Минайя, все, что угодно». —
«Послушать прошу я собравшихся баронов.
Велика моя обида на инфантов Карриона:
Им сестер своих вручил я от лица дона Альфонса.
С благословеньем и почетом они взяли их, как должно,
Много приняли добра от Сида Кампеадора,
Но на зло нам отринули дочерей его с позором.
Я в том их обвиняю, как изменников подлых.
Правда, они вышли из рода Вани-Гомес,
В нем много было графов и славных и достойных.
Но хорошо нам известны их нынешние козни.
За то благодарю я милость господню,
Что донью Эльвиру и донью Соль посватали в жены
Эти оба инфанта Наварры и Арагона:
Прежде они вам были супруги и ро́вня;

Теперь вы поцелуете им руку, как сеньорам,
Служить вы им должны на стыд себе и злобу.
Спасибо богу в небе и королю Альфонсу:
Так умножилась слава Сида Кампеадора!
Вы ж во всем таковы, как я только что молвил.
Если кто возразит иль просто скажет слово,
Пусть с Альваром Аньесом готовится к бою».
Гомес Пелайес встал на ноги в ту пору:
«К чему теперь, Минайя, все эти разговоры?
Довольно против вас уже вышло баронов,
А кто большего захочет, тот добьется урона.
Если бог даст, мы отсюда выйдем живы и здоровы;
Узнаете тогда, чего стоит ваше слово».
Тут молвил король: «Пререкаться довольно.
Пусть больше никто не завязывает спора.
Завтра быть поединку, чуть выглянет солнце, —
Трое против троих, что вызвались бороться».
Тогда заговорили инфанты Карриона:
«Дайте срок нам, король, завтра биться не можем:
Коней и оружье мы дали Кампеадору:
В Каррион нам придется поехать за новым».
Тут молвил король, сказал Кампеадору:
«Назначьте этот бой, где вам будет угодно».
Тут молвил мой Сид: «Мне ехать нет охоты:
Для меня Валенсия милее Карриона». —
«Хорошо, — говорит король Кампеадору, —
Мне вручите бойцов со всей сбруей походной:
Пусть едут со мной, я им буду обороной.
Как вассалу сеньор, даю я вам слово,
Что их не обидит никто из баронов.
Обьявляю кортесам срок и место боя:
Через три недели в долинах Карриона.
Пусть будет поединок при мне и всех баронах.
Кто не явится в срок, будет признан виновным,
Побежденным на поле и предателем подлым».

Подчинились решенью инфанты Карриона.
Мой Сид целует руки королю Альфонсу:
«Вот трех своих бойцов в ваши руки я отдал.
Поручаю их вам, как королю и сеньору.
Крепко их оружие, отменны их кони.
Со славой их верните ради господа бога!».
Отвечал ему король: «Как господь соизволит!».
Мой Сид тут расстался со шлемом золоченым
И с шапкой из виссона, белой, как солнце;
Снял он шнурок, бороде дал свободу.
Все на него в кортесах наглядеться не могут.
Подошел он к дону Энрике и к графу дону Рамону.
Крепко их обнял и просил их покорно,
Чтоб взяли из добра, сколько будет им угодно.
Им и всем прочим своим доброхотам,
Всем предлагал он, сколько каждый захочет.
Иной отказался, иной берет с охотой.
Двести марок простил он королю Альфонсу,
А из прочего дал, сколько было угодно.
«Милости прошу я ради господа бога,
Раз все эти дела мы уладили так скоро,
Целую вам руки и прошу вас, как сеньора,
Отпустить меня в Валенсию, что с трудами я добыл».

Тогда приказал Сид выдать посланцам инфантов Наварры и Арагона лошадей и мулов и все, что им было нужно, а затем отпустил их. Поскакал тогда король дон Альфонс со всеми своими знатнейшими вассалами, чтобы проводить Сида, уходившего из города. Когда же они прибыли в Сокодове́р, а Сид ехал на коне своем Бабьеке, то сказал ему король:

— По чести, дон Родриго, должны вы проскакать на этом коне, о котором я слыхал столько хорошего.

Сид улыбнулся и сказал:

— Сеньор, здесь в вашей свите есть много знатных вельмож, которым больше это подобает, и вы им прикажите позабавить вас скачкой.

Король сказал:

— Сид, нравится мне то, что вы сказали; но все же прошу вас проскакать на этом коне ради меня.

И тогда Сид погнал лошадь и поскакал так быстро, что все дивились этой скачке.

150

Руку поднял король, перекрестил он лицо:
«Свидетель мне Исидор, леонский патрон:
Во всех наших землях — один такой барон!».
Мой Сид к дону Альфонсу подъехал верхом,
Руку целовал он у сеньора своего:
«Вас потешать вы велели Бабьекой бегуном.
У христиан и у мавров лишь один есть такой.
В дар его даю вам, — примите, мой сеньор».
Сказал король в ту пору: «Не приму ни за что.
Лучшего хозяина не найти мне для него.
Такому, как вы, такой нужен и конь,
Чтобы мавров бить в поле и гнать далеко.
Кто отнять его захочет, разрази его бог:
От вас и от Бабьеки наша слава растет».
Разъехались бароны с кортесов домой.
Бойцов своих так крепко увещал Кампеадор:
«О Мартин Антолинес, и Пер Бермудес лихой,
И Муньо Густиос, вассал мой дорогой,
Пусть держится всякий в поле как герой,
Чтоб слух о победе в Валенсию пришел».
Рек Мартин Антолинес: «К чему это, сеньор?
На себя мы взяли долг, и уплатим мы его.
Вы услышите о мертвых, о побитых — ни за что».
Обрадовался тот, что в час добрый рожден,
Со всеми распростился, кто стоял за него.
Едет Сид мой в Валенсию, а король — в Каррион.
Вот ровно три недели после кортесов прошло,
Бойцы Кампеадора явились в этот срок,

По велению сеньора, чтоб исполнить свой долг.
Взял их под защиту король дон Альфонс.
Два дня они прождали инфантов де Каррион.
На лихих конях— инфанты, в оружье дорогом.
Со всей своей роднею сошлись они на том,
Что бойцов Кампеадора захватят врасплох
И убьют их среди поля, их сеньору на позор.
Злое дело задумали, но не вышло ничего:
Уж очень был им страшен король дон Альфонс.
С оружьем во храме промолились всю ночь.
Когда ночка миновала и солнце взошло,
Много там съехалось всяких добрых вельмож,
Чтоб видеть поединок и потешить свой взор,
Сверх прочих явился и король дон Альфонс,
Чтобы правды добиться, а кривды — ни за что.
Поединщики Сида снаряжаются в бой.
Все — в добром согласье: ведь один у них сеньор.
Оружье надевают инфанты де Каррион,
Граф Гарсия Ордоньес советы им дает.
Королю дону Альфонсу они били челом —
Чтоб Коладой и Тисоной не бился никто,
Чтоб люди Кампеадора не пускали их в ход.
Жалеют, что их отдали инфанты де Каррион.
Короля они просили, но не слушал их он.
«Надо было в кортесах просить нас о том.
Бейтесь храбро, и будет остер ваш клинок,
Как Колада с Тисоной у ваших врагов.
Так ступайте же на поле, инфанты де Каррион;
По-рыцарски сражайтесь; вам будет не легко:
Не станет дело за теми, кого избрал Кампеадор.
Если вы их победите, то прославите свой род,
Если будете побиты, на нас не таите зло:
Все знают, что вы сами напросились на то».
Горько стало инфантам и на сердце тяжело.
Теперь им раскаяться в злодействе пришлось!

За то, чтоб его не было, подарили б Каррион.
Бойцы Кампеадора снарядилися в бой.
Взглянуть на них приходит король дон Альфонс.
Тут молвили трое биварских бойцов:
«Целуем ваши руки, вы — король наш и сеньор.
Их и нас вы рассудите справедливым судом.
Помогите нам в правде, а в кривде — ни за что.
Большая свита у инфантов де Каррион.
Что они замышляют — не ведаем о том.
На ваше попеченье нас отдал наш сеньор.
Окажите нам защиту, да поможет вам бог!».
Тут промолвил король: «От сердца я готов».
Подвели им коней, боевых скакунов;
Седла перекрестивши, помчались они в бой.
Щиты у них на шеях с хорошим шипом,
В руках у них копья с разящим острием,
Три добрые пики, и каждая — с флажком;
Много добрых баронов с ними скачут верхом.
Вот выехали в поле, где вехи — кругом.
У бойцов Кампеадора был крепкий уговор:
Каждому рубить без страха противника своего.
Вот навстречу выезжают инфанты де Каррион
Со свитой несметной: многолюден их род.
Король назначил присяжных, судящих правду и ложь,
Чтоб не смели с ними спорить, где правда и где ложь.
Как прибыли на поле, рек король дон Альфонс:
«Услышьте, что скажу вам, инфанты де Каррион!
Если б вы не отказались, в Толедо был бы бой.
Этих трех рыцарей, что избрал Кампеадор,
Под своею охраной я привел в Каррион.
Домогайтесь же правды, но кривды — ни за что.
Ибо кто в чем скривит, тот наказан будет зло:
Во всей моей державе нет места для него».
Тяжко это слышать инфантам де Каррион.
Расставили вехи пристава и король.

Все покинули поле и стали кругом.
Хорошо растолковали им всем вшестером,
Что, кто ступил за вехи, тот уже побежден.
Вокруг расположился весь честной народ,
Ровно на шесть древков от вех отведен.
Поделили тут солнце меж обеих сторон;
Лицом к лицу их оставив, из круга вышли вон.
Мчатся воины Сида на инфантов де Каррион,
А инфанты Карриона — на биварских бойцов.
Каждый себе наметил противника своего.
Прикрыли они грудь свою широким щитом.
Наперевес они взяли копья с флажком,
Наклонили они лица над лукой и седлом,
Скакунов подгоняют ударами шпор.
Земля затрепетала от конских тех ног.
Каждый из рыцарей наметил своего;
Трое против троих они сшиблись вшестером:
Ни один не уцелеет — так думают кругом.
Первым Бермудес вступает в бой с врагом;
С Феррандо Гонсалесом сшибается он.
Разят они в щит, не боясь ничего.
Феррандо дону Педро весь щит пропорол;
Копье торчит наружу, но в мясо не вошло;
В двух местах преломилось сразу древко его.
Не качнулся от удара Бермудес удалой.
Один удар он принял, а другой сам нанес:
Весь шип в щите сломал он и сразу вышиб вон.
Прошло копье сквозь тело, тут и щит не помог.
Вонзилось в грудь железо, от сердца недалеко.
Но тройной была кольчуга, и Феррандо это спасло:
Два пласта копье пробило, сквозь третий не прошло.
И нательник, и рубашка, и все кольца заодно
Вошли ему в тело на целую ладонь.
Из горла наружу кровь хлынула ртом.
Лопнули подпруги, не пошли ему впрок,

Вышиб его Бермудес из седла через круп долой.
Что насмерть он ранен, порешил весь народ.
В нем копье оставил Педро, за меч схватился он.
Как увидел Феррандо Тисону над собой,
Не дожидаясь удара, сказал: «Я побежден».
Когда судьи признали, Бермудес отъехал прочь.
Дон Мартин и дон Диего копьями сшиблись,
Так силен был удар, что копья, преломились.
Тут выхватил меч Мартин Антолинес.
Так чист меч и светел, что все поле озарилось.
Ударил Антолинес наотмашь, что есть силы,
Нашлемник рассек у самой вершины,
Завязки у шлема все враз разрубил он,
Прошиб забрало до подкладки холстинной,
Забрало и подкладку рассек на половины.
Меч волосы режет, до кожи достиг он;
Часть шлема — на затылке, часть на землю свалилась.
Как нанес он удар Коладой знаменитой, —
Видит дон Диэго, что не быть ему живу,
Потянул за узду, показал тотчас спину;
Меч в руке он зажал, но ударить не решился.
Тут хватил его сзади Мартин Антолинес,
Не острым концом, а плашмя со всей силы.
В это время инфант громким голосом вскрикнул:
«Защити от меча, сохрани меня, спаситель!».
Чтоб уйти от Колады, коня поворотил он,
За вехи убежал; держит поле Антолинес.
Тут молвил король: «Ступайте к моей свите,
Этим вашим делом решили вы битву».
И судьи подтвердили, что слова его правдивы.

151

Про Муньо Густиоса молвлю вам слово,
Как с Асуром Гонсалесом смело он боролся.
В щиты разят друг друга ударом тяжелым.

Был Асур Гонсалес и крепок и ловок;
Дону Муньо Густиосу весь щит пропорол он.
Копье его прошло сквозь щит и сквозь кольца,
Но мяса не задело и вышло на воздух.
Ответный удар Густиос наносит.
В середину щита он ударил с наскока,
Разрубил он Асуру панцирные кольца,
У самого сердца пронзил его сбоку,
Пику вместе с флажком всадил в него глубоко.
С другого конца сталь вышла на локоть.
Из седла его вышиб умелым поворотом
И, выдернув копье, на землю сбросил.
И древко и флажок от крови багровы.
Все думают: Асуру конец приходит.
Вытащив копье, он навел его снова.
Рек Гонсало Асурес: «Не бейте, ради бога!
Уступаем мы поле после боя такого».
И судьи сказали: «Мы слышим это слово».
Очистить место боя велел король Альфонсо.
Забрал себе оружье, что брошено на поле.
С почетом уходят бойцы Кампеадора.
Победили они в битве, слава господу богу!
Велика была скорбь во владеньях каррионских.
Король отправил ночью бойцов Кампеадора,
Чтоб они не боялись ни налета, ни урона.
Все дни и все ночи они едут осторожно,
И вот они в Валенсии у Сида Кампеадора.
Обесславили они инфантов Карриона,
Исполнили достойно свой долг перед сеньором.
Мой Сид Кампеадор доволен был премного:
Велико посрамление инфантов Карриона.
Кто женщину безвинную обидит и прогонит,
Тот дождется такого ж или худшего урона.
Но оставим мы дело инфантов каррионских;
Что они получили, не по вкусу пришлось им.

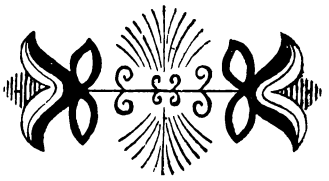
Скажем мы теперь о рожденном в час добрый.
Валенсия великая охвачена восторгом,
Ибо так отличились бойцы Кампеадора.
За бороду взялся Руй Диас благородный:
«Отомстил я за дочек, слава господу богу!
Заплатил я за них карриопцам позором.
Без стыда их выдам за кого мне угодно».
Сделали свое наваррцы и арагонцы —
Свиделись опять с Альфонсом Леонским;
Донья Эльвира и донья Соль обвенчаны снова.
Первый брак был почетен, а второй еще боле:
Лучшим, чем прежде, мужьям Сид их отдал.
Смотрите, как прославился рожденный в час добрый.
Царят его дети над Наваррой и Арагоном.
Испанские короли теперь — его потомки,
И на честь им родство с рожденным в час добрый.

Преставился от мира Руй Диас благородный
В Троицын день, спаси его, боже!
Всем нам, грешным и праведным, дождаться того же.
Вот славные деянья моего Сида Кампеадора.
На этом кончаем мы наше слово.

Аминь. Кто писал эту книгу, пусть от бога дождется рая.
Писал ее Пер Аббат среди месяца мая,
В год нашей эры тысяча триста сорок пятый.

Эта песня прочтена,
Дайте нам вина;
А коль денежки нету,
Снимайте, во что одеты,
И дадут вам под это.

ДОПОЛНЕНИЯ



1

ИЗ «ХРОНИКИ ДВАДЦАТИ КОРОЛЕЙ»

Послал король дон Альфонс Руй Диаса, моего Сида, за ежегодною данью, причитавшейся с царей Кордовы и Севильи. Альмутамид, царь севильский, и Альмудафар, царь гранадский, в ту пору сильно враждовали и ненавидели друг друга смертельно. И были тогда с Альмудафаром, царем гранадским, те вельможи, что ему помогали: граф дон Гарсия Ордоньес и Фортун Санчес, зять дона Гарсии, короля наваррского, и Лопе Санчес, брат его, и дон Диэго Перес, один из знатнейших во всей Кастилии. И все эти вельможи со своими дружинами помогали Альмудафару и напали на Альмутамида, царя севильского.

Когда Руй Диас Сид узнал, что готовится такой поход против севильского царя, вассала и данника его сеньора, короля дона Альфонса, он принял это во зло, и было ему очень досадно. И разослал всем просительные письма, чтобы они не выступали против севильского царя и не разоряли его земли во имя долга, связывавшего их с королем доном Альфонсом, ибо если они поступят иначе, то не преминет король дон Альфонс помочь своему вассалу, потому что тот его данник. Царь гранадский и вельможи ни во что не поставили письма Сида и все вместе напали весьма отважно и разорили всю землю царя севильского вплоть до замка Кабры.

Увидев это, Руй Диас Сид собрал сколько мог войска из христиан и мавров и двинулся против гранадского царя, чтобы вытеснить его из земли царя севильского. Гранадский же царь и бывшие

с ним вельможи, узнав, что Сид идет на них таким походом, послали ему сказать, что из-за него не вздумают покинуть эту землю. Услыхав такие слова, Руй Диас Сид рассудил, что нехорошо будет, если он на них не нападет; и нагрянул он на них и сразился с ними в открытом поле, и длилась их битва от третьего часа до полудня, и великое было умерщвление мавров и христиан в войске царя гранадского, и победил их Сид и принудил бежать с поля. И полонил Сид в этой битве графа Гарсию Ордоньеса и вырвал у него клок из бороды, и (захватил) также Лопе Санчеса и Диэго Переса, и других рыцарей многих, и прочего люда без счета. И держал их Сид в плену три дня, а затем всех отпустил. Когда же он их захватил, то приказал своим собрать все добро, оставшееся на поле битвы. Затем вернулся Сид со всей дружиной и со всем богатством к Альмутамиду, царю севильскому, и отдал ему и всем его маврам то, что они признали своим, и даже из прочего столько, сколько они пожелали взять. И с тех пор прозвали мавры и христиане этого Руй Диаса де Бивар Сидом Кампеадором, что значит Ратоборец.

Тогда Альмутамид дал ему много добрых даров и те дани, за которыми он приехал; затем подтвердили они мирный договор между королем доном Альфонсом и этим Альмутамидом, и возвратился Сид со всею данью к королю дону Альфонсу, своему сеньору. Король принял его хорошо и был им очень доволен, и нравилось ему то, что Сид там сделал. Поэтому стали ему очень завидовать и строить против него козни и поссорили его с королем.

После того как Сид прибыл к королю дону Альфонсу, собрал король огромное войско для похода в мавританские земли... И Сид захотел пойти с ним, но очень тяжко заболел и не смог пойти, и тогда оставил его король сторожить землю. И король дон Альфонс вошел в мавританские земли, и разорил много земель, и учинил им большое зло. Но пока король проходил по Андалусии, делая там все, что ему хотелось, с другой стороны собрались большие силы мавров, и вступили в его землю, и обложили замок Гормас, и штурмовали его с великим упорством, и творили много зла по всей той земле. Между тем Сид уже выздоравливал и когда услыхал о том, что творили мавры в Сант-Эстеванской земле, собрал, сколько мог, народу, и напал на

мавританскую землю, и устроил набег, и разорил всю Толедскую землю, и полонил мавров и мавританок семь тысяч. Затем возвратился Сид в Кастилию с богатством и почетом и большою поживой.

Когда же узнал о том король дон Альфонс, то огорчился всем сердцем. Видя это, бывшие при нем вельможи из великой своей зависти к Сиду наговорили о нем королю много худого, стараясь поссорить его с королем, и твердили: «Государь! Руй Диас Сид нарушил мир, заключенный и утвержденный между вами и маврами, и сделал он так не для чего другого, а лишь для того, чтобы убили и вас и нас». Король же, будучи весьма сердит и разгневан на Сида, тотчас им поверил, ибо таил на него обиду за ту клятву, которую Сид взял с него по случаю смерти его брата, короля дона Санчо... И немедля послал он Сиду грамоту, повелевая ему покинуть пределы королевства.

2

ИЗ «ИСТОРИИ РОДЕРИКА»

Это латинское хроникальное повествование, полное название которого — «История Родерика Ратоборца» (Historia Roderici Campidocti),[1] представляет собой сухое и краткое жизнеописание героя, возникшее около 1110 г. на основе не только песен и преданий о Сиде, но и личного наблюдения событий. Полагают, что автор его — какой-нибудь клирик, сопровождавший Сида в изгнании. Написана «Историка Родерика» очень неровно: некоторые события изложены весьма подробно и как бы с документальной точностью, другие, наоборот, бегло и туманно. В целом, эта хроника — важный источник по биографии Сида.

Послание Беренгария к Сиду

Я, Беренгарий, граф Барселонский, вкупе со своими рыцарями, объявляю тебе, Родерику, что мы видели письмо, которое ты послал Альмузахену [Аль-Мостаину] и велел показать нам, каковое письмо нас высмеивает и позорит и приводит нас в величайший гнев. Уже и до того учинил ты нам многие обиды, и за них пристало бы нам на тебя сильно гневаться и с тобою враждовать. Но еще более за поносную твою грамоту, в которой ты с презрением над нами насмехаешься, должны мы быть тебе недругами и противниками! Добро наше, то-

---

[1] Дословно — «мастер битв», латинизация испанского прозвища Сида — «Кампеадор».

бою у нас отъятое, и доныне у тебя хранится. Бог же в могуществе своем за столькие обиды, нам нанесенные, воздаст отомщение.

И еще другую, худшую обиду и насмешку ты нам учинил, приравняв нас к женам нашим. Мы же не желаем так над тобой издеваться; но просим и умоляем небесного бога предать тебя в наши руки и в нашу власть, дабы возмогли мы показать тебе, что больше мы стоим, чем наши жены.

И еще писал ты царю Альмузахену, что, буде мы пойдем на тебя войною, скорее выйдешь ты нам навстречу, чем сумеет он вернуться в Монтесон, и что, ежели мы не поторопимся против тебя выступить, то ты перехватишь нас на дороге.

А посему очень тебя просим не порицать нас за то, что сегодня не спускаемся к тебе: потому мы так поступаем, что хотим осведомиться о твоем войске и расположении. Видим, однако, что ты, единственно на свою гору полагаясь, на ней желаешь с нами сразиться. Видим также и знаем, что горы, и во́роны, и воро́ны, и копчики, и орлы, и все почти виды пернатых — твои боги,[1] ибо больше веришь ты в их пророчества, нежели в господа. Мы же чтим и исповедуем единого бога, который да отомстит тебе за нас и предаст тебя в наши руки.

Узнай же по истинной правде, что завтра на заре, с соизволения господня, узришь ты нас близ себя и перед собою. Если же выйдешь против нас на ровном поле и разлучишься со своею горою, то будешь ты тем самым Родериком, коего величают воителем и ратоборцем [Campeator]. Если же сего учинить не пожелаешь, то будешь таким, каких в просторечье кастильцы зовут alevoso [предатель, бесчестный человек], а франкский[2] народ и bauzador и fraudatir [мошенник и обманщик].

Не поможет тебе притворяться, будто ты так силен: не отойдем мы от тебя и не отступимся, пока не попадешься ты нам в руки мертвым или пленным и в железные путы закованным. Тогда-то учиним мы над тобой такой же точно alboroz [злорадное ликование], какой

---

[1] Намек на древний (римской эпохи) способ гадания по полету птиц.

[2] Здесь в значении «каталанский».

ты сам учинил над нами на словах и на деле. Господь же отомстит за свои храмы, которые ты насильнически сломал и осквернил.

Послание Сида к Беренгарию

Мы, Родерик с товарищами, тебе, Беренгарию графу, и твоим вассалам шлем привет. Знай, что я прослушал твое послание и уразумел все, что в нем содержится. В нем говоришь ты, что я написал грамоту Альмузахену, в коей я тебя и твоих вассалов высмеивал и поносил. Поистине правду ты сказал: поносил я тебя и твоих людей и сейчас поношу. Теперь же скажу тебе, за что я над тобой надругался. Будучи с Альмузахеном в пределах Калатаюдских, ты при нем меня поносил, говоря, что из страха перед тобой не посмею я вступить в эти земли. Твои же вассалы, сиречь Раймунд де Барбаран и другие рыцари, с ним бывшие, то же самое с издевкою говорили про меня королю Альдефонсу в Кастилье при всех кастильцах. Ты сам тоже, при Альмузахене, сказал королю Альдефонсу, что ты бы со мною, всеконечно, воевал и из земель Альфаджиба побежденным изгнал, а я-де не посмел бы никоим образом встретиться с тобою в тех землях; но ты, мол, из любви к королю от всего такого воздержался и из любви же к нему до сих пор за мною не гнался, и так как я — его вассал, то ты срамить меня не хотел и меня жалел.

За такие-то обидные слова и издевательства надо мною и я тебя и твоих поднял насмех и впредь того не оставлю, а к женам вашим я за бабскую слабость вашу вас приравнял и уподобил. Теперь же не можешь ты отказываться от сражения со мною, если только посмеешь сразиться, а случись, что ты против меня выступить откажешься, то всякий меня признает правым. Если же ты отважишься пойти на меня с войском, то выходи на бой: я не боюсь. Не думаю, чтобы ты забыл, что я тебе и людям твоим учинил, как я вам в свое время повредил. Мне же известно, что ты сговорился с Альфаджибом, чтобы он тебе дал денег, а ты изгонишь и извергнешь меня навсегда из его удела. Но думаю я, что ты исполнить обещанное побоишься и против меня выступать и со мной воевать никоим образом не решишься. И не пытайся отказываться от встречи со мною;

а можешь ты меня застать на самом ровном месте, коего ровнее во всех этих землях нету. По истинной правде тебе говорю: если ты и твои захотите против меня пойти, то добра не дождетесь. Дам я вам обычную плату, какую уже привык вам платить, ежели вы в самом деле посмеете на меня напасть. Если же ты против меня выйти откажешься и не дерзнешь со мною сразиться, отправлю я о том грамоту королю Альдефонсу и послов отправлю к Альмузахену. Скажу им, что из всего, что ты наобещал и учинить грозился и хвалился, ничего ты, меня убоявшись, совершить не решился. Не только этим двум царям, но и всем знатным людям, как христианам, так и сарацинам, я все это без изъятия объявлю и возвещу. Все же — и христиане и сарацины — без сомнения знают, как я в свое время захватил тебя в плен и что твои деньги и деньги всех твоих вассалов у меня находятся.

Ныне же ожидаю тебя в долине с духом спокойным и неослабным. Если же попытаешься прийти ко мне, то тут часть своего добра увидишь, однако же не в пользе твоей, а, напротив, к еще большему урону. Ты же попусту похвалялся захватить меня в руки побежденным, или полоненным, или умерщвленным; но сие — в руке божьей, а не в твоей. Обо мне же ты дерзко и бесстыдно говорил, будто совершил я aleve по кастильскому закону, или bauzia по французскому, в чем ты своими устами несомненно солгал. Никогда я ничего такого не делал: но сделал это тот, кто уже испытан в таких предательствах; а ты его хорошо знаешь, да и многие как христиане, так и язычники, без сомнения, знают, что он именно таков, как я говорю.

Но уже довольно мы препираемся бранными словами. А посему прекратим таковые речи, и да решится распря между нами благородной силой оружия, как подобает добрым рыцарям. Приходи и не медли. Получишь от меня ту плату, которую я привык тебе платить.

3

КАНТИЛЕНА О РОДЕРИКЕ

Это латинское стихотворение наряду с «Историей Родерика» — важный источник биографии Сида. Хотя озаглавлено оно «Carmen Campidoctoris» («Песнь о Кампеадоре»), переводчик условно назвал его ради ясности «Кантиленой о Родерике», исходя из того, что в средневековой литературе принято называть кантиленами короткие эпические песни как на живых языках, так и на латинском. Место возникновения кантилены, — вероятно, Каталония, откуда происходит рукопись. Автор — ученый клирик, быть может принадлежавший к партии, враждебной правящему графу Беренгарию Братоубийце. Писал он почти несомненно при жизни Сида, возможно еще до 1093 г., так как ему, по-видимому, не известно о взятии Альменара королем Санчо Рамиресом.

Написана кантилена ритмическим (не метрическим) стихом, основанным не на долготе и краткости слогов, а на количестве слогов и расположении ударений.

[**Родерик**]

Петь мы могли бы подвиги героев
Пирра, Париса или же Энея,
Тех, что с хвалою многие поэты
Нам описали.
Но что за польза в языческих былях,
Что истлевают в древности преклонной?
Лучше восславим вождя Родерика
Новые битвы!

Если исчислить все его победы
Вздумаю ныне, тысячи не хватит
Книг, если б даже Гомер сочинил их
С тщаньем великим.
И сам я, право, знаю лишь частицу;
Ведь почерпнул я из многого мало.
Все же вверяю ветру парус ритма,
Кормчий несмелый.
Эйя! С весельем, народные толпы,
О Ратоборце сей песне внемлите.
Те особливо, что в мощь его верят,
Все приходите.
Он порожден был родом знаменитым,
Коего выше нет во всей Кастильи.
Ведают Ибер и Гиспала берег [1]
Про Родерика.
Это был первый славный поединок,
Когда осилил юноша наваррца.
Был Ратоборцем назван он устами
Старших меж нами.
Тут в нем сказался будущий воитель,
Графов сильнейших в распрях победитель,
Рати монархов пятой придавивший,
Сталью смиривший.
Так им пленился царства повелитель,
Санций,[2] увидя юноши успехи,
Что соизволил дать ему начальство
В первом отряде.
Задумал Санций почтить его боле
Высшею честью (даже против воли),
Но сам погиб он, пораженный вскоре
Смертью нещадной.

[1] Берега Испании.
[2] Король Санчо.

За сим убийством, свершенным с коварством,
Край Эльдефонсу [1] сделался подвластным.
Он же в Кастилье обещанное братом
Дал Родерику.
Не меньше брата стал любить и славить,
Превыше прочих мнил его поставить,
Пока не стали с завистью лукавить
Сонмы придворных.
Молвят владыке: «Что ты замышляешь?
Против себя же кривду учиняешь,
Коль Родерика вознести желаешь
Нам не в угоду.
Знай: ненавидит он тебя упорно;
Был он у брата твоего придворным;
Вечно тебе он будет прекословить,
Козни готовить».
Слыша такие шептунов наветы,
Сердцем взъярился Эльдефонс-властитель,
Боясь лишиться честно́го престола,
Чуя крамолу.
Приязнь былую во гнев обращает,
Ищет предлога против Родерика
И в прегрешеньях малых обвиняет,
Крупных не зная.
Уйти в изгнанье бойцу повелел он,
А тот на мавров нападает смело,
Грабит, воюет Испаньи пределы,
Крепости рушит.
Весть долетает в чертог королевский,
Что Ратоборец, агарян [2] лишивши
Лучших сокровищ, им петлю на шею
Ныне готовит.

---

[1] Альфонсу.

[2] В смысле «язычников» (мавров).

Король пылает, рыцарство сзывает,
Сам же готовит, ежели изловит,
Он Родерику, буде дастся в руки,
Смертные муки.
Выслал Гарсию царь вышереченный,
Гордого графа, усмирить героя,
Но Ратоборец, поле взявши с боя,
Славу удвоил.
Это и было второе сраженье,
Где в плен попался с прочими Гарсия.
Капрой зовется то место, где лагерь
Весь был захвачен.
Этим он имя свое возвеличил
В землях испанских, средь всех без различья
Царей, отныне в страхе дрожащих,
Дани платящих.
Вскоре он третье завязал сраженье,
С помощью божьей нанес он пораженье,
Иных прогнавши, иных полонивши,
Лагерь разграбил.
Ибо с маркизом, графом Барселонским,
Коему платят дань мадианиты,[1]
Вышел Альфаджиб, Илерды[2] властитель,
С войском враждебным.
Оба обсели замок сарагосский,
Что ныне мавры зовут Альменаром;
Но Ратоборец просит дозволенья
Пищу доставить.
Когда же просьбам те не уступили
И не хотели дать ему прохода,
Своим велел он взяться за оружье
Без промедленья.

[1] В том же значении, что и агаряне.
[2] Лериды.

Сам среди первых надел он кольчугу,
Лучше которой не видали люди;
Меч нацепил он, что златом отделал
Мастер искусный;
Взял и копье он чудесной работы:
Гладко обструган ясень благородный;
Из крепкой стали — прямой наконечник,
Дивно отточен.
Щит свой он держит левою рукою,
Весь расцвеченный росписью златою,
На коем злобный дракон был начертан,
Ярко блестящий.
Главу покрыл он шлемом лучезарным:
На нем полоски серебра литого
Сделал искусник и вокруг янтарный
Венчик приладил.
Конь, привезенный варваром заморским,
Плачен дороже тысячи червонцев;
Летит и скачет он быстрее ветра,
Легче оленя.
С таким оружьем, на коне подобном
Много он лучше, чем Парис и Гектор
Были под Троей, и теперь, конечно,
Нет ему равных.
Стал он молиться...[1]

[1] Здесь рукопись обрывается. Дальше подчищено строф десять и на их месте вписан другой текст.

4

ИЗ ПОЭМЫ «РОДРИГО»

Родриго и граф Гомес де Гормас

Граф дон Гомес де Гормас Дьего Лаинеса ограбил:
Избил его пастухов и угнал его стадо.
В Бивар приехал Лаинес, велел скликать он вассалов,
Созвал он всех своих братьев, и вот они уже скачут.
Пошли набегом на Гормас, едва заря заблистала.
Начали бить и грабить, и все кругом поджигают,
И тащат его вассалов, сколько под руку попало,
И тащат его скотину, сколько паслось за оградой,
И тащат прачек от речки для бесчестья и срама.
Навстречу выехал граф с сотней рыцарей-идальго,
Громким голосом бесчестит он сына Лаина Кальво:
«Отпустите моих прачек, сын городского алькальда.
Вы не посмеете выйти с равною силой на равных».
Эти слова говорил он, распалясь великим жаром.
Отвечал Руй Лаинес, что был сеньором над Фаро:
«Сто на сто на вас мы выйдем в рукопашную без страха».
Тут назначили день, чтобы сойтись в поле ратном.
Вернули ему вассалов и прачек его обратно;
Но только не вернули захваченного стада:
Забрали его в отместку за уведенное графом.
Чуть девять дней миновало, вновь верхом они мчатся.

Там — Родриго, сын Дьего и внук Лаина Кальво.
Его прадед — король леонский; граф Нуньес Альварес — дед.
Двенадцать лет ему стукнуло, еще тринадцати нет,
Еще он не был в сраженье, но пылом ратным согрет.
Среди ста бойцов он едет (хочет-не хочет отец).
Первыми сразились граф дон Гомес и Родриго-удалец.
. . . . . .
Вот войска вооружились; готовы битву начать.
Убил Родриго графа, не мог ретивое сдержать.
Прискакала сотня Гомеса и битву начала.
На нее ударил Родриго, вздохнуть он не дал врагам,
Графских сынов полонил он на их досаду и срам,
Эрнана Гомеса и Альбонео Гомеса, и отвел их в Бивар.

Женитьба Родриго

Три дочки были у графа, и все — невесты хоть куда.
Когда узнали, что братья взяты и что родитель их пал,
Оделись в черное платье, поверх глухая фата
(Ее тогда носили в скорби, а теперь — для забав),
Из Гормаса вышли дамы и направились в Бивар.
Завидел их дон Дьего, у дверей он их встречал:
«Откуда эти монашки и о чем их мольба?».
«Все, сеньор, мы вам скажем, скрывать не станем от вас.
Мы — дочки графа де Гормас, что по воле вашей пал.
Вы наших братьев полонили и отвели их сюда,
А мы, женщины, остались, и нет защиты у нас».
В ту пору молвил дон Дьего: «Не моя в том вина.
Просите их у Родриго: захочет он, так отдаст.
А я о них не заплачу, клянусь во имя Христа».
Услышал это Родриго, сказал такие слова:
«Нехорошо, о сеньор, глаза на правду закрывать,
Ибо я — ваш сын, и норовом — в мать.
Подумайте об этом, сеньор, ради Христа:
Не отвечают дочки за прегрешенье отца.

Отдайте же им братьев: велика их нужда.
Соблюдать нужно меру и уважить этих дам».
Тут промолвил дон Дьего: «Сын, велите их отдать».
Освободили тех братьев и отдали в руки дам.
Придя в надежное место, они промолвили так:
«Щадить мы будем две недели Родриго и старика,
Затем сожжем мы их ночью в биварском замке дотла».
Молвит младшая, Химена Гомес: «Умерьтесь, братья, ради Христа:
В Самору к дону Фернанду, к королю, я пойду сперва.
Вам будет здесь безопасно, охранит он ваши права».
Вот едет Химена Гомес, трех девиц с собой взяла,
И еще оруженосцев, чтоб ей защита была.
Вот стоит она в Саморе средь королевского двора;
Горькими плачет слезами, просит милости она:
«Король, я, скорбная дева, просить о милости пришла.
Осталась я сиротою: графиня-мать умерла.
Сын дона Дьего Лаинеса много сделал мне зла:
Полонил моих братьев, убил моего отца.
Я к вам, как к властелину, с челобитной пришла.
Сеньор, по милости вашей, у вас я прошу суда».
Огорчился король, сказал такие слова:
«В землях моих неспокойно; Кастилья смуты полна;
А коль восстанут кастильцы, учинят мне много зла».
Услыхала Химена Гомес, к его руке подошла:
«Смилуйтесь, — молвит, — сеньор! Не осердитесь со зла.
Знайте, смирить кастильцев вы можете без труда:
В мужья мне дайте Родриго, что убил моего отца».
. . . . . .
Слышит ее граф Осорио, наставник дона Фернандо.
Отвел короля он за руку, тайный вопрос ему задал:
«Сеньор, что скажете вы о просьбе этой дамы?
Всемогущему богу должны вы быть благодарны.
Сеньор, пошлите за Сидом и за отцом его знатным».
Быстро грамоту скрепили, не стали мешкать нимало,
Вручили ее послу, и в дорогу поскакал он.

Прибыв в Бивар, дона Дьего за отдыхом застал он.
Сказал: «Поклон вам, сеньор, везу вам весть на отраду,
За вами и вашим сыном послал король дон Фернандо.
Вот я грамоту привез за крепкой его печатью.
С помощью господней ожидает Родриго слава».
Взглянул на грамоту дон Дьего, лицо его бледным стало:
Думал, что хочет король погубить его за графа.

. . . . . .

«Услышьте, — молвил он, — сын мой, и поглядите сюда.
Боюсь я грамоты этой, что вероломства полна.
В таких делах у властителей повадка больно плоха.
Если служишь государю, служи ему без греха,
А сам его опасайся, как смертельного врага.
Поезжайте, сын мой, в Фаро: Руй Лаинес, наш дядя, — там.
А я ко двору отправлюсь, раз добрый король меня звал.
И если бы так случилось, что меня ожидает казнь,
Месть за себя я вручаю своим братьям и вам».
Тут промолвил дон Родриго: «Вовек тому не бывать.
Куда б нам ни ехать, и я поеду при вас.
Хоть вы мне и родитель, совет хочу вам подать.
Триста рыцарей с собою, сеньор, возьмите туда.
А как подъедем к Саморе, их мне отдайте тогда».
В ту пору молвил дон Дьего: «Сбирайтесь в путь, господа».
Пустились они в дорогу и в Самору спешат.
Вот подъехали к Саморе; течет Дуэро-река;
Вооружиться всей свите Родриго дал приказ.
Увидав ее под оружьем, такое слово сказал:
«Слушайте, мои родичи, друзья и вассалы отца!
Вы охраняйте сеньора без обмана и до конца.
Коль придут за ним альгвасилы, пощады им не давать.
Пусть черный день король узнает, как и все, что будут там:
Чтоб вам не слыть предателями, пусть будет убит он сам.
Ведь мы ему не вассалы, и не дай бог ими стать.
Худшим предателем он будет, коль убьет моего отца —
За то, что врага сразил я в честной битве, в поле ратном».

Всердцах он едет ко двору, где был добрый король Фернандо.
Все говорят: «Это он — убийца доброго графа».
Как поднял Родриго очи, придворные разбежались:
Вид его в трепет привел и перепугал их насмерть.
К королю пошел дон Дьего, и руку поцеловал он.
Но сыну его Родриго это пришлось не по нраву.
Не преклонил он колени, руки не поцеловал он.
Увидев меч его длинный, король весьма испугался.
Громким голосом вскричал: «Уходи отселе, дьявол!».
Тут говорит дон Родриго: «Мне дороже гвоздик ржавый
Чести назвать вас сеньором и быть вам верным вассалом.
Я считаю себе позором, что отец вам руку лобзает».
В ту пору графу Осорио молвит король дон Фернандо:
«Приведите-ка мне девицу: пора оженить забияку».
Еще не верит дон Дьего, что зря он набрался страху.
Тут явилась девица, выходит об руку с графом.
Приподняла она веки и Родриго увидала:
«Сеньор, большое вам спасибо: вот это граф мой желанный».
Тут венчали донью Химену Гомес с Родриго из Бивара.
Сказал Родриго в сильном гневе на кастильского государя:
«Сеньор, меня вы обвенчали, не в угоду мне, а назло.
Но клянусь Христом, что вам целовать руки не стану,
И что с женой не увижусь ни в чистом поле, ни в замке,
Пока врага не одолею я пять раз на поле бранном».
Услышал это король, дивился он несказанно:
«Ведь это — не человек, а сущий дьявол по нраву!».
Молвил граф дон Осорио: «Узнаем скоро мы правду.
Пусть сам в одиночку воюет, коль придут в Кастилию мавры.
Увидим, правду ль сказал он, иль только хвастался даром».
Отец и сын распростились и поехали обратно
Чрез Бивар в Сан-Педро де Карденья, чтоб там на весну остаться.

(Стихи 280—429).

5

ИЗБРАННЫЕ РОМАНСЫ О СИДЕ

Все пять печатаемых нами романсов — анонимные и принадлежат к числу так называемых «старых» романсов. Предположительно они возникли в XV в. Тексты взяты из сборника Ф. Вольфа и К. Гофмана (переизданного М. Менендесом-и-Пелайо в серии: Antologia de poetas liricos castellanos, t. VIII, Madrid, 1899, №№ 28, 30b, 33, 44, 57).

О том, как Диэго Лаинес, отец Сида, узнал, кто из четырех его сыновей самый храбрый

Дон Диэго де Лаинес,
Убеленный сединами,
Отобедав, слово молвит
Четырем своим сынам:
Трех в супружестве он прижил,
А четвертого вне брака;
Этим сыном незаконным
Был мой Сид, кастилец славный.
Их поруганный родитель
К ним о помощи взывает:
«Дети, нашу честь спасите,
Ибо я от срама чахну.
Зайца гнал по нашим землям
Именитый граф Лосано,

Но охотничью добычу
Отнял я у гончих графа.
Оскорбил меня жестоко
Он поносными речами.
Мщение за вами, дети,
Не за мной — бессильным старцем!».
Кончил говорить Лаинес
И уходит с сыном старшим,
С глазу на́ глаз остается
С ним вдвоем в покое дальнем.
В рот берет он палец сына,
Сильно сжав его зубами.
Испускает крик истошный
Сын от боли и от страха.
Не сказав ему ни слова,
Прочь его он отсылает
И велит к себе явиться
Двум другим сынам помладше.
Ту же пробу он им сделал,
Тот же крик они издали.
Сида он призвал последним,
Ибо тот был сын внебрачный.
В рот вложил он палец Сида,
Сильно сжал его зубами,
Пригрозив, что если вскрикнет
Мальчик, он его накажет.
Сид сказал: «Отец, пустите,
Или неучтив я стану».
Слыша эту речь, Лаинес
Сына обнял со слезами.
«Подойди поближе, сын мой,
Подойди, родное чадо!
Я тебе свое оружье
И судьбу семьи вручаю.
Графа им убить ты должен,

Если смыть позор желаешь!».
Не ответил Сид и молча
Выслушал слова отца.
Не прошло еще недели,
Графа добрый Сид встречает
И ему слова такие
Говорит, как муж отважный:
«Граф, я никогда не думал,
Что невежа вы ужасный,
Что отцу придется зайца
Отнимать у гончих ваших,
Хоть он вас и не обидел
Ни речами, ни делами.
Как хотите, за него я
Должен вам отмстить. Не правда ль?».
Граф все это принял в шутку,
Сид же стал от гнева красен,
С графом грудь на грудь схватился
И вонзил в него кинжал.

Романс о Химене Гомес

Это было на Крещенье,
В праздник древний, достославный,
В день, когда все дамы просят
Венценосца о подарке.
Вот пришла Химена Гомес,
Чьим отцом был граф Лосано,
И с такою гневной речью
Обращается к монарху:
«Чахну я, король, от горя.
Мать моя от горя чахнет.
Видеть каждый день убийцу
Моего отца должна я.
На коне он скачет гордо,

На его сидит перчатке
Или ястреб, или сокол
Для охотничьей забавы.
Он, ко мне на голубятню
Этих ловчих птиц спуская,
Погубил моих голубок,
Кровью их меня испачкал.
Он на все мои упреки
Лишь угрозой отвечает,
Что мечом на мне обрежет
До срамного места платье,
Что лишит девичьей чести
Скоро всех моих служанок
И под юбками моими
Моего убьет пажа.
Королям неправосудным
Не пристало быть у власти,
Хвастать шпорами златыми,
Есть на скатерти камчатной,
Разъезжать на иноходце,
Слушать мессу в божьем храме,
Забавляться с королевой
И страной повелевать».
Услыхав слова Химены,
Ей король ответил в страхе:
«Да спасет нас царь небесный
И решенье нам подскажет.
Если мы осудим Сида,
Наши кортесы восстанут;
Если мы простим убийцу,
Нас замучит совесть злая». —
«В кортесы, король идите,
Бунта в них не опасайтесь,
Но зато отца убийцу
Дочери в мужья отдайте.

От того, что зло мне делал,
Ожидать добра я вправе».
Тут король промолвил слово,
Слову этому внимайте:
«Как я вижу, правду люди
Нам рассказывали часто,
Говоря, что непостижно
Переменчив женский разум.
То судить просила Сида,
То за Сида хочешь замуж!
Без труда и с легким сердцем
Это сделать мы согласны.
Сиду грамоту пошлем мы,
Призовем его сюда».
Речь еще король не кончил,
Как уже гонец помчался
И вручил отцу Родриго
Королевское посланье.
«Граф, я вас учить не смею,
Но дурны повадки ваши:
Не пойму, зачем от сына
Скрыли вы приказ монарха?». —
«Сын, король в посланьи только
Ко двору вас вызывает,
Но остаться здесь должны вы,
Я за вас поеду сам». —
«Бог такого не потерпит,
Не допустит богоматерь.
Я, куда б вы ни собрались,
Впереди поеду вас».

Сид и папа римский

В дни, когда король дон Санчо
В Бургосе сидел на троне,
Через Старую Кастилью

Он к Леону двинул войско.
Всю Астурию прошел он
И достиг Сан-Сальвадора,
Занял также Сантильяну,
Пересек Наварру с боем
И прошел ворота Аспы,
Франции грозя войною,
И неделю дожидался
Короля французов в поле,
Но врага не смог дождаться
И войска отвел домой.
Тут ему посланье папа
Спешно шлет из Авиньона,
Чтобы шел он в Рим венчаться
Императорской короной,
Чтобы взял он тридцать мулов,
Но не брал коней с собою,
Чтобы в кортесах восстанья
Без него никто не поднял,
Чтобы вместе с ним не вздумал
Ехать Сид Кампеадор.
Тотчас в кортесы примчался
Сид, узнав такую новость.
Вместе с ним — его идальго:
Три отборных конных сотни.
«Милости, король, прошу я,
Мне не откажите в просьбе:
Если в Рим хотите ехать,
Вас сопровождать позвольте.
Я же на себя согласен
Взять в дороге весь расход.
Я, пока в Кастилье будем,
Оплачу все ваши траты.
Как по Франции поедем,
По дорогам стану грабить.

Пусть попробуют французы
Протори с меня взыскать!».
Так, к привалу от привала,
В город Рим пришли испанцы.
Слез с коня король на землю
И целует руку папе,
А за ним целует свита,
Как дон Санчо приказал ей.
Одному лишь Сиду это
Оказалось не по нраву.
Вот в собор Петра Святого
Дон Родриго входит храбро.
Там уже стоят семь тронов
Для монархов христианских.
Видит Сид, что трон французский —
Выше всех и подле папы,
Что одной ступенькой ниже
Трон Испании поставлен.
Сид хватает трон француза,
Бьет его ногой с размаху.
Это кресло золотое
Разломав одним ударом,
И возносит выше прочих
Трон того, чей он вассал.
Тут сказал какой-то герцог, —
Он Савойей, вроде, правил:
«Будь же проклят ты, Родриго,
Отлучен от церкви папой,
Ты, которым обесчещен
Самый славный из монархов».
Услыхав такие речи,
Сид ему ответил сразу:
«Королей оставим, герцог,
Велики они и славны;
Мы же сами спор покончим,

Как вассалам подобает».
И, приблизясь, оплеуху
Герцогу с размаху дал он,
Тот же молвил: «Пусть с тобою
Счеты сводит сатана!».
Видя это, папа тут же
Сида отлучить собрался.
Но, едва узнав об этом,
Папе Сид ответил сразу:
«Папа, грех мой отпустите,
Или будет вам накладно,
Ибо я коню попону
Сделаю из ризы вашей».
Услыхав такие речи,
Папа Сиду молвил сразу:
«Этот грех тебе, Родриго,
Я охотно отпускаю.
Что б ты в кортесах ни сделал,
Я тебя прощу всегда».

Романс о предательстве Вельидо Дольфоса

«Не забудь, король дон Санчо:
Мы тебя предупредили,
Что из стен Саморы вышел
В лагерь твой предатель хитрый.
Это злой Вельидо Дольфос,
Отпрыск Дольфоса Вельидо.
Своего отца родного
Он убил и в реку кинул.
Если он свершит злодейство,
Мы в злодействе неповинны».
Услыхал изменник это,
Несказанно разъярился.

Прямо к ставке королевской
Едет он и говорит:
«Вам, сеньор, известно ныне,
Сколько приходилось видеть
Мне от Арьяса Гонсало
И его детей обиды.
Мне вредить готовы даже
В вашем лагере они,
Потому что в них пылала
Злоба к вам, король Кастильи,
Я ж советовал Урраке
Вашей воле покориться.
А теперь, когда узнали,
Что победа ваша близко,
Что в Самору вам удастся
Ходом потайным проникнуть,
Вам во вред они решили
Очернить меня пред вами.
Я же, став вассалом вашим,
Буду верно вам служить».
Говорит король довольный:
«Ход в Самору покажи нам,
И, когда в нее мы вступим,
Будешь нами возвеличен
Много больше, чем Гонсало,
Нынешний градоправитель».
Руку короля целуя,
Говорит изменник тихо:
«Чтоб саморцев не встревожить,
Вы со мной вдвоем идите,
И увидите воочью
То, о чем меня спросили:
Ту калитку потайную,
О которой сообщил я.
Перебить берусь я стражу

С сотней ваших пехотинцев,
Чтобы ваше войско в город
Беспрепятственно впустить».
Утром, только солнце встало,
Поскакал король с Вельидо, —
Первый на коне могучем,
А второй на кляче хилой, —
Прямо к ходу потайному
Без охраны и без свиты.
Вот король объехал город,
Вдоль стены к реке спустился
И с коня на землю спрыгнул,
Чтоб к калитке подойти.
Золоченый легкий дротик,
Всюду им с собой носимый,
Отдал он на сохраненье
Недостойному Вельидо,
Но ему вонзил предатель
Этот дротик под ключицу,
И копье к земле монарха,
Насмерть ранив, пригвоздило.
А изменник повернулся
И коня погнал к калитке.
«Ты зачем так быстро скачешь?» —
Закричал ему Родриго,
Граф Вивар, но не ответил
На его вопрос убийца.
Сид без шпор за ним помчался,
Гнал коня что было силы,
Но злодей успел укрыться
За стенами городскими,
Где Уррака повелела,
Чтобы Дольфоса схватили,
Чтобы до суда Гонсало
Содержал его в темнице.

Сид назад с проклятьем едет:
Не настигнут им Вельидо,
За которым он в погоню
Второпях без шпор пустился.
Видно, Сид еще не знает
О свершившемся убийстве,
Иначе от стен Саморы
Он назад не возвратился б
И за короля дон Санчо
Стал бы беспощадно мстить.

Романс о графах Каррион

Оба графа Карриона —
Братья Дьего и Фернандо —
Помышляют об измене,
Сида осрамить желают.
Просят жен поехать с ними
В их наследственные замки.
Сид, как тесть, на эту просьбу
Им дает свое согласье:
«Зла и срама не чините
Этим дочерям идальго,
Дочерям моим, которых
Вам, зятья, в супруги дал я».
И клянутся графы честно
Выполнять его наказ.
Вот уж братья в седла сели,
Сид зятьев сопровождает.
Вся дружина по дороге
За Кампеадором скачет.
По садам и тучным нивам
Рыцари, ликуя, мчатся.
Сид на протяженьи лиги
Каррионов провожает.
Но, с зятьями распростившись,

Слез сдержать не может, плачет,
Потому что сердцем чует
Их измену и коварство.
Альвар-Аньесу за ними
Ехать он повелевает.
Скачет Сид с дружиной к дому,
Братья-графы едут дальше.
С осторожностью великой
В лес они уже вступают,
Удаляясь от дороги
В глубь густой и темной чащи.
Отослав подальше челядь,
Остаются с глазу на глаз
С дочерьми Кампеадора
Графы Дьего и Фернандо.
Сходят с лошадей на землю
И уздечки с них снимают,
А графини, видя это,
Плачут горькими слезами.
Но мужья подходят к мулам,
Жен своих на землю ставят,
С них срывают всю одежду,
Раздирают их рубахи
И привязывают крепко
Обнаженных жен к дубам.
Каждый брат уздечкой конской
Бьет супругу без пощады,
Так что кровь по телу льется,
На траву ручьем стекает.
Но и этим не насытясь,
Графы жен в лесу бросают.
Прискакал племянник Сида,
Увидал сестер несчастных
И помчался вслед злодеям,
Но никак не смог нагнать их.

Альвар-Аньес возвратился,
Полный гнева и печали,
И сестер укрыл на время
В бедном доме землепашца.
А потом поехал к Сиду,
Дяде рассказал всю правду,
И его с большим отрядом
Тот за дочерьми отправил.
Сид на графов за бесчестье
Подал жалобу монарху,
И король все три сословья
Стал на кортесы сзывать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСПАНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС И СКАЗАНИЯ О СИДЕ

1

До недавнего времени испанский героический эпос раннего средневековья, представляющий собой одно из самых замечательных созданий испанского народа, был известен лишь узкому кругу специалистов. Как в русских, так и в западных общих обзорах средневековой литературы ему почти не уделялось внимания.[1] В лучшем случае дело сводилось к краткой характеристике «Песни о Сиде»,[2] которая обычно объявляется единственным дошедшим до нас (а иногда и просто «единственным») памятником испанского эпоса.

В дореволюционную эпоху испанский эпос обычно не освещался даже в тех наших университетских курсах, которые были специально посвящены средневековью и, следовательно, допускали широкий охват материала.[3] Редким исключением была работа В. Ф. Лазурского,[4]

[1] В общих курсах Н. Стороженко (Очерк истории западноевропейской литературы. 1908), Ф. де Ла-Барта (Беседы по истории всеобщей литературы. Изд. 2-е, 1914), П. Когана (Очерки по истории западноевропейской литературы, т. 1. Изд. 8-е, 1923), А. В. Луначарского (История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах, т. 1. 1924), В. Фриче (Очерк развития западных литератур. Изд. 4-е, 1930) — об испанском эпосе совсем не упоминается.

[2] В последующем тексте неоднократно повторяющееся наименование поэмы дается сокращенно — «П. о С.».

[3] Так, например, испанский эпос совершенно отсутствует в изданных на правах рукописи курсах И. В. Шаровольского (История западноевропейской литературы. Средние века. Киев, 1910) и А. Л. Погодина (Записки по истории западноевропейских литератур. Харьков, 1916).

[4] Курс истории западноевропейской литературы, ч. 1-я. Средневековая литература. Одесса, 1913.

где поэме и романсам о Сиде посвящена небольшая глава, переполненная, однако, грубыми ошибками (романсы объявлялись первоначальной формой испанского эпоса, из которой будто бы позже возникли поэмы, характеристика романсов была основана на гердеровской обработке их в переводе Жуковского, и т. д.).

Очень неплохую для своего времени, но сейчас, конечно, чрезвычайно устаревшую главу об испанском эпосе, в которой подробно разбираются обе поэмы о Сиде, содержит вышедшая в 1882 г. (под ред. В. Корша и А. Кирпичникова) «Всеобщая история литературы» (т. II).

Из важнейших руководств, изданных уже в советское время, удачную, хотя и чрезмерно краткую характеристику поэмы о Сиде можно найти в курсе А. Гвоздева.[1] Гораздо более обстоятельно трактуется эта тема в курсе средневековой и ренессансной литературы под ред. В. М. Жирмунского.[2]

На русском языке существует только одна специальная работа, посвященная «П. о С.», — «Испанский народный эпос о Сиде» Ф. И. Буслаева,[3] так как статью П. Грановского «Испанский эпос»,[4] представляющую собой лишь резюме некоторых западноевропейских трудов о Сиде (главным образом работы Дози), — специальным исследованием признать никак нельзя. Для полноты картины можно еще упомянуть о статье автора этих строк об испанском эпосе, положенной в основу данного очерка.[5] А. Н. Веселовский в своих многочисленных работах по средневековью эпической поэзии тоже крайне редко обращается к испанскому материалу.

Если прибавить к перечисленному соответствующие главы переведенных обзоров испанской литературы Тикнора и Фицмориса-Келли

---

[1] А. Гвоздев. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение. 1935.

[2] История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Под общей редакцией В. М. Жирмунского. 1947.

[3] Приложение к тому V «Записок имп. Академии наук» (№ 6, СПб., 1864).

[4] П. Грановский, Собр. соч., т. II, изд. 3-е, М., 1892.

[5] А. Смирнов. Испанский народный эпос «Поэма о Сиде». В сборнике: Культура Испании. Изд. АН СССР, 1940, стр. 119—148.

да несколько небольших статей о Сиде в энциклопедиях, то этим исчерпывается все, что можно найти на русском языке об испанском эпосе.

Не лучше обстоит дело с переводами на русский язык самих произведений. Романсы известны нам по переводам Жуковского, причем не с подлинника, а с немецкой переработки их Гердером, а «Песнь (или, как ее раньше нередко называли, Поэма) о Сиде» полностью была переведена и издана только один раз.[1] К тому же перевод этот совершенно неудовлетворителен, выполнен прозой, и притом не с оригинала, а с французского перевода поэмы, сделанного Дамас-Инаром. Испещренный смысловыми ошибками и неточностями, он не дает никакого представления о художественной выразительности подлинника.

Недостаточное внимание уделяется испанскому эпосу и в западноевропейских общих обзорах средневековой литературы.[2]

Причиною такого равнодушия к испанскому эпосу является отчасти общая недооценка испанской литературы, которую во все ее периоды, кроме «золотого века», большинство исследователей склонно было считать отсталой и подражательной. Это особенно относится к ранней средневековой литературе Испании: ее целиком — в том числе и героический эпос — часто рассматривают лишь под знаком сильнейших французских влияний. Недооценка испанского эпоса объясняется еще и тем, что он во всем своем богатстве и разнообразии был открыт в сравнительно недавнее время и западные литературоведы, кроме небольшого круга испанистов, до сих пор еще не вполне его освоили и не сделали всех тех выводов, какие следует сделать из этого оригинального художественного материала.

---

[1] В «Русской классной библиотеке» под ред. А. Н. Чудинова, серия вторая, вып. V. «Поэма и избранные романсы о Сиде», 1897. Кроме того, отрывки «П. о С.» в переводе Б. Ярхо напечатаны в хрестоматии «Литература средних веков» (состав. Б. И. Пуришев и Р. Шор, 1953). Более подробную характеристику переводов см. в Приложении 2.

[2] Для примера можно указать хотя бы на монументальный «Handbuch der Literar-Wissenschaft» под ред. O. Walzel, где в разделе «Die romanischen Literaturen des Mittelalters», написанном L. Olschki, испанскому эпосу уделено каких-нибудь 6—7 страниц, причем рассмотрена по-настоящему только «Песнь о Сиде», а большинство других памятников совершенно не упомянуто.

Лет восемьдесят тому назад из старого испанского эпоса были известны лишь две поэмы о Сиде — хорошо всем знакомая «П. о С.», написанная около 1140 г., и «Родриго» (иначе называемая «Юношескими подвигами Сида» или «Рифмованной хроникой о Сиде»), датировка которой в те времена была весьма проблематичной, колеблясь между XII и XIV в., — да еще возникшая в середине XIII в. поэма о Фернан-Гонсалесе. Последняя настолько отличается от героического эпоса типа «П. о С.» разработанностью стиля и метрикой, что исследователи склонны были рассматривать ее как позднее, ретроспективное (события поэмы относятся к X в.) произведение ученого клирика, не имеющее ничего общего с народным эпосом. Что же касается поэм о Сиде, то, оставляя в стороне сомнительного по своему составу и датировке «Родриго», общность версификации, целого ряда черт стиля и многих мелких мотивов в «Сиде» и во французских chansons de geste навело некоторых исследователей на мысль, что «П. о С.» есть не что иное, как единичная, весьма наивная и неумелая («метрические искажения») попытка некоего испанского хуглара (жонглера) искусственно создать испанскую национальную эпопею по образцу французских героических поэм, без сомнения хорошо известных за Пиренеями благодаря сильнейшему культурному влиянию Франции на северную Испанию. Из этого крупнейший медиевист XIX в. Г. Парис сделал сформулированный некоторыми медиевистами уже раньше и еще долго затем повторявшийся многими другими исследователями вывод: «Испания не имела своего национального эпоса».[1]

Однако довольно скоро после появления работ Ф. Вольфа и Г. Париса существование испанского национального эпоса было точно доказано. Не было, правда, открыто новых эпических текстов (кроме фрагмента малозначительного «Ронсеваля»), но были найдены столь явные следы ряда «песен» (поэм), что оказалось возможным восстановить их содержание, общий характер стиля, в отдельных случаях — ряд последовательных переработок и т. п.

---

[1] Ferdinand Wolf. Ueber die Romanzenpoesie der Spanier. В книге: Studien zur Geschichte der spanischen und portugiesischen Nationalliteratur. 1859; G. Paris. Histoire poétique de Charlemagne. 1865.

Пионером в этой области явился Мила́-и-Фонтанальс, который в своей работе «De la poesía Heróico-popular castellana» (1874) обратил внимание на то, что в старых испанских хрониках XIII—XIV вв. в обычное для них сухое, деловое повествование время от времени вторгаются большие отрывки поэтически-образного характера, иногда даже с явно сохранившимися ассонансами. Это не что иное, как куски сокращенных или пересказанных героических поэм, которые составители хроник, — как правило, «прозифицируя», иногда сохраняя при этом даже их метрическую форму, — включали в свой рассказ как вполне достоверные исторические предания.

Известно, как опасно стремление предполагать всегда, что в основе поэтических по тону сказаний, встречающихся в хрониках, обязательно лежат эпические песни или поэмы. В частности, А. Н. Веселовский всегда предостерегал против чрезмерных увлечений на этом пути (П. Райна, Г. Кюрт). Но в данном случае сомнения устраняются наличием в хрониках огромного количества ассонансов и строк, принадлежащих к метрической системе испанского эпоса. Дополнительным доводом может служить и то, что сюжеты всех трех дошедших до нас поэм «прозифицированы» в хрониках XII—XIV вв., пользовавшихся если и не теми самыми редакциями, в которых эти поэмы до нас дошли, то во всяком случае такими, которые генетически с ними явно связаны.

Реконструкции Мила́-и-Фонтанальса еще очень гадательны и несовершенны. Но его работа была продолжена (и продолжается сейчас) рядом испанских исследователей, во главе которых стоит крупнейший из современных испанских филологов, Рамон Менендес Пидаль. Точность метода, огромная эрудиция и выдающаяся научная интуиция позволили ему не только реставрировать сотни стихов утраченных поэм, но и установить последовательную смену их редакций, использовав то обстоятельство, что более поздние хроники не всегда воспроизводят автоматически «прозификацию» поэм из более ранних хроник, но нередко заменяют или дополняют выдержки из старых редакций поэм отрывками из более новых их редакций.[1]

[1] Наиболее значительными работами Менендеса Пидаля в этой области являются: трехтомное издание «Cantar de Mio Cid. Texto, gramática y vocabulario»

В результате этих реконструкций перед нами, кроме частично или полностью сохранившихся четырех поэм, ясно встают очертания по меньшей мере еще десяти поэм, что составляет уже довольно внушительное число, особенно если принять во внимание, что каждая из этих поэм подвергалась ряду последовательных переработок.

Прежде всего нужно заметить, что поэмы эти нашли отражение преимущественно в хрониках, составлявшихся начиная с XIII в. при дворе кастильских королей. Совершенно естественно, что хроники использовали именно кастильские героические поэмы. В связи с тем, что все сохранившиеся тексты поэм написаны на кастильском диалекте, очень многие испанские исследователи, и в том числе Менендес Пидаль, делают поистине удивительный вывод, что из всех областей Испании создать свой национальный эпос дано было только Кастилии! На самом деле, конечно, эпические песни и поэмы, подобные кастильским, существовали и у леонцев, астурийцев, наваррцев и др., так же как развивавшаяся впоследствии поэзия романсов разрабатывалась во всех областях Испании. В старом эпосе астурийцев, леонцев и т. д. иногда, без сомнения, воспевались свои, местные герои, а в других случаях могли разрабатываться те же самые сюжеты, что и в кастильском эпосе, если они имели общенациональное значение или отражали конфликты между кастильскими графами и властителями соответствующих областей, причем в таких случаях освещение этих конфликтов могло быть «антикастильским» или, вообще говоря, иным, чем в «кастильском» эпосе. Но все эти «некастильские» эпические па-

(Madrid, 1908—1911) и монументальное исследование «La España del Cid» (2 tt., Madrid, 1929). Кроме того, его перу принадлежат два общих очерка развития испанского эпоса: «L'épopée Castillane» (1910) и «Losjuglares y la poesia juglaresca» (1924). Ни тот, ни другой не дают, впрочем, полной картины литературного процесса в целом, так как в первой работе автор ограничивается почти исключительно материалом, относящимся к Сиду, а второй содержит лишь внешнюю историю отдельных поэм и их последовательных редакций, как они отразились в хрониках, совершенно не затрагивая литературной истории сюжетов и их идейного содержания. Не следует смешивать этого исследователя с его однофамильцем Хуаном Менендесом Пидалем, автором ценной монографии на частную тему из истории испанского эпоса: Leyendas del Ultimo Rey godo. Изд. 2-е, Madrid, 1906.

мятники бесследно пропали для нас по той причине, что в XIII в., к которому относятся первые дошедшие до нас записи памятников испанского эпоса, литературное первенство Кастилии уже вполне определилось, а также потому, что, начиная с этого времени, мы не находим более в других областях Испании официозной историографии, в которой могли бы отразиться местные эпические произведения.

Но и оставаясь в пределах собственно кастильского материала, следует помнить, что в хроники попали почти исключительно те поэмы, в которых изображались судьбы графов, а затем королей Кастилии, или же события, имевшие крупное, общегосударственное значение. Счастливой случайностью является то, например, что в «Первую Всеобщую хронику» 1289 г., а также в некоторые позднейшие хроники была включена песнь о «Семи инфантах Лары», в которой изображены рядовые феодальные сеньоры Кастилии. По этой причине поэма и не была использована в более старой «Нáхерской хронике» (около 1160 г.), содержащей очень богатый эпический материал. И сколько других прекрасных поэм, подобных «Семи инфантам Лары», пропало для нас только потому, что им не посчастливилось попасть в хроники, подобно тому десятку реконструированных новейшими учеными поэм, о самом существовании которых мы без этого даже не догадались бы по причине утраты всяких других указаний на них!

Если учесть все это, мы должны предположить существование не пятнадцати так или иначе доступных нам поэм-песен, а многих десятков или даже сотен их. Но и те немногие образцы, которыми мы располагаем, дают возможность составить некоторое представление о богатстве и своеобразии народного испанского эпоса.

2

Рассмотрим цикл эпических песен, изображающих события X в. В это время в Испании сложилась следующая политическая ситуация. Христианским государствам принадлежала только довольно узкая (особенно на востоке) полоса в северной части страны. Дело реконкисты сильно тормозилось упорной борьбой за политическую гегемонию, которая велась главным образом между Леоном (подчинившим себе Астурию и Галисию), Наваррой, графством Барселонским и

Кастилией, добивавшейся политической независимости от Леона. Междоусобные распри между правителями и отдельными феодалами приводили нередко к тому, что борющиеся стороны искали в союзных отношениях с маврами помощи друг против друга. Их раздорами искусно пользовался во второй половине века даровитый хаджиб (первый министр или везир) кордовского халифа Альмансора, в основном остановивший наступление испанцев и доходивший в своих удачных набегах до Леона и Барселоны.

Самая знаменитая из относящихся к этому времени песен — бесспорно песнь о «Семи инфантах Лары».[1] Содержание ее сводится к следующему.

На свадьбу Руй Веласкеса с доньей Ламброй, родственницей графа Кастилии, явилась, в числе других приглашенных, сестра новобрачного донья Санча со своим мужем Гонсало Густиосом и семью сыновьями, инфантами Лары. Самый младший и самый горячий из них, Гонсало Гонсалес, во время рыцарских игр повздорил с одним дворянином, любимцем доньи Ламбры, и, не стерпев обиды, убил его на месте. Донья Ламбра почувствовала себя тяжело оскорбленной этим и потребовала, чтобы муж отомстил за нее. Руй Веласкес ударил юношу, тот хотел ответить ударом, и только благодаря вмешательству Гонсало Густиоса удалось уладить дело миром путем уплаты пени. Но донья Ламбра затаила в душе злобу на племянников мужа. Вскоре после этого случилось, что Гонсало Гонсалес отправился на реку купать коня и, думая, что никто его не видит, снял с себя верхнюю одежду, оставшись в одном белье. Донья Ламбра увидела его с вышки своего замка и объявила, что молодой Гонсало пытается снова ее оскорбить, появляясь перед ней раздетым. Она приказала одному из своих слуг взять тыкву, наполненную кровью, и бросить ее в Гонсало Гонсалеса, чтобы забрызгать его кровью (это считалось одним из

[1] Инфантами в средние века назывались не только королевские дети, но и вообще молодые люди из знатных фамилий. В первоначальной редакции поэмы юноши эти назывались инфантами Саласа, по имени города в Северной Кастилии, которым владел их род, и только в обработке XV в. было подставлено название округа Лара, к которому принадлежал город Салас. Мы сохраняем здесь традиционное название — инфанты Лары.

особенно тяжких оскорблений). Слуга выполнил поручение и, спасаясь от гнева юноши, побежал к своей госпоже и спрятался у нее под плащом. Но Гонсало Гонсалес с братьями вытащили его из-под плаща доньи Ламбры, — что считалось также личным оскорблением, — и убил у нее на глазах. На этот раз Руй Веласкес лишь притворно помирился со своими племянниками. На самом же деле он задумал жестокую месть ради удовлетворения чести своей жены.

Руй Веласкес попросил Гонсало Густиоса отвезти письмо в Кордову к его другу Альмансору, уверяя, что за это он получит от Альмансора щедрую награду. На самом же деле в этом письме он просил Альмансора, чтобы тот немедленно убил Гонсало Густиоса, а затем выслал вооруженный отряд на границу, где ему представится случай уничтожить всех семерых сыновей Гонсало Густиоса. Альмансор, однако, пожалел Гонсало Густиоса и ограничился тем, что заключил его в темницу. Через некоторое время после отъезда Гонсало Густиоса Руй Веласкес предложил его сыновьям совместно совершить набег на землю мавров. Они охотно собрались в поход. Когда старый их воспитатель, заметив при выезде дурные предзнаменования, стал отговаривать их от задуманного предприятия, они рассердились и с насмешкой предложили ему одному вернуться домой. Он хотел было так и сделать, но затем решил лучше погибнуть со своими питомцами, чем покинуть их в беде. Когда инфанты доехали до границы, они были внезапно окружены маврами и поняли, что Руй Веласкес их предал. Они сражались так доблестно, что мавры никак не могли их одолеть, но под конец, сломленные усталостью, не в силах были продолжать бой. Восхищенные мужеством инфантов, мавританские военачальники хотели их пощадить, но Руй Веласкес, находившийся поблизости, пригрозил, что они будут наказаны Альмансором за такое ослушание. Тогда, отрубив головы всем семерым юношам и их воспитателю, они положили их в мешок и отвезли к Альмансору.

С этими кровавыми трофеями Альмансор вошел в темницу, где был заключен Гонсало Густиос. «Ты пришел, чтобы освободить меня?» — спросил узник. «Да, — отвечал Альмансор, — но сначала я должен передать тебе одну печальную новость», — и показал ему головы сыновей. Гонсало Густиос стал по очереди брать их одну за

другою в руки и оплакивать доблесть и достоинства каждого из сыновей. Проникшись глубокой жалостью к несчастному отцу, Альмансор вышел и послал к нему свою молодую, еще незамужнюю сестру, чтобы та попыталась его утешить. Прекрасная мавританка стала убеждать пленника, что хотя сам он уже и не имеет сил, чтобы отомстить злодеям, погубившим его сыновей, все же он не настолько стар, чтоб не иметь возможности родить сына, который станет впоследствии мстителем. «Да! — воскликнул Гонсало Густиос. — И ты дашь мне этого сына!». Он сделал ее своей наложницей. Вскоре затем Альмансор отпустил Гонсало Густиоса на свободу. Перед уходом тот условился с мавританкой, что если у нее родится от него сын, то, когда мальчик подрастет, она отошлет его к отцу. Гонсало Густиос разрубил кольцо и половинку его взял себе, а другую оставил мавританке, чтобы та передала ее сыну: по этой половинке он, Гонсало, узнает своего сына, когда тот придет к нему.

После того как донья Санча узнала от вернувшегося мужа о постигшем их несчастье, они провели много лет, оплакивая своих сыновей. Чтобы лишить обиженного им врага средств отомстить ему, Руй Веласкес захватил не только все вверенные ему лично графом Кастилии замки, но и земли Гонсало Густиоса, и стал так силен, что мог теперь никого не бояться. Несчастные старики жили в большой бедности, причем Гонсало Густиос от беспрерывных слез в конце концов ослеп. Тем временем сын, родившийся у него от мавританки и получивший имя Мударра, подрос и отправился разыскивать своего отца. Накануне его прихода донье Санче приснилось, что перед ней лежит мертвый Руй Веласкес, и она, припав к трупу, пьет его кровь. Появление Мударры сопровождается двойным чудом: две половинки кольца спаиваются между собой, и Гонсало Густиос прозревает. Он все же опасается того, как отнесется жена к его супружеской измене, но она заявляет, что была бы довольна, если бы для подобной цели он семь раз совершил подобный «грех», и усыновляет Мударру.

Мударра со своей дружиной берет замок Руй Веласкеса и самого его, раненого, захватывает в плен. Донья Санча кидается к предателю, чтобы, как во сне, напиться его крови, но Мударра удерживает ее, умоляя «не осквернять своих чистых уст такой низкой кровью», и

предает Руй Веласкеса мучительной казни. Что касается доньи Ламбры, то родство с графом Кастилии временно служит ей охраной, но после смерти графа Мударра сжигает ее на костре.

Нет возможности установить, в какой мере в основе этой песни лежат действительные события, но имена некоторых ее персонажей встречаются в кастильских грамотах X в. Точно так же нравы и воззрения действующих лиц поэмы характерны для периода раннего феодализма с сильнейшими пережитками обычаев и символики родового строя. На X в. или, самое позднее, на начало XI в. указывает и известная терпимость по отношению к маврам, ставшая невозможной ко времени выступления Сида, как носителя идеи реконкисты. Весьма вероятно поэтому, что первая редакция поэмы возникла еще в конце X или начале XI в. на основе, по-видимому, какого-то реального происшествия.

Вторая песнь этого цикла — песнь о графе Фернане Гонсалесе — переносит нас в атмосферу политической борьбы Кастилии и Леона. В 923 г. королевство Астурия превратилось в королевство Леон, из которого вскоре выделилось подчиненное ему графство Кастилия. Графы Кастилии должны были, в качестве вассалов королей Леона, являться к ним и отчитываться в своих действиях, причем за малейшее ослушание они подвергались суровой расправе. Всем кастильцам приходилось отправляться со своими тяжбами в Леон, где дела их разбирали местные судьи, восседавшие у входа в леонский собор. Подчинение леонской монархии, сильнейшим образом проникнутой теократическим началом и восходившей своими корнями к вестготской аристократии, претило вольнолюбивому кастильскому мелкому рыцарству и городскому сословию, которым и удалось, наконец, добиться учреждения своего собственного кастильского суда. Вскоре после этого Кастилия стала политически совсем автономной, в значительной степени благодаря дарованиям и усилиям графа Фернана Гонсалеса (932—970), который подчинил себе всех других кастильских графов и расширил пределы Кастилии к югу за счет мавританских владений.

Кастильцы сожгли в церкви Бургоса все найденные ими списки вестготских законов, действовавших в Леоне, и ввели свои собственные, значительно более демократические. Рабство было смягчено,

а затем и вовсе упразднено, города получили ряд новых привилегий, а права рыцарства были распространены на всех, кто сражался на коне, даже если он и не был знатного происхождения.

Хотя сохранившийся текст песни о Фернане Гонсалесе относится к середине XIII в. и принадлежит он перу ученого монаха из монастыря Сан Педро де Арланса, где Фернан Гонсалес был похоронен, несомненно, что существовали гораздо более ранние, хугларские — иначе говоря, народные — редакции песен о нем. Одна из них была использована уже в Нáхерской хронике (около 1160 г.). И здесь и в песни Фернан Гонсалес изображается как неутомимый боец, не дающий покоя ни себе, ни своей дружине, без устали воюющий то с Альмансором, то с королем Наварры, то с графом Тулузским.

В песни сначала описываются войны Фернана Гонсалеса с маврами, доставившие ему большую славу. О борьбе за независимость Кастилии в ней рассказывается следующее.

Король Леона Санчо Ордоньес призывает Гонсалеса к себе. Последний не может ослушаться, хотя и «тягостно ему целовать руку короля». Он приезжает ко двору на великолепном арабском жеребце, отнятом им у Альмансора, и с кречетом, лучше которого не найти в Кастилии. Король восхищается конем и кречетом, и граф готов их подарить, но король хочет непременно купить их. Граф соглашается, но ставит условие: король должен уплатить назначенную цену в определенный срок, причем за каждый просроченный день она удваивается. Король берет коня и кречета и вскоре забывает о легкомысленно данном обещании.

После этого Фернан Гонсалес хочет уже ехать домой, но королева подстраивает ему западню, желая отомстить за своего брата, короля Наварры, которого граф убил. Она предлагает Гонсалесу в жены свою племянницу, наваррскую принцессу донью Санчу. Граф соглашается и идет в Наварру, но там его хватают и сажают в тюрьму. Однако донья Санча, наслышавшись о доблести Фернана Гонсалеса, тайно проникает к нему в темницу и, после того как он дает ей обещание жениться на ней, путем хитрости выводит его на свободу, еще закованного в цепи, и они бегут в Кастилию. По дороге они встречают священника, который, соблазнившись красотой доньи Санчи, хочет

обесчестить ее, угрожая в случае сопротивления выдать их. Граф убивает его. Встретив затем вооруженный отряд, они сначала пугаются, но вскоре выясняется, что это кастильцы, двинувшиеся в Наварру, чтобы освободить своего графа. Они везут с собой каменную статую его и дали клятву не отступать в бою ни на шаг, если только не отступит сама статуя. Графа освобождают от оков, и он весело празднует свою свадьбу с доньей Санчей.

Через некоторое время король Леона снова требует к себе Фернана Гонсалеса, и как только тот, весьма неохотно, является, его сажают в тюрьму. Однако верная жена графа снова освобождает его; пробравшись в темницу под видом паломника, она обменивается с графом одеждой, и тот беспрепятственно выходит на свободу, после чего королю приходится отпустить на волю и донью Санчу. Возвратившись домой, разгневанный Фернан Гонсалес шлет королю требование уплатить за коня и за кречета, но тот отказывается сделать это. Тогда граф вторгается в королевство Леон, предавая все огню и мечу. Чтобы прекратить кровопролитие, прелаты королевства устраивают встречу обоих противников. После бурных пререканий король признается, что не в состоянии уплатить свой долг, достигший к тому времени баснословной суммы. В виде компенсации он вынужден согласиться на предоставление Кастилии полной независимости.

Если в этой песни вся политическая обстановка (распря Фернана Гонсалеса с королем Леона, пленение его наваррцами, брак с наваррской принцессой и т. п.) соответствует исторической действительности, которая лишь новеллистически в ней разукрашена,[1] то следующая песнь этой группы, посвященная Гарси Фернандесу, сыну Фернана

[1] По остроумному предположению Менендеса Пидаля (L'épopée castillane, стр. 54), историчен, быть может, также и эпизод с продажей коня и кречета (осложненный мотивом последовательного удвоения суммы, явно заимствованным из восточного сказания об изобретении шахматной доски). Дарственные акты в те времена обязательно должны были иметь форму обмена: лицо, получавшее в дар землю или другую крупную ценность, как бы в обмен «дарило» дарителю какой-нибудь недорогой предмет — плащ, пару перчаток, коня, кречета и т. п. Возможно, что конь и кречет эпического сказания восходят к такому символическому «дару» в обмен на свободу Кастилии, предоставленную путем добровольного соглашения, а легенда по-своему истолковала эти образы.

Гонсалеса, в основном является плодом поэтического вымысла. Она состоит из двух частей, из которых вторая, несомненно древнейшая, нашла отражение еще в Нáхерской хронике, тогда как первая, присоединенная позже, была прозифицирована только в хронике XIII в.

В первой части песни рассказывается следующее. Граф Гарси Фернандес был статным и пригожим рыцарем, но главной его особенностью были необычайно красивые руки. Часто, чтобы не вводить в искушение жен своих вассалов и друзей, он надевал на руки перчатки. Однажды через Кастилию, совершая паломничество к Сант-Яго, проезжал французский граф с красавицей дочкой Аржентиной. Гарси Фернандес влюбился в девушку и женился на ней. Через шесть лет бездетного брака, когда однажды Гарси Фернандес лежал больной, другой заезжий французский граф соблазнил Аржентину, и она с ним бежала во Францию.

Выздоровев, Гарси Фернандес отправился под видом паломника в Санта-Мария де Рокамадур (на юге Франции), где находились владения французского графа, чтобы разыскать прелюбодея и отомстить ему. Там Гарси Фернандес познакомился с его дочерью от первого брака доньей Санчей, которая очень страдала от дурного обращения с нею отца и мачехи. Пленив ее своей красотой и благородным характером, пообещав на ней жениться, Гарси Фернандес с ее помощью убил обоих прелюбодеев и, увезя с собой их отрубленные головы, возвратился с доньей Санчей в Кастилию, где и женился на ней. От этого брака у него родились сын и дочь.

Во второй части песни повествуется о том, как после долгих лет счастливого брака донья Санча разлюбила своего мужа и, вознамерившись выйти замуж за Альмансора, решила для этого извести Гарси Фернандеса. В те времена набеги мавров были столь часты и внезапны, что кастильские рыцари держали своих коней в том же помещении, где спали сами, и их жены ухаживали за скакунами. Донья Санча стала кормить коня своего мужа, вместо овса, отрубями, вследствие чего, не худея с виду, он весьма ослабел. Когда подошло рождество, она уговорила мужа отпустить своих вассалов по домам, будто бы для того, чтобы они встретили праздник в своей семье, а сама дала знать об этом Альмансору, который в день рождества

выслал отборный отряд, чтобы разграбить земли графа. Гарси Фернандес с немногими оставшимися с ним рыцарями выехал против него в бой, но конь графа плохо скакал; он попал к маврам в плен и вскоре там умер.

Альмансор разорил всю Кастилию. Новый граф Кастилии, Санчо Гарсиа, сын Гарси Фернандеса и доньи Санчи, был вынужден просить мира и предложил Альмансору в жены свою сестру. Считая, что сын является помехой к браку ее с Альмансором, донья Санча решила его отравить. Однако рабыня-мавританка выдала молодому графу ее замысел, и когда мать предложила сыну отравленный кубок, он заставил ее самое выпить смертельный напиток. После этого Санчо Гарсиа выехал на бой с Альмансором, обратил его в бегство и, догнав, убил.

Вторая часть поэмы представляет собою, как это убедительно показал Менендес Пидаль,[1] поэтическое преломление исторических отношений конца X в. Жена графа Гарси Фернандеса, по имени Аба, была родом из Рибагорсы (на крайнем севере Испании) и происходила из семьи графов Тулузских, т. е. была «француженкой» (точнее, как мы теперь сказали бы, провансалкой). Как иностранка, она, по-видимому, была нелюбима в Кастилии. Весьма вероятно, что, следуя тактике властителей северо-востока Испании, в частности графов Тулузских, имевших там тоже владения, она была сторонницей политики уступок и компромиссов по отношению к маврам. В 994 г. Альмансор спровоцировал восстание Санчо, сына Гарси Фернандеса, против отца как раз в тот момент, когда последний располагал очень небольшим числом рыцарей. Похоже на то, что и Аба участвовала в этом заговоре. Гарси Фернандесу пришлось одновременно бороться и с сыном и с вторгшимися в Кастилию маврами. В 995 г. он потерпел тяжелое поражение, попал в плен к маврам и вскоре умер. Сын его Санчо продолжал борьбу с Альмансором, но был разбит им в 1000 г. В 1002 г., во время своего последнего похода в Кастилию, Альмансор тяжело заболел и умер во время отступления.

Для любовных или брачных эпизодов, связанных с Альмансором, также имелись исторические основания. Альмансор был известен своей

[1] Realismo de la epopeya espanola. Humanidades, t. XXI, Buenos Ayres, 1930.

склонностью постоянно пополнять свой гарем и притом унижать испанских властителей требованием отдачи ему в жены их сестер или дочерей. В 980 г. побежденный им король Наварры Санчо Гарсес предложил ему в жены свою дочь, на что Альмансор охотно согласился; равным образом, в 933 г. разбитый Альмансором король Леона Фернандо II отдал ему в рабыни свою дочь, которой Альмансор вскоре даровал свободу, чтобы жениться на ней.

Мы видим, что историческая действительность и здесь дала все элементы, которые, поэтически преломившись, образовали сюжет этой своеобразной поэмы. Конечно, эпизод с отравлением, сильно напоминающий историю Розамунды, сирийской царицы Клеопатры, и некоторые другие детали, — новеллистического происхождения, как и вся первая часть поэмы, дублирующая мотив брака графа Кастилии с изменницей-француженкой.

События начала XI в. также отразились в ряде песен. Наиболее характерна из них песнь о последнем графе Кастилии, инфанте Гарсия (1017—1029). Герой ее едет в Леон, чтобы жениться там на дочери короля, донье Санче. В то время как все его рыцари отправились за город на воинские игры и он остался во дворце невесты один, граф Вела, его крестный отец, находившийся с ним в жестокой ссоре, нападает на инфанта со своими сыновьями и убивает его. Король Наварры Санчо Великий, родственник убитого, мстя за него, вторгается в Леон, карает убийц, а на невесте Гарсии женит своего сына Фернандо, становящегося графом Кастилии.[1]

3

Прежде чем обратиться к важнейшему и наиболее популярному из всего испанского эпоса циклу сказаний о Сиде, коснемся кратко двух тоже очень известных эпических сюжетов, несколько раз упоминаемых в «Дон Кихоте». Хотя обработаны поэтически эти сюжеты были позже сказаний о Сиде, т. е. лишь в XII и даже XIII в., они пред-

[1] Добавим (так как это понадобится нам в дальнейшем), что вскоре затем Фернандо получил титул короля Кастилии, а потом, после смерти короля Леона, в силу прав своей жены, объединил оба королевства под своей властью.

ставляют собой позднее поэтическое осмысление событий, связанных в воображении певцов с очень древними временами.

Первый из них тесно связан с французско-испанскими политическими и литературными отношениями. Ввиду культурной близости обеих стран, начиная с XI в. (к чему мы вернемся еще ниже), в Испании не могли не быть известны героические поэмы, распевавшиеся бродячими французскими жонглерами. Не обошлось дело и без подражаний со стороны испанских хугларов. Правда, до нас дошел лишь один фрагмент поэмы «Ронсеваль» (начала XIII в.), представляющий собою довольно свободную обработку одной из версий «Песни о Роланде». Несомненно, однако, что существовали и другие отражения французских героических поэм, распространявшихся хотя бы жонглерами, направлявшимися вместе с французскими паломниками в Сант-Яго. Одновременно с усвоением испанской литературой образцов французского эпоса, о чем свидетельствует поэма «Ронсеваль», в испанском народе по причинам, которых мы коснемся ниже,[1] стала назревать и оппозиция ко всему французскому. Очень ярко она проявилась в сказании о Бернардо дель Карпио.

Основной персонаж двух поэм XII или XIII в. (реконструированных также на основании намеков на них и «прозификации» в хрониках) — Бернардо дель Карпио является единственным героем испанского эпоса, для которого не найден конкретный исторический прототип. Возможно, что основой для его образа послужил герой какой-то не дошедшей до нас французской поэмы, существенно переосмысленный испанскими певцами. В ранней поэме о Бернардо дель Карпио сообщается, что он — сын сестры Карла Великого, доньи Тибер, и испанца, графа де Сальданья, с которым она слюбилась во время паломничества в Сант-Яго. Возмужав, Бернардо едет ко двору французского короля, который не признает его своим родственником, пока Бернардо не доказывает это своими подвигами. Во второй, более поздней поэме герой изображен уже сыном Химены, сестры короля Астурии, Альфонса II Целомудренного (царствовавшего с 791 по 842 г.). Возмущенный ее тайной любовной связью с графом де Сальданья

[1] См. стр. 200.

Альфонс заточает сестру в монастырь, графа сажает в темницу, а их маленького сына берет к себе на воспитание. Возмужав, Бернардо узнает о своем происхождении и требует от короля Альфонса вассальной покорности. В решительной битве при Ронсевале, где испанцы в союзе с маврами сражаются с французами, Бернардо спасает королю жизнь и своими подвигами способствует поражению французов. Король Астурии умирает, но его преемник, Альфонс III, также отказывает Бернардо в освобождении графа де Сальданья. Тогда Бернардо удаляется в свой замок и, в качестве мятежного вассала, отвергает власть короля и грабит всю страну. Испуганный его набегами король соглашается исполнить его требование. Бернардо является в назначенное место. Навстречу ему выезжает закованный в железо рыцарь, коня которого ведут под уздцы: это его отец. Бернардо хватает рыцаря за руку и убеждается, что перед ним мертвец, посаженный на коня.

В этой второй поэме, пользовавшейся большой популярностью, проявились две тенденции, которые выступают и в «Родриго»: враждебность французам и мятежный протест против власти слабого и вероломного короля.

Не вполне ясно происхождение сложившейся, вероятно в XI или XII в., поэмы «Король Родриго и гибель Испании». Сюжет ее сводится к следующему. В Толедо (столице вестготских королей) был заколдованный дворец, называвшийся «Домом Геркулеса», куда доступ был запрещен всем, даже королям Испании. Родриго, последний готский король Испании, нарушил этот запрет. Он вошел во дворец и обнаружил там сундук, в котором оказалось полотно с изображенными на нем фигурами мавров. Надпись под рисунком гласила, что король, открывший сундук, увидит, как его землю завоюют такие люди. Однако Родриго не придал значения увиденному им, а напротив, велел собрать со всех концов Испании как можно больше оружия и перековать его в земледельческие орудия. Вскоре затем он соблазнился красотой Кавы, дочери его подданного, графа Хулиана (т. е. Юлиана), начальника крепости Сеута, и силой овладел ею. Кава написала об этом отцу, который, пылая жаждой мщения, призвал к себе на помощь мавров и вторгся с ними в Испанию. Дело кончилось завоева-

нием всей страны мусульманами. О смерти Родриго в различных вариантах поэмы рассказывалось по-разному: либо — что он был убит, доблестно сражаясь с маврами; либо — что во время бегства потонул в реке; либо — что скрылся в пустынных местах, где был растерзан зверями; либо, наконец, — что бежал в Португалию, исповедался там одному отшельнику и, исполняя его приказание, ради спасения своей души лег в гроб, наполненный змеями, и был ими заживо съеден.

Очень мало вероятно, чтобы поэма эта восходила к народным сказаниям или песням, сложившимся еще в начале VIII в., когда произошло вторжение мавров в Испанию, и затем жившим в народе в течение более чем четырех столетий. Некоторые подробности (название «Дом Геркулеса», упоминание Сеуты, эпизод с отшельником) указывают скорее на книжный источник этого сказания, которое, вероятно, было воспринято хугларами в XII в. из монастырской среды и включено в общий запас эпических тем вследствие внутренней близости его к другим национально-историческим преданиям.

4

Перейдем к преданиям о Сиде.

В песне о короле Санчо II рассказывается, что перед смертью отец его король Фернандо[1] разделил свои владения между своими пятью детьми: Кастилию он отдал Санчо, Леон — Альфонсу, Галисию — Гарсии, область Торо — Эльвире, область Саморы — Урраке, заставив каждого из них поклясться, что они будут уважать взаимные права. Но Санчо вместо клятвы хмуро пробормотал что-то сквозь зубы. И действительно, сразу же после смерти своего отца он начал войну, стремясь объединить все его владения в своих руках. Сначала он отнял Галисию у Гарсии, которого заточил в темницу, затем — Леон у Альфонса, который бежал в Толедо и нашел там приют у мавров. Но со стороны Урраки он встретил неожиданное сопротивление и, осаждая Самору, был убит под ее стенами.

[1] Годы правления обоих названных королей: Фернандо I (Фердинанд I) — 1035—1065; Санчо II — 1065—1072.

Этому последнему эпизоду посвящена отдельная песнь «Осада Саморы», являющаяся, после «П. о С.», самым замечательным образцом испанского эпоса. Приводим ее содержание.

Собрав огромное войско, Санчо осадил Самору. Он видит, как трудно ее взять, и обращается к самому верному и доблестному из своих вассалов, Сиду, с предложением отправиться в Самору и уговорить Урраку добровольно отдать ему город. Нехотя принимает Сид это поручение: он провел юность вместе с доньей Урракой, в доме ее мудрого воспитателя Ариаса Гонсалеса, и теперь он не желал бы ее обижать. Донья Уррака сначала выражает радость, увидев Сида, но затем, выслушав его предложение, с негодованием отвергает его. Хоть она, будучи женщиной, и не в силах бороться с доном Санчо, заявляет она, все же она устроит так, что «либо тайно, либо пред лицом неба он будет убит». Ариас Гонсалес успокаивает ее, предлагает спросить совета у жителей Саморы, и те торжественно обещают стойко защищать город.

Начинается осада города, которая длится семь лет. Голод и страдания жителей достигают крайних пределов. Ариас Гонсалес уже советует Урраке сдаться, но тут выступает один рыцарь, Вельидо Дольфос, и предлагает ей «устроить так, что дон Санчо должен будет оставить Самору и снять с нее осаду». Уррака отвечает ему уклончиво: она не приказывает ему совершить то, что он задумал, но тому, кто освободит Самору от осады, она обещает любую награду. Вельидо Дольфос затевает притворную ссору с сыновьями Ариаса Гонсалеса и, будто бы спасаясь от них, выбегает из города и является к дону Санчо в качестве перебежчика. Он предлагает королю указать потайную дверь в стене, через которую можно проникнуть в город. Тщетно один честный саморанский рыцарь кричит с городской стены, предостерегая короля против предателя. Дон Санчо полон доверия к Вельидо Дольфосу. Он едет вдвоем с ним вдоль городских стен, будто бы для осмотра их, и предатель, улучив момент, наносит ему смертельный удар копьем в спину. Сид, видя, что Вельидо Дольфос скачет к городским воротам, устремляется вслед за ним, но изменник успевает ускользнуть. В городе Ариас Гонсалес арестует Дольфоса.

Король Санчо перед смертью кается в том, что не соблюл завещания отца. Он велит передать брату своему Альфонсу, когда тот вернется из земли мавров, что он умоляет его о прощении и просит принять на службу к себе верного Сида.

Кастильцы требуют мести за смерть короля. Они поручают это дело рыцарю Диэго Ордоньесу, который подъезжает к городским воротам и бросает вызов Саморе и всем ее жителям: «Вы укрыли у себя предателя Вельидо: предатель тот, кто дает приют предателю. Поэтому я вызываю на бой саморанцев, старых и малых; вызываю живых и мертвых, рожденных и еще не родившихся, вызываю воду, которую вы пьете, и одежды, которые вы носите; вызываю все, вплоть до листьев с деревьев и камней из русла реки».[1] Судьи, назначенные обеими сторонами, устанавливают, что вызывающий должен биться последовательно с пятью противниками. Ариас Гонсалес заклинает жителей Саморы признаться, если кому-нибудь было известно о замышлявшемся предательстве. Все отвечают отрицательно. Тогда, уверенный в правоте своего дела, Ариас Гонсалес выставляет бойцами четырех своих сыновей и самого себя. Но донья Уррака, совесть которой не совсем чиста, умоляет его не покидать ее и не подвергать свою жизнь опасности. Ариас вынужден уступить, и он заменяет себя пятым, самым младшим сыном.

В начавшемся поединке Диэго Ордоньес убивает одного за другим двух сыновей Ариаса. Он смертельно ранит и третьего, но тот, падая, успевает ранить коня Диэго Ордоньеса, который уносит седока с поля битвы. Это в те времена приравнивалось к поражению. Однако и противник Диэго Ордоньеса не мог считаться победителем, потому что хотя он и находился на «поле», но был мертв. Судьи воспретили продолжать бой и отказались решить тяжбу.

Узнав о смерти брата, Альфонс поспешил приехать из Толедо, и здесь, в лагере перед Саморой, сначала леонцы, а затем и кастильцы признали его королем. Лишь один Сид не захотел поцеловать новому королю руку. На вопрос Альфонса, почему он отказывается сделать это, Сид заявляет, что сначала Альфонс должен присягнуть, что он

[1] Древняя сакральная формула вызова при обвинении целого города или селения в предательстве.

непричастен к убийству дона Санчо. Альфонс вынужден был принести очистительную клятву, но после этого он не протянул руки Сиду для поцелуя и смертельно возненавидел его.

Этой торжественной сценой, служащей как бы прологом к «П. о С.», заканчивается поэма, возникшая, быть может, вскоре после изображенных в ней событий, которые она передает с большой точностью. В ней можно отметить только два существенных отступления. Одно касается тени, которую автор поэмы все же набрасывает на Урраку и саморанцев в эпизоде убийства короля Санчо. На самом деле, как свидетельствуют беспристрастные хронисты той эпохи, здесь не было никакой их вины, да и вообще не было никакого предательства: просто король Санчо был убит одним неизвестным саморанским рыцарем во время вылазки. Но песнь возникла в патриотически настроенной кастильской среде, в пору еще не завершившейся борьбы Кастилии за политическую гегемонию. Отсюда — ее ревнивая подозрительность ко всему, могущему быть враждебным Кастилии и ее королю. Это не столько обвинение саморанцев в измене, сколько грозное предостережение всем возможным изменникам и предателям большого национального дела, руководство которым приписывалось, в полном соответствии с исторической правдой, именно Кастилии как основному плацдарму реконкисты и государственного объединения всей Испании. Но наряду с этим патриотическим пристрастием поэма объективна в характеристике дона Санчо, эгоизм и жестокость которого раскрыты ею весьма отчетливо. В этой широте и сложности подхода к изображаемой ситуации — одно из огромных художественных достоинств поэмы.

Другое отступление от истории — преувеличение роли Сида. На самом деле не Сид, а двенадцать кастильских рыцарей потребовали у Альфонса «очистительной» клятвы. Но как эта деталь, так и вообще вся трактовка образа Сида в поэме стоят в прямой связи с общим развитием легенды о нем. Весьма даже вероятно, что в первоначальной редакции песни «Осада Саморы» Сид вовсе не фигурировал, а был включен в позднейшие редакции ее потому, что именно к этому времени (на грани XI и XII вв.) эпический образ Сида достиг чрезвычайной популярности.

5

Обратимся теперь непосредственно к сказаниям о Сиде, составляющим основную тему этой книги. В высокой оценке их и наша и зарубежная критика единодушны. Еще А. В. Шлегель отозвался о них так: «Одно такое предание, как о Сиде, ценнее для нации, нежели целая библиотека литературных произведений, порожденных лишь умом и лишенных национального содержания». Подвиги этого величайшего, подлинно национального героя средневековой Испании изображены в двух дошедших до нас поэмах — в древней, очень близкой во всех отношениях к историческим фактам «П. о С.» (около середины XII в.), и в гораздо более поздней (XIV в.), богатой поэтическими вымыслами поэме «Родриго», а кроме того, в обширном цикле еще более поздних (XV—XVI вв.) романсов.

Первая из этих поэм несравненно более известна. Она распадается на три части, которым испанскими исследователями присвоены названия: «Песнь об изгнании», «Песнь о свадьбе» и «Песнь о Корпесе». В первой рассказывается о том, как вследствие ссоры с королем Альфонсом (причина которой коренится в событиях, описанных в конце «Песни об осаде Саморы») Сид вынужден покинуть родину. Простившись с женой и двумя дочерьми и собрав немалую дружину из тех, кто пожелал добровольно за ним последовать, Сид идет походом на землю мавров. Он одерживает ряд побед, которые увековечиваются, — уже во второй части, — завоеванием Валенсии, где Сид воцаряется как самостоятельный властитель. Альфонс мирится с Сидом и разрешает его жене и двум дочерям переехать к нему в Валенсию. Происходит свидание Сида с королем, который выступает сватом, предлагая Сиду в зятья знатных инфантов де Каррион. Сид, хоть и неохотно, соглашается на этот брак. Он дарит зятьям два своих боевых меча и дает дочерям богатое приданое. После пышных свадебных торжеств инфанты поселяются в доме Сида и роскошно живут за его счет.

В третьей части рассказывается о том, что при всей их знатности инфанты де Каррион оказались ничтожными трусами. Не стерпев насмешек Сида и его вассалов, они решили выместить обиду на его дочерях. Под предлогом, что они хотят показать жен своей родне, они

снарядились с дочерьми Сида в путь. Доехав до дубовой рощи Корпес, они сошли с коней, жестоко избили своих жен и оставили их привязанными к деревьям. Несчастные погибли бы, если бы не племянник Сида Фелес Муньос, который разыскал их и привел домой. Сид требует мщения. Король созывает кортесы, чтобы судить виновных. Сид является туда, завязав свою бороду, чтобы кто-нибудь не оскорбил его, дернув за бороду. Дело решается судебным поединком. Бойцы Сида побеждают ответчиков, и Сид торжествует. Теперь он развязывает свою бороду, и все дивятся ее длине и пышности. К дочерям Сида сватаются новые женихи — инфанты (т. е. принцы) Наварры и Арагона. Поэма кончается славословием Сиду, не только защитившему свою честь, но и породнившемуся с королями Испании.

Чтобы понять эпический образ Сида и его национально-исторический смысл, необходимо познакомиться с его историческим прототипом.

Подлинное имя Сида было Родриго Диас, в сокращении Руй Диас. Что касается прозвища «Сид», то это — слово арабского происхождения, означающее «господин». Такое титулование нередко давалось испанским сеньорам, имевшим в числе своих подданных также и мавров. Руй Диас родился, по-видимому, в 1040 г. Он принадлежал к высшей кастильской знати и первые свои деяния совершил на службе инфанта Санчо, сына Фердинанда I. Когда Санчо, после смерти отца, стал королем Кастилии, Сид сделался его верным помощником во всех делах и получил высшую военную должность «альфереса» — знаменосца и меченосца короля, т. е. начальника всех его войск. В 1066 г. между Наваррой и Кастилией возник спор из-за одного замка, и обе стороны постановили решить его путем поединка. Сид, выступивший со стороны Кастилии, победил наваррского рыцаря и получил за этот подвиг прозвище Ратоборца (см. Словарь: Кампеадор). Одновременно, и даже еще раньше, Сиду пришлось несколько раз участвовать в распрях между христианскими властителями и их мусульманскими данниками. Сид участвовал также во всех войнах короля Санчо с братьями и сестрами. Во время осады Саморы (см. Словарь) он проявил большую доблесть, победив одного за другим пятнадцать саморанских рыцарей. После гибели Санчо под стенами Саморы Сид

был если не единственным, то все же одним из тех двенадцати кастильских рыцарей, которые приняли от Альфонса «очистительную» клятву. Без сомнения, это и явилось ближайшим поводом для нелюбви Альфонса к Сиду. Но для взаимной враждебности между ними имелась еще другая, более существенная причина. Сид был представителем кастильской знати; между тем при Альфонсе VI, который был раньше королем Леона, выдвинулась на первое место надменная леонская знать, в том числе род Вани-Гомесов (см. Словарь), графов де Каррион, по-видимому, враждовавших с Сидом. Должность «альфереса» также перешла от Сида к любимцу короля, леонскому вельможе Гарсии Ордоньесу. Первое время, однако, Альфонс пытался наладить добрые отношения с Сидом и даже выдал за него свою двоюродную сестру Химену, дочь графа Астурии. Но затем их антагонизм проявился с новой силой. Воспользовавшись тем, что королевские фавориты обвинили Сида в самовольном набеге на земли мавританского короля Толедо, данника Альфонса, тем самым состоявшего под его покровительством, король в 1081 г. изгнал своего непокорного вассала.

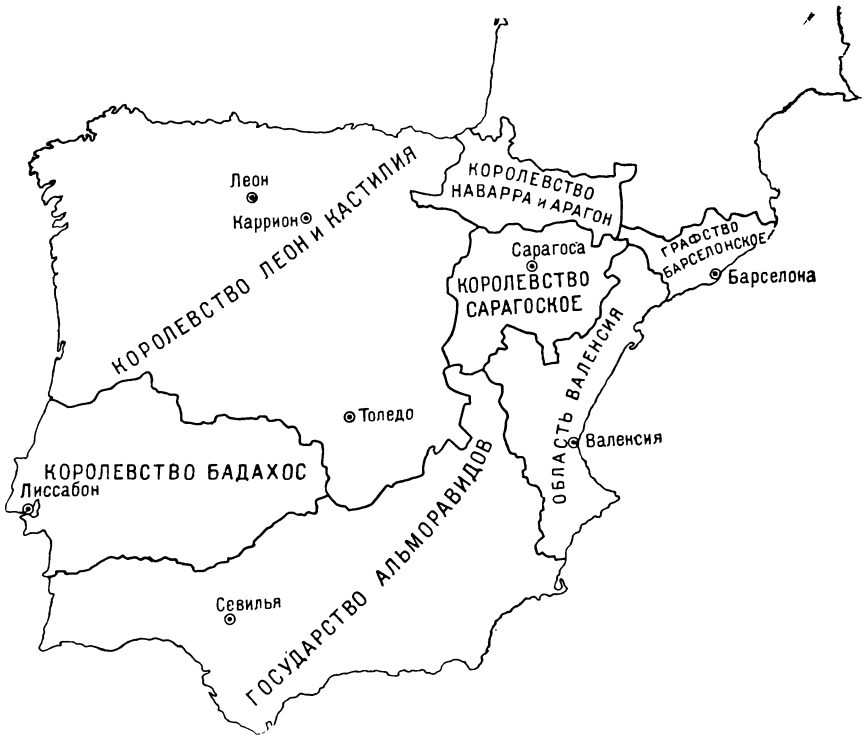
Сначала Сид поступил со своей дружиной на службу к графу Барселоны Беренгарию (см. Словарь: Раймунд Беренгарий), но вскоре, чем-то им обиженный, покинул его и перешел на службу к мусульманскому царю Сарагосы. В качестве его полководца он разбил Беренгария и взял самого графа в плен. Через некоторое время Сид, продолжая состоять официально на службе у мавров, начинает вести себя как самостоятельный властитель. Он дважды мирится с Альфонсом VI и выступает его союзником, но затем, вследствие проявленного королем коварства, снова отдаляется от него. После дипломатических хитростей и сложных военных операций, длившихся полтора года, Сид, наконец, овладевает Валенсией и одновременно окончательно мирится с Альфонсом. За этим следует завоевание замка Мурвьедро и еще нескольких укрепленных мест, а главное — сокрушительный отпор, оказанный Сидом альморавидам (см. Словарь: Юсуф). Так называлась династия властителей берберских племен северной Африки, которые, будучи призваны в 1086 г. арабским властителем Севильи на помощь против теснивших его испанцев, захва-

тили и объединили под своей властью все арабские владения в Испании, объявив себя блюстителями мусульманского правоверия. Альфонс VI потерпел от альморавидов несколько жестоких поражений. Напротив, все столкновения с альморавидами Сида были для него успешными. Особенно замечательна победа, одержанная им в 1094 г. на равнине Куарто, перед Валенсией, когда 3000 всадников Сида обратили в бегство альморавидскую армию, насчитывавшую, по уверению испанских хронистов, 150 000 человек. Одно имя Сида приводило мавров в трепет.

Сид замышлял полное освобождение Испании от мавров. По словам арабского историка Ибн-Бассама, писавшего лет через десять после смерти Сида на основании рассказов его современников, однажды Сид будто бы сказал: «Король Родриго потерял этот полуостров, но другой Родриго отвоюет его». Также и «Первая Всеобщая хроника» (1289) сообщает: «И сказал он, что покорит всех властителей, сколько их есть в Андалусии, так что все будут его вассалами, и что король Родриго, владевший Андалусией, не был из королевского рода (а все же был королем и царствовал), и таким же образом будет царствовать он и станет вторым королем Родриго». Эти планы пресекла смерть Сида в 1099 г.

Если в первый период деятельности Сида, до изгнания, его главным образом занимали феодальные раздоры и борьба Кастилии за политическую гегемонию, то после изгнания, и особенно с того момента, когда Сид задумал овладеть Валенсией (1092), основною задачею для него стала борьба с маврами. Без сомнения, Сид стал гениальным и крупнейшим для того времени деятелем реконкисты. Именно это сделало его величайшим национальным героем Испании, любимым народным героем, «моим Сидом» (mio Cid), как он постоянно называется в старой поэме, посвященной ему. Бесспорно, что во время этой борьбы он совершил по отношению к маврам, особенно при захвате Валенсии, немало жестокостей и предательств. Однако в этом смысле Сид не выходил за пределы того, что позволял себе любой феодал того времени. Зато в ряде случаев он выказал редкое для своей эпохи великодушие — когда, например, отпустил из плена графа Барселонского без выкупа и не взяв у него заложников. Глав-

ное же — он проявлял большую заботливость и щедрость по отношению к своим людям, чрезвычайную простоту в обхождении и демократизм, чему он и был более всего обязан преданностью своей дру-



Испания в конце XI в.

жины и популярностью среди широких масс. Он проявил, кроме того, наряду с необычайной храбростью большой политический ум, организаторский талант, проницательность. Арабский писатель Ибн-Бассам, страстно его ненавидевший, как гонителя мусульман, дает ему такую характеристику: «Человек этот, бич своего времени, по любви своей к славе, мудрой твердости характера и героической доблести был одним из чудес Аллаха».

Возможно, что «П. о С.» возникла еще при жизни Сида, в те годы, когда рассказы очевидцев событий и участников походов Сида, так же как и песни его дружинников, еще всем были памятны. Уже этим определяется чрезвычайная близость поэмы к ее исторической основе. Оставляя в стороне рассказ о неудачном первом замужестве дочерей Сида (явно романический по своему характеру, хотя, быть может, и имевший отдаленное фактическое основание в каком-нибудь неудачном сватовстве) и ограничиваясь военно-политическим содержанием поэмы, мы можем заметить, что отклонения от исторических фактов здесь — двоякого рода. С одной стороны, певец производит иногда концентрацию, перестановку и т. п. исторических событий; так, например, три примирения Сида с королем сведены у него к одному, занятие Мурвьедро и Альменара предшествует у него завоеванию Валенсии, и т. д. С другой стороны, характер Сида несколько идеализируется, но не путем присвоения ему вымышленных и гиперболических черт, а путем опущения или затушевывания некоторых моментов, которые могли бы показаться невыгодными для него: например, опущен весь период службы Сида у царя Сарагосы, ничего не говорится о жестокостях, совершенных им в Валенсии, и т. п. В общем, поэма более точна в конкретно-историческом отношении, чем какой-либо иной из известных нам образцов западноевропейского эпоса.

Этой точности соответствует общий реалистический тон повествования, обычный для испанских поэм и заметно отличающийся, например, от стилистической манеры французских chansons de geste. Описания и характеристики свободны от всякой аффектации и приподнятости. Лица, предметы, события изображаются просто, конкретно, с деловитой сдержанностью, — хотя этим не исключается иногда большая внутренняя теплота. Почти совсем нет поэтических сравнений, метафор. Совершенно отсутствует христианская фантастика, если не считать явления Сиду во сне, накануне его отъезда, архангела Гавриила. Совсем нет также гиперболизма в изображении боевых моментов; очень характерно, что при описании битвы на равнине Куарто число альморавидских воинов даже сокращено, против хроник, со 150 000 до 50 000. Единоборства очень редки и носят менее жестокий характер, чем во французском эпосе; преобладают массовые

схватки, причем знатные лица иногда погибают от руки безыменных воинов.

В поэме отсутствует исключительность рыцарских чувств. Певец откровенно подчеркивает важность для бойца добычи, наживы, денежной базы всякого военного предприятия. Примером может служить тот хитрый способ, каким в начале поэмы Сид добыл деньги, необходимые для похода. Певец никогда не забывает упомянуть о размере военной добычи, о доле, доставшейся каждому бойцу, о части, отосланной Сидом королю. В сцене тяжбы Сида с инфантами де Каррион Сид прежде всего требует возвращения мечей и приданого, а затем уже поднимает вопрос об оскорблении чести. Он все время ведет себя как разумный, расчетливый хозяин.

В соответствии с бытовыми мотивами подобного рода, очень видную роль играет семейная тематика. Дело не только в том огромном месте, которое занимают в поэме история первого, неудачного замужества дочерей Сида и, как блистательная концовка, картина второго, счастливого брака их, но и в том, что семейные, родственные чувства со всей их задушевной интимностью не раз выступают в поэме на первый план. Замечательна по своей сердечности картина прощания Сида перед выездом с детьми и женою, доньей Хименой, которая «как ноготь от мяса, от него оторвалась». Первая забота Сида после того, как он стал самостоятельным властителем, — соединиться со своей семьей. Когда под стенами Валенсии появляются полчища мавров, Сид просит жену и дочерей смотреть с городских стен, как он будет сражаться, добывая для них добычу, закрепляя для них завоеванные им владения. Полна теплоты заботливость Фелеса Муньоса, когда он находит в лесу своих несчастных кузин.

В тесной связи с этим «опрощением» и очеловечением изображаемых чувств и событий находится ярко выраженная антиаристократическая тенденция поэмы. В ней резко обличаются представители наиболее спесивой и консервативной испанской знати того времени — барселонской в лице графа Беренгария и леонской в лице инфантов де Каррион, принадлежавших к упомянутому роду Вани-Гомесов. Поэт подчеркивает гордость Каррионов и нежелание Сида выдать за них дочерей. Он едко высмеивает разнообразные пороки высокород-

ных инфантов: их хвастовство, трусость, мотовство, пьянство, подлость, жестокость. В противовес им Сид представлен, вопреки истории, только рыцарем, имеющим вассалов, но не принадлежащим к высшей знати. Он изображен исполненным самосознания и достоинства, но вместе с тем добродушия и простоты в обращении со всеми, чуждым всякой аристократической спеси. Нормы рыцарской практики неизбежно определяют основные линии деятельности Сида, но не его личный характер: сам он, максимально свободный от специфически рыцарских замашек, выступает в поэме как подлинно народный герой. И так же не аристократичны, а народны все ближайшие помощники Сида — Альвар Аньес, Фелес Муньос, Педро Бермудес и т. д.

Демократизация образа Сида и глубоко демократический, народный тон поэмы о нем имеют глубокое историческое основание.

«П. о С.» — это прежде всего поэма о реконкисте, в которой главной движущей силой были испанское крестьянство и города. Если рыцарей на участие в реконкисте толкала жажда наживы, то крестьян манила возможность ухода из-под феодального гнета. Необходимость освоить новые земли, отвоеванные у мавров, заставляла испанских властителей предоставлять селившимся на них испанским крестьянам и ремесленникам весьма значительные льготы. Новые поселенцы получали во многих случаях возможность создавать особого рода объединения, называвшиеся бегетриями. Одной из особенностей их было то, что члены их имели право сами избрать себе сеньора и в случае недовольства им могли его менять. На своих сходах поселенцы сами устанавливали законы, определяли правила продажи земли, порядок пользования общественными пастбищами и водой, оплату батраков, рыночные цены на продукты. Они цепко держались за свои права, постоянно требовали их подтверждения и в случае нарушения отстаивали их с оружием в руках.

Такое улучшение положения крестьян наблюдалось в землях, которые были отвоеваны Арагоном, Каталонией и Португалией. Но особенно заметно проявлялось оно в тех областях, где реконкиста шла из Кастилии. Как раз в эту пору усилились крестьянские восстания и в самой Кастилии и в политически связанном с ней Леоне.

Совершенно очевидно, что дружина исторического Сида состояла почти целиком не из его вассалов, слишком немногочисленных и не имевших прав покинуть Кастилию без разрешения короля, а из всех недовольных, которых он сумел собрать под своим знаменем, — из крестьян, которым приходилось дома невмоготу, раздобывшихся конем или потянувшихся за Сидом пешком, из предприимчивых горожан, жаждавших простора и имевших кое-какой опыт в военном деле, из мелких рыцарей, ущемленных феодальной аристократией, — словом, из gente de toda parte, как говорит поэма, «людей отовсюду» (быть может, больше арагонцев, каталонцев или мосарабов, т. е. христиан, находившихся в подданстве у мавров, чем собственно кастильцев). Ясно, что все эти люди, уходя с Сидом, теряли свое имущество или наделы, которые немедленно подвергал конфискации король. И потому Сид в поэме обещает за все это вознаградить их: «Умоляю я бога, небесного отца, чтобы всем, кто покинул и наделы и дома, до смерти мог я сделать хоть малость добра, за то, что потеряли вы, вдвойне вам воздать» (305—308).

Этой стихийной тяге средних и низших слоев населения, в которой патриотическое чувство сочеталось с жаждой свободы и духом предприимчивости, можно противопоставить колеблющуюся, нерешительную, компромиссную политику в этом вопросе правителей и высшей аристократии. Правда, Альфонс VI покрыл себя славой, завоевав в 1085 г. Толедо и въехав затем на коне в Гибралтарский пролив. Однако несомненно, что он не смог использовать все открывавшиеся перед ним возможности потому, что высшая аристократия Испании была больше занята феодальными распрями и своими частными интересами, чем заботой о полном освобождении родины от мавров. После падения Кордовского халифата в начале XI в. мусульманская держава в Испании распалась на ряд небольших государств (число их к середине века достигло двадцати трех), которые все время вели междоусобные войны, ища поддержки в борьбе друг против друга у королей или крупных феодалов христианской Испании, причем многие из мусульманских правителей становились данниками испанских властителей. Последним такое положение вещей было чрезвычайно удобно, и они не особенно спешили его прекратить. Но иначе

относился к этому вопросу испанский народ, и иным было под конец жизни отношение к нему Сида.

Исторический Сид в период своего изгнания гораздо последовательнее и удачнее осуществлял дело реконкисты, чем король Альфонс и окружавшая его леонская знать. Он осуществлял его в широком демократическом плане, и именно это создало ему такую популярность у испанского народа, видевшего в реконкисте великое дело национального освобождения Испании и в то же время свое собственное освобождение от феодального ига.

«П. о С.» правдиво освещает все эти общественные и политические моменты, расценивая их с народной, антифеодальной точки зрения. Необходимо признать, что материал первоначальных песен и преданий подвергся в трактовке хуглара, оформившего дошедший до нас текст гениальной поэмы, минимальной «феодализации», выразившейся лишь в феодально-рыцарской оболочке описываемых событий (некоторые обычаи, нравы, детали феодально-рыцарской судебной процедуры и т. п.), но совершенно не затронувшей смысла всех главных образов поэмы и ее направленности. В этом — причина неувядаемой славы «П. о С.» и любви испанского народа к образу ее героя.

«П. о С.», как и ряд других испанских героических поэм, резко отличается от французского средневекового эпоса, герои которого (не исключая наиболее положительных из них, как например Роланд), с их горделивым, типично рыцарским чувством чести, культом храбрости, страстью к военной славе, острым чувством вассальной верности, явным или подразумевающимся пренебрежением к простому люду, выступают перед нами прежде всего как рыцари в их сословном обличье. Напротив, Сид прежде всего — человек простой и близкий всем и каждому. Можно сказать, что отчасти он приближается к образу Ильи Муромца наших былин, который тоже ссорится с самовластным и неблагодарным «повелителем» — князем Владимиром, подобно Сиду ведет за собой не блестящих витязей, а деревенских и посадских бедняков, «голь перекатную», и истребляет татар и разбойников, служа не великому князю, а своему народу и родине.

6

В ином виде предстает перед нами Сид в другой, поздней поэме о нем, посвященной деяниям его молодости. Эта поэма XIVв., под названием «Родриго» или «Юношеские подвиги Родриго», была реконструирована на основании прозификации ее в «Хронике 1344 года». Но кроме того, мы располагаем текстом другой, более поздней редакции ее, относящейся к началу XV в. и озаглавленной: «Рифмованная хроника о Сиде». Даем пересказ этой последней.

Действие поэмы происходит не при Альфонсе VI, а еще при отце его, короле Фердинанде I. Герой поэмы зовется не Сидом, а просто Родриго. Отец его — Диэго Лаинес, просто торговец сукном, дед — Лаино Кальво, один из первых «кастильских судей», освободивших Кастилию от подчинения леонским судьям.

Поэма открывается картиной распри между отцом Родриго, Диэго Лаинесом, и графом Гомесом де Гормас. Граф перебил пастухов Диэго Лаинеса и увел его стада; Диэго Лаинес ответил набегом, при котором не только ограбил имения графа, но даже, для большего бесчестия, увел в плен его прачек. Необходимо решить дело поединком. Вместо Диэго Лаинеса, уже старого и немощного, выступает его сын Родриго, которому в этот момент еще не исполнилось тринадцати лет. Он убивает графа, а сыновей его берет в плен. Младшая из трех дочерей убитого, донья Химена, отличавшаяся большим мужеством и решительностью, требует у Родриго освобождения братьев, и тот исполняет ее просьбу. Но Химена этим не довольствуется и идет к королю жаловаться на Родриго, убившего ее отца. Дон Фернандо в затруднении: он боится, что вся Кастилия встанет за Родриго. Тогда Химена предлагает исход: «Выдайте меня замуж за Родриго».

Король тотчас призывает к себе Родриго. Его отец, прочтя письмо, подозревает короля в хитрости. Не хочет ли он захватить Родриго и казнить его? «Если ты служишь королю, — говорит он сыну, — то служи ему без хитрости. Но остерегайся его, как своего смертельного врага». Он советует Родриго укрыться у дяди, а он, Диэго Лаинес, поедет вместо сына ко двору. Если там его убьют, Родриго отомстит за него. Но Родриго не согласен. Он предлагает, чтобы отец и

он поехали вместе, взяв с собой дружину из трехсот воинов. По дороге Родриго внушает своим воинам, чтобы они хорошенько оберегали отца. «Если альгвасил вздумает схватить его, убейте альгвасила на месте. Пусть это будет черный день для короля и для всех, кто с ним. Предателями вас не назовут, потому что мы не его вассалы (!), и бог не допустит этого. Скорее будет предателем сам король, если убьет моего отца, нежели я, если убью своего врага в честном бою, в гневе против двора, где живет король Фернандо!».

Они приезжают ко двору. Диэго Лаинес велит сыну поцеловать королю руку. Тот неохотно соглашается на это. Король пугается длинного меча Родриго. «Уберите от меня этого дьявола!» — кричит он. А Родриго говорит: «Пусть лучше вколотят в меня гвоздь, чем я соглашусь назвать вас своим сеньором, а себя вашим вассалом». Король велит привести донью Химену, и Родриго обручают с нею. Но Родриго объявляет, что его женили насильно и что он не увидит свою жену снова до тех пор, пока не одержит пять боевых побед.

Следует целый ряд подвигов Родриго. Сначала он разбивает мавров, вторгшихся в Кастилию. Но при этом он отказывается отдать королю пятую долю добычи, как того требует обычай: «Лучше я отдам ее этим беднякам, которые заслужили ее своими трудами; уплачу также, как полагается, церковную десятину, ибо не хочу быть грешником; а из своей части отдам жалованье тем, кто защищал меня».

Но вот Кастилию постигает беда. Король Арагона объявляет войну королю Фернандо и предлагает решить дело единоборством между двумя рыцарями. Но боец короля Арагона так грозен, что никто не решается выступить против него. Вперед выходит Родриго; он обещает сразиться с противником, но сначала просит отсрочки в тридцать дней, чтобы совершить паломничество в Сант-Яго де Компостела. На обратном пути оттуда, при переправе вброд через реку, Родриго встретил обессилевшего прокаженного, которому никто не хотел помочь. Родриго переносит его на своих руках через реку, и в ту же ночь прокаженный является ему во сне и сообщает, что он — святой Лазарь, которого бог послал для того, чтобы передать Родриго сверхъестественную силу, «дохнув» на него. Святой дохнул на героя, и, приобретя чудесную силу, Родриго побеждает арагонского бойца.

Вскоре затем против Кастилии составляется грозная коалиция французского короля, германского императора, патриарха и папы. Они требуют, чтобы все «пять королевств Испании» платили французскому королю ежегодную дань, состоящую из пятнадцати девиц благородного происхождения, десяти коней, тридцати марок серебром и большого количества кречетов и соколов. Король Фернандо назначает Родриго начальником своей армии и объявляет его равным себе во всем. Родриго разрывает свой плащ и, повесив его на древко копья вместо знамени, велит нести своему племяннику: «Ступай, мой племянник, сын моего брата и крестьянки, которую он встретил во время охоты. Возьми знамя и делай, что я тебе прикажу». Тот отвечает ему с такой же грубоватой фамильярностью.

В битве с французами Родриго берет в плен савойского графа и отдает его дочь в жены королю Фернандо. Когда кастильцы подходят к Парижу, осажденные не могут различить, где король Фернандо и где Родриго. Под стенами Парижа молодая королева родит дону Фернандо сына. Этим счастливым событием французы пользуются, чтобы попросить мира. Сам папа крестит младенца, а над купелью его держат французский король и германский император. Отныне никакие враги не страшны Испании, раз ее защитником и опорою стал дон Родриго, смелый Руй Диас.

Для средневекового эпоса типично следующее явление: после того как эпический образ героя устоялся и достаточно популяризировался, возникают сказания о деяниях его молодости, по большей части примышленные и не имеющие никакой опоры в традиции. Но иногда бывает при этом, что материал таких сказаний — очень древний, долгое время живший в устном предании и поэтически лишь очень поздно оформившийся и получивший совсем новое осмысление. Именно так обстоит дело с поэмой «Родриго». При всей видимой фантастичности биографии ее героя, она содержит ряд черт, более или менее соответствующих историческим фактам, но поэтически обобщенных, а главное — переосмысленных под влиянием новых общественных и политических отношений.

К числу фактических соответствий относится прежде всего родословная Руй Диаса. Он был действительно потомком одного из двух

первых «кастильских судей» — Лаино Кальво, только не внуком его, как утверждает поэма, а правнуком его правнука — потомком в седьмом колене по прямой мужской линии. Отца его также действительно звали Диэго Лаинесом, хоть он и был не «суконщиком», а знатным сеньором. Равным образом, если Родриго становится начальником всех войск короля Фернандо, то это в точности соответствует должности Руй Диаса при Санчо II. Вызов арагонского короля и поединок Родриго с его рыцарем являются отражением упоминаемого в хрониках поединка Руй Диаса с неким наваррским бойцом. Смешение здесь легко объясняется тем, что Арагон и Наварра, всегда тесно связанные между собой, были политически объединены с 1076 до 1134 г. — как раз в тот период, когда слагались сказания о Сиде.

Но гораздо важнее этих чисто фактических соответствий поэтически образные отражения в «Родриго» некоторых противоречий испанской действительности XI—XII вв. Сюда относится, прежде всего, вылившаяся в причудливую форму рассказа о войне с Францией, враждебность испанского народа французскому влиянию. Действительно, если в конце XI и начале XII в. французские рыцари, во множестве прибывавшие в Испанию, и помогли отчасти кастильским королям в их борьбе с маврами, то, с другой стороны, они укрепляли в Испании феодально-аристократические навыки и понятия, захватывали лучшие земли и жестоко угнетали местное население. Точно так же и французское духовенство, явившееся в Испанию вслед за рыцарством, получало самые доходные аббатства и церковные приходы, в которых заводило французские, гораздо менее демократические порядки. Отсюда — сильная нелюбовь в те времена испанского народа к французам, нашедшая выражение, кроме данной поэмы, хотя бы в образах дурных жен-француженок сказания о Гарси Фернандесе и оригинальной трактовке битвы при Ронсевале.

Однако эти антифранцузские тенденции являются в поэме лишь одним из проявлений общего патриотического чувства, призыва к борьбе за неприкосновенность и независимость родной страны. В плане этого мощного народного чувства борьба с маврами является лишь одной из задач, но далеко не единственной, одним частным случаем оказания отпора всякого рода захватчикам-иноземцам. Вот по-

чему Родриго в этой поэме носит прозвище не Сид (намекающее на его отношение к маврам) и не Кампеадор (полученное им будто бы после поединка с наваррским рыцарем), а Castellano — Кастилец.

Вместе с тем, однако, в поэме «Родриго» отразились общественно-политические события и отношения XIV—XV вв., когда, на основе более древних сказаний и песен, оформлялась окончательно эта поэма. То было время чрезвычайного усиления феодалов и борьбы их между собой и с королевской властью. XIV и особенно XV в. как в Кастилии, так и в Арагоне заполнены столкновениями различных знатных родов, пользовавшихся слабостью королевской власти и частыми междуцарствиями для того, чтобы безнаказанно грабить и жечь селения, избивать друг друга и мирное население с целью захвата новых земель или сведения личных счетов. Отсюда — имевшийся, быть может, и раньше в преданиях о Сиде, но теперь развернутый и разукрашенный на феодальный лад — мотив фамильной вражды, находящей самочинное и кровавое разрешение, образ нерешительного и слабосильного короля Фердинанда (в других, более древних преданиях о нем, окруженного ореолом благости и величия), вся очень отчетливая «феодализация» образа Родриго, дерзкого, самовольного, опирающегося во всем лишь на свою дружину и силу своего меча.

Таково сложное и глубоко противоречивое идейное содержание поэмы, в которой новые тенденции явно перекрывают старую основу, не заглушая ее до конца.

Образы Руй Диаса Сида в «П. о С.» и в «Родриго» глубоко несходны между собой, будучи продуктом разных эпох и не вполне одинаковой социальной среды. Первый из них, величавый и строгий при всей своей простоте, возник в народной среде, озабоченной важнейшей политической задачей момента, когда требовалось объединение всех сил нации для решительной борьбы с маврами. Характерна здесь и обрисовка взаимоотношений героя поэмы и короля Кастилии. Альфонс VI был все же очень значительным и мужественным участником реконкисты. Вот почему Руй Диас в «П. о С.» изображен лояльным по отношению к королю, несмотря на все зло, которое тот ему причинил. Сид обрисован также мудрым, терпеливым, рассуди-

тельным блюстителем правды и справедливости, «мужем совета». Совершенно таким же он дан и в «Осаде Саморы».

В свою очередь, в поэме «Родриго» образ Руй-Диаса утратил связь с историческим моментом, породившем его, стал в значительной мере выражением другой, позднейшей эпохи, когда чрезвычайно усилились антимонархические тенденции, и приобрел феодальную окраску.

7

С конца XIII в. испанский эпос начинает клониться к упадку. Реконкиста к этому времени фактически почти уже закончилась (в руках мавров оставалось лишь маленькое царство Гранады) и не нуждалось более в таком стимуле, как эпические поэмы или песни. Героическая обстановка жизни сменяется мирным существованием, былой энтузиазм — рассудочной деловитостью, воинственная песнь — книгой, развлекательной или дидактической. Подобный же закат героического эпоса наблюдается в ту пору и в большинстве других стран Западной Европы, особенно во Франции, где новые культурные веяния проявились в первую очередь.

Если не считать «Родриго», возникающие в XIV в. эпопеи (например, «Поэма об Альфонсе XI») по существу уже не эпические поэмы, а историография в стихах, частично пользующаяся формами и приемами старых героических «песен». А в XV в. такие попытки и вовсе прекращаются.

Однако сам эпический материал не утратил своего значения. Он продолжал — и продолжает до наших дней — жить в испанском народе в форме устных преданий и эпизодических романсов, не говоря уже об отражениях его в других жанрах художественной литературы.

Наиболее интересны и характерны для народного испанского творчества эпические или, лучше сказать, лирико-эпические романсы на сюжеты старинных героических преданий. Они возникли в количестве нескольких сотен за время с XIV в. до начала XVI в. и продолжают до сих пор бытовать в испанском народе, распеваемые под аккомпанемент гитары.

Древнейшими из этих «старых романсов» (как их обозначают испанские исследователи) были, по-видимому, так называемые «пограничные романсы» (romances fronterizos), которые люди из народа, нередко солдаты во время войн с королевством Гранады, импровизировали под аккомпанемент гитары. В этих романсах воспевались как стычки с маврами, так и случаи мирного контакта с ними; иногда в них проникали даже мотивы новеллистического творчества мавров, трогательные любовные истории. Это была своего рода хроника пограничной жизни, дневник виденного и пережитого, и вместе с тем средство развлечения.

Вскоре певцы-любители из народа, стремясь расширить свой репертуар, стали по образцу этих пограничных романсов слагать романсы на старые эпические темы, выбирая (согласно господствующим сейчас в науке взглядам) из героических поэм отдельные, особенно яркие и волнующие эпизоды или ситуации, — несколько вырванных из контекста стихов, — и разрабатывая их в манере романсов. Таким путем возникли «старые романсы», никогда, по-видимому, не записывавшиеся и дошедшие до нас лишь в печатных «отдельных» или «летучих листках» (pliegos sueltos, pliegos a vuelo) первой половины XVI в.

В этих романсах слушатель сразу, без каких-либо разъяснений, вводится в готовую ситуацию, иногда — в самый разгар действия. Один из романсов об инфантах Лары начинается так: «Устав сражаться, прилегли шесть братьев, которых зовут инфантами Лары»; другой: «Трогается в путь мавр Аликанте в вечер святого Киприана; он везет с собою восемь голов». О Фернанде Гонсалесе поется: «Взят в плен Фернан Гонсалес, великий граф Кастилии». К песне «Осада Саморы» восходит романс, облеченный в форму прямой речи саморанского рыцаря: «Король дон Санчо, король дон Санчо, не говори, что я не предупредил тебя о том, что из Саморы выехал предатель по имени Вельидо Дольфос...». Чтобы понять содержание такого романса, слушатель должен наперед знать сюжет всей поэмы. Несомненно, что сюжеты эти долгое время хранились в народной памяти. Но когда впоследствии они все же забывались, в романсе начинала привлекать именно неясность, загадочность его образов, действовавшая особенно волнующим образом.

Существует несколько групп «старых романсов», посвященных сказаниям о Сиде (в которых образ его развивается главным образом по линии «Родриго», а не «П. о С.»), об инфантах Лары, о Бернардо дель Карпио, о короле Родриго и т. д. С течением времени романсы эти стали обрабатываться и поэтами, в том числе такими мастерами, как Лопе де Вега и Гонгора. Развитие героических романсов продолжалось в Испании и Португалии до XVIII в., а сейчас, в застывшей форме, помимо иберийского полуострова, их можно услышать также в странах Южной Америки, на Канарских островах, на Мадере и т. д., куда их занесли переселенцы из Испании, и даже в Алжире и Марокко, на Балканах и в Турции, где их распевают потомки выселенных из Испании евреев.

Из романсов и пересказов старых сказаний у позднейших историков (особенно у Марианы, XVI в.) этот эпический материал перешел затем к драматургам XVI—XVII вв., вдохнувших в него новую жизнь. Хуан де Ла-Куэва пишет драмы «Смерть короля дона Санчо», «Освобождение Испании Бернардо дель Карпио» и «Семь инфантов Лары», Лопе де Вега — «Бастард Мударра» и «Юношеские подвиги Бернардо дель Карпио», Гильен де Кастро — «Юношеские подвиги Сида» и «Деяния Сида», из которых первая драма послужила главным источником для корнелевского «Сида». Особенной популярностью пользовалось сказание об инфантах Лары, которое в XVII в. обрабатывали драматурги Уртадо де Велардe, Кубильо, Матос Фрагосо и др.

После почти полного забвения, которому была предана национальная старина в период господства литературных вкусов французского классицизма (XVIII в.), интерес к героическому эпосу ожил снова в первой половине XIX в., в связи с расцветом романтизма. Здесь можно назвать драму Ларры «Граф Фернан-Гонсалес», ранние драмы Соррильи «Санчо Гарсия» и «Кинжал гота» (сказание о короле Родриго) и особенно знаменитую поэму герцога де Риваса «Мавр — подкидыш» (имеется в виду Мударра, герой сказания об инфантах Лары). Даже во второй половине XIX в. можно найти отзвуки старых эпических сюжетов: таковы огромная поэма в 19 000 стихов «последнего романтика» Соррильи — «Легенда о Сиде», представляющая собой

сводку всего, что сообщается о Сиде в романсах, и юношеский исторический роман Бласко Ибаньеса «Граф Гарси Фернандес».

За пределами Испании отражения ее героическогро эпоса относятся главным образом к эпохе романтизма. В Германии Гердер дал поэтическую обработку французского прозаического пересказа испанских романсов, опубликованного в 1783 г. во «Всемирной библиотеке романов» (Bibliothèque Universelle des romans», 2 тт.). Эту обработку Гердера, в свою очередь, перевел на русский язык В. Жуковский. Кроме Гердера, испанские романсы переводили Я. Гримм, основатель романской филологии Фр. Диц и др. Из английских романтиков более всего интересовались испанским эпосом В. Скотт (поэма «Видение дона Родриго») и особенно Саути, давший, кроме поэм «Гарси Фернандес» и «Родриго, последний гот», полный перевод «П. о С.». Отзвуки легенды о короле Родриго мы встречаем и у американского писателя В. Ирвинга. Во Франции Абель Гюго, брат Виктора Гюго, дал перевод огромного количества испанских романсов, из которых два Виктор Гюго, свободно переработав их, включил в свою «Легенду веков».

8

Заканчивая обзор развития испанского героического эпоса и конечных его судеб, вернемся еще раз к его истокам и коснемся вкратце его происхождения. Так как обстоятельное рассмотрение вопроса увело бы нас слишком далеко, приходится ограничить задачу и познакомить читателей лишь с современной научной постановкой этой проблемы.

Прежде всего — в какой степени можно считать испанский эпос оригинальным созданием испанского народа. Ранее уже говорилось (стр. 167), что до последней четверти XIX в. в западноевропейской науке господствовало мнение о заносном, иноземном происхождении эпоса. Его рассматривали как попытку испанских хугларов подражать слышанным ими французским героическим поэмам (стр. 168), притом неуклюжую попытку, ибо, стремясь воспроизвести французскую метрическую систему, они все время ошибались и путали, не говоря уже

об общей грубости и элементарности применяемых ими стилистических средств.

При всей странности этой теории, она на первый взгляд имеет серьезные основания в политической и культурной истории обеих стран. Сколь бы ни было вероятно существование очень древних испанских эпических песен, эпохой подъема и окончательного оформления испанского эпоса является лишь XI в. Но как раз в XI в. начинается сильнейшее влияние французской культуры на испанскую. Альфонс VI Кастильский (1072—1109), упоминаемый в «Осаде Саморы», любил все французское, был дважды женат на французских принцессах, выдал своих дочерей за бургундских графов и баронов. Завоевание им Толедо (1085) привлекло в Испанию множество французских рыцарей и монахов, которые в отнятых у мавров землях получили лучшие наделы и приходы. При Альфонсе был введен французский строй войска и детали вооружения, французский чин литургии (вместо вестготского) и французское начертание букв. В XII в. цистерцианцы заносят в Испанию раннеготическую архитектуру. Около 1150 г. необычайно развивается паломничество французов в Сант-Яго де Компостела, и сама дорога эта, по которой толпами стремятся рыцари, ремесленники, монахи и жонглеры, получает название camino francés — «французская дорога».[1]

К XI—XII вв. относятся многочисленные заимствования в испанском языке из французского, включающие термины по преимуществу рыцарские, религиозные и литературные («жонглерские»).

Само название испанских героических поэм, cantares de gesta — явная копия французского chanson de geste. В испанских поэмах было найдено немалое количество мотивов, ситуаций, стилистических черт (описания поединков, выражение сильных чувств, молитвы, произносимые персонажами в патетических случаях, и т. д.), находящих аналогии во французском эпосе. В частности, «П. о С.» содержит нескрываемые следы влияния «Песни о Роланде». Сюда относятся разные

[1] С наибольшей полнотой материалы по вопросу о французском влиянии на Испанию в XI—XII вв. собраны в работе: P. Boissonnade. Du nouveau sur la Chanson de Roland. 1923, гл. II—V.

сюжетные элементы молитвы Химены (336—370), видение Сида (см. Словарь: Гавриил), воинственная фигура епископа Жерома (см. Словарь: Жероме). Отсюда скалькирована и «проповедь крестового похода», вложенная в уста того же Жероме (см. прим. к ст. 1726—1727). Мало того, мы узнаем целый ряд эпических формул: «видали б вы...», «спешит разить...«, «разите, рыцари...» и т. д. Что касается, наконец, метрики «П. о С.», то Г. Парис считал ее искажением французского 10-сложного стиха с цезурой после 4-го или 6-го слога.

Но от этих наносных черт до вывода об иностранном происхождении всей эпической поэзии испанцев еще очень далеко.

Большинство моментов, общих испанскому и французскому эпосам, объясняется параллелизмом исторического развития этих народов. Но наряду с чертами сходства выступает и глубокое различие между ними. Испанский эпос гораздо точнее, чем французский, отражает исторические события,[1] он неизмеримо реалистичнее и конкретнее его во всех отношениях. Как нарративная часть, так и описания отличаются в нем сухой сжатостью, за которой, однако, ощущается скрытая, напряженная страстность. Религиозные и мистические мотивы, столь распространенные во французском эпосе, в испанском почти совершенно отсутствуют. Точно так же в нем гораздо слабее обозначен собственно рыцарский элемент. Конечно, здесь необходимо проводить различие, учитывая, что разные сказания, развиваясь в различной социальной среде, в разной степени отошли от народной основы, их породившей, подвергшись в одном случае большей, в другом — меньшей степени феодализации. Так, например, предание о графе Гарси Фернандесе и самый образ его проникнуты чисто рыцарскими идеалами чести, то же самое нужно сказать и о многих мотивах сказания об инфантах Лары. Но в применении к большинству других положительных образов испанского эпоса, особенно же к образу Сида, надо признать, что все это — лишь оболочка, которою

[1] Именно этим объясняется почти не находящее аналогий у других народов Европы (если не считать англосаксонских хроник) включение в хроники героических поэм, которые, очевидно, рассматривались как вполне достоверные исторические свидетельства.

прикрыты чувства и идеалы гораздо более широкого характера. Например, в образе графа Фернана Гонсалеса идеалы чести и доблести выражены в столь общей форме, что утрачивают всякую рыцарскую специфику и приобретают глубоко демократический, народный характер.

Это последнее обстоятельство, особенно важное для правильной оценки испанского (практически, по материалу, кастильского) эпоса, имеет глубокое историческое основание. Исходным пунктом должно быть здесь замечание Маркса об особенностях развития испанской государственности в средние века. «Местная жизнь Испании, — писал он, — независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства...».[1]

Из двух крупнейших политических объединений христианской Испании XI—XIII вв., Леоно-Кастильского и Арагоно-Каталонского, первое (после эмансипации Кастилии и перехода к ней ведущей роли на полуострове) отличалось несравненно более прогрессивным и демократическим характером, чем второе.[2] Здесь уже в XI в., если не раньше, начали происходить восстания сервов, массовые побеги крестьян, выкупы на волю. Крестьяне здесь «добиваются частичного освобождения от феодального гнета раньше, чем где бы то ни было в Европе».[3] За свое освобождение крестьянство борется рука об руку с городами. Лозунгом и орудием борьбы тех и других за свои права и вольности становятся так называемые fueros — судебные и правовые

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721—722.

[2] Здесь и дальше я основываюсь отчасти на работах испанских историков (Альтамира-и-Кревса, Бальестерос и др.), но главным образом на замечательных работах русского ученого В. Пискорского: Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. Киев, 1897; Крепостное право в Каталонии в Средние века. Киев, 1907 и др. См. также: Е. Кудрявцев. Испания в Средние века. Л., 1937.

[3] Е. А. Кудрявцев. Испания в Средние века, стр. 104.

кодексы, различные в разных областях и даже округах Испании. В конце XI и в начале XII в. по всей стране прокатилась волна крестьянских восстаний, причем крестьяне, в союзе с горожанами, нередко разрушали замки и даже убивали феодалов, добиваясь новых прав и вольностей. Характерно также, что в условиях реконкисты, когда для каждого кастильского крестьянина было обязательно владение оружием и когда, с другой стороны, все сражавшиеся на коне, независимо от их происхождения, считались рыцарями, в Кастилии образовался обширный слой своеобразного, так сказать «демократического» рыцарства, враждебно настроенного по отношению к феодальной аристократии и тесно связанного своими интересами и убеждениями с народом.

В этом заключается объяснение того резко выраженного демократического характера испанского эпоса, который весьма заметно отличает его от французских chansons de geste.

Стилистически испанский эпос также значительно отличается от французского. Ему свойственны особые приемы характеристик и описаний, иные приемы композиции, свои интонации, свои формулы и общие места, которых нет у французов (в «П. о С.»: «в добрый час рожденный» или «взявший меч», формулы благословения, «три удара, нанесенных врагу» и т. д.).

Что касается, наконец, версификации, то и здесь наблюдается принципиальное различие.[1] В то время как французский героический эпос к концу XII в. постепенно заменяет ассонанс точной рифмой, которая в XIV в. становится в нем обязательной, испанский эпос на всем протяжении своего развития, с X по XV вв., остается верен ассонансу. Но еще существеннее то, что находка фрагмента «Roncesvalles» в связи с известными раньше текстами обеих поэм о Сиде окончательно исключает предположение, что метрика «П. о С.» — «испорченный» десятисложный стих. Сейчас мы должны считать твердо установленным, что единственной метрической формой испан-

[1] См.: R. Menéndez Pidal. La forma épica en España y en Francia. Revista de filología española, t. XX, 1938.

ского эпоса был неравносложный (асиллабический) стих, имевший обычно от 12 до 16 слогов.[1]

Но самой характерной особенностью испанского эпоса, в том, что касается его формы, является весьма небольшой объем древнейших (до XII в.) редакций всех прямо или косвенно известных нам поэм. Путем чрезвычайно остроумных и весьма убедительных подсчетов (основой для которых послужили: фрагменты ассонансирующих строк, вкрапленные в хроники, темпы изложения и объем сюжетов) Менендес Пидалю удалось установить, что древнейшие редакции поэм содержали примерно от 400 до 600 строк. Лишь позже, в начале XII в., возникают поэмы объемом около 1500 строк, а затем — еще более обширные, до 4000 и более. Таким образом, и в этом отношении испанский эпос обнаруживает полную независимость от французских образцов.

Из всего этого следует, что французские жонглеры, впервые попав в XI в. в Испанию, уже застали там какую-то эпическую поэзию. Но были ли это большие поэмы, рецитируемые профессиональными певцами (хугларами), или коротенькие романсы? Этот вопрос, за неимением материала, сейчас не может быть окончательно решен.

Согласно теории, выдвинутой сравнительным литературоведением в первой половине XIX в. и не утратившей своего кредита еще и сейчас, эпос большинства европейских народов пережил две ступени развития. Сначала, в эпоху разложения родового строя, возникли в огромном количестве импровизированные, созданные участниками или свидетелями взволновавшего их яркого общественного или частного события краткие лиро-эпические песни (носящие, в применении к различным народам, разные названия: кантилены, баллады, визы, романсы и т. д.); затем, уже в эпоху феодализма, когда, с одной стороны, созревает чувство национальной солидарности и связанных с ним общих проблем и идеалов, а с другой стороны, для их выражения разрабатывается искусство профессиональных певцов-сказителей

[1] Менендес Пидаль (цит. соч.; см. там же литературу вопроса) склоняется к мысли, что асиллабический стих был нормальной формой народной поэзии во всех романских странах до тех пор, пока во Франции не был выработан силлабический стих, перешедший затем в Италию и Испанию.

(жонглеров, хугларов, шпильманов), — эти баллады и кантилены сменяются эпическими поэмами большого объема и широкого охвата. Преемственность между кантиленами и поэмами отнюдь не сводится — как когда-то думали — к механическому разрастанию первых путем спева их, т. е. соединения нескольких из них вместе, а состоит в органической, полной переработке старого эпического материала путем замены сжатого и отрывочного стиля первых пространным, собственно эпическим стилем вторых. Если для первого стиля характерны эпизодичность сюжета, лаконизм выражения, порывистость, насыщенность эмоцией, то для второго существенны широта подхода к теме, обстоятельность, медленный темп изложения, своего рода «эпическое бесстрастие», обилие прямой речи и т. д.

Долгое время эта теория безоговорочно применялась и к испанскому эпосу; считалось, что романсы — это пережитки той первичной формы эпического творчества, которая породила поэмы типа «П. о С.». Но в 1874 г. полный переворот в этом вопросе пытался произвести Мила̀-и-Фонтанальс, доказывающий в цитированной выше работе (см. стр. 169), что, наоборот, сами романсы в Испании явились продуктом разложения старых героических поэм. В течение примерно полустолетия мнение это было господствующим в испанистике. Однако за последние десятилетия против него был выдвинут ряд весьма серьезных соображений. Было указано на то, что процесс развития от поэмы к лиро-эпической песне — явление, не находящее аналогий ни в каком другом европейском эпосе. Далее, пристальное рассмотрение «старых» романсов в отношении их стиля и композиции показывает, что лишь очень небольшое число их могло возникнуть из поэм, реконструируемых нами на основании «прозификации» их в хрониках. Наконец, было высказано предположение (правда, сомнительное и уж никак не доказуемое), что «ассонансирующие» части хроник восходят не к поэмам, а к романсам — правда, не к тем, которые до нас дошли, а к архаическому, давно исчезнувшему типу их. Словом, сейчас снова приобретает значение точка зрения А. Н. Веселовского,[1] который,

[1] См. литографированное издание его курса «История эпоса», читанного в 1886 г. и опубликованного по запискам М. И. Кудряшева.

признавая, что дошедшие до нас романсы действительно могут быть фрагментами эпических поэм, все же допускал, что «за поэмами» Сида стоят романсы, хотя и не те, которые поются теперь.

Споры на эту тему еще далеко не закончены. Дальнейшее исследование должно показать, какая из двух борющихся между собой точек зрения ближе к истине и не могут ли они в какой-то мере быть объединены между собой.

На возможность последнего указывает установленный Менендесом Пидалем весьма характерный факт очень малого объема древнейших из поддающихся реконструкции поэм, что не могло не сказаться на их стиле. Они во всех отношениях должны были соответствовать тому, что Кер и Гейслер[1] называют «малой» эпической формой, предшествующей «большой» форме развитой поэмы. К их размерам (400—600 строк) приближаются размеры песни о Хильдебранде и Хадубранде, англосаксонских поэм, инкорпорированных в «Саксонскую хронику» («Песнь о Брунабурге», «Битва при Мальдоне» и т. д.), песен Эдды, сербских юнацких песен, некоторых былин, «Слова о Полку Игореве».[2] В стилистическом отношении эти ранние формы эпических поэм, насколько мы можем судить, имели переходный характер между «песенной краткостью» и «эпической широтой».

Но в отношении сюжетного охвата они отличаются от всех других разновидностей «малой» эпической формы, так как их никак нельзя назвать «эпизодическими». Сюжетное содержание их достаточно сложно и обширно, хотя и в меньшей степени, чем содержание французских или немецких поэм. Есть все основания полагать, что в своей самой архаической форме испанские поэмы в отдельных случаях были близки к «эпизодичности». Так, например, поэма об инфантах Лары в ее древнейшей редакции содержала, быть может, только рассказ об их гибели (притом с гораздо более простым началом: не две последовательные ссоры с доньей Ламброй, а одна, и т. д.), поэма о Гарси Фернандесе — лишь вторую часть сказания, и т. д.

---

[1] См., например: В. Жирмунский. Проблемы формы в германском эпосе. Сборник «Поэтика», вып. IV, 1928.

[2] По Ф. Коршу, «Слово о Полку Игореве» содержит 467 стихов.

Довольно значительное сюжетное развитие первоначальных испанских песен-поэм объясняется специфическими задачами, которые стояли перед слагавшими и исполнявшими их певцами, — дать слушателям нечто вроде стихотворной хроники, толкового и по возможности точного отчета о событиях, имеющих серьезное политическое или общественное значение. Если нередко вместо подлинных происшествий в них подставляются новеллистические мотивы, то мотивы эти вводятся лишь как поэтические образы, выражающие действительные исторические отношения, и тон повествования в таких случаях остается по-прежнему деловито сухим и реалистическим.

В общем, если искать соответствий ранним формам испанского эпоса в нашей народной поэзии, то гораздо ближе к ним стоят «исторические песни», чем былины.

Но все сказанное относится лишь к форме испанского эпоса, а не к внутренней его сущности, имеющей корни в исторической действительности, отражением которой он является. Настоящим источником и стимулом к его созданию послужили общественные противоречия эпохи становления феодализма, народные чаяния, оценки антагонистических взаимоотношений и бурных столкновений того времени. Содержание испанского эпоса — как поэм, так, в равной степени, и романсов — сводится к трем основным темам: 1) борьба с маврами, имевшая целью отвоевание родной земли; 2) распри между феодалами, борющимися за личные выгоды за счет простого народа и в ущерб национальному делу; 3) борьба за свободу Кастилии и далее — за ее политическую гегемонию, рассматриваемую как залог окончательного разгрома мавров и как базу национально-политического объединения всей Испании.

«ПЕСНЬ О СИДЕ» КАК ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК

«Песнь о Сиде» дошла до нас в единственной рукописи XIV в., притом крайне неисправной.[1] В самом конце ее имеется указание имени переписчика и точная дата окончания работы. Год 1345 по старинному испанскому летоисчислению соответствует 1307-му общепринятого в Европе исчисления.

Переписчик счел нужным сообщить нам свое имя — Пер (Педро) Аббат; вероятнее всего «Аббат» здесь — не сан, а прозвище. Рукопись является несомненно копией с ныне утерянного оригинала. После Пера другие еще исправили правописание. Хотя рука переписчика четкая, работу его все же следует признать небрежной. Некоторые стихи несомненно выпали, другие переставлены и перепутаны, третьи пропущены, а затем по небрежности вставлены в неподходящее место. Кроме того, рукопись дошла до нас в неполном виде: нехватает начала, и дальше есть две большие лакуны. Для восполнения этих пропусков и перестановок стихов издатели пользуются текстами испанских хроник XIII—XIV вв., которые дают прозаический пересказ «П. о. С», настолько подробный, что в иных местах еще легко различить остатки стихов. Эти интерполяции при вышеописанном состоянии рукописи являются совершенно необходимыми, ибо иначе текст во многих местах окажется фрагментарным и непонятным. Переводчик в этом отношении следовал образцовому изданию Менендеса Пидаля и лишь изредка позволял себе использовать для интерполяции (на наш взгляд,

[1] Рукопись эта ныне находится в библиотеке маркиза Алехандро де Пидаль.

всякий раз с достаточным основанием) другой текст хроники (см., например, примечание к ст. 14а—14б); зато он иногда отбрасывал интерполированные Менендесом Пидалем стихи, когда и без них получался ясный смысл. Все это привело к расхождению в нумерации стихов между данным переводом и изданием Менендеса Пидаля.

Главное различие в нумерации заключается в следующем. Менендес Пираль нумерует не стихи, а строки манускрипта; таким образом, если в рукописи два стиха написаны в одну строку, то они у него идут под одним номером; наоборот, если один стих распространился на две строки, то у Менендеса Пидаля будет два номера. Всего 3735 строк. Между тем Б. И. Ярхо нумерует стихи (а не строки), но только подлинные стихи; те, которые вставлены из хроник, он снабжает номером предыдущего стиха с буквами (14а, 14б и т. п.). Всего — 3773, а с допущенными интерполяциями — 3815 стихов.

Начало поэмы утеряно; Менендес Пидаль восполняет его по «Хронике двадцати королей» (см. примечание к ст. 1а — 12а и Дополнение 1).

Стилистическое и идейное единство «П. о С.» ясно показывает, что она является плодом творчества одного, чрезвычайно одаренного автора, не имеющего ничего общего с позднейшим переписчиком. Но установить личность и имя его нет никакой возможности ввиду отсутствия каких бы то ни было данных.

1307 год никак не может быть признан датою возникновения «П. о С.». «Первая Всеобщая хроника», законченная в 1289 г., уже знает не только полный, но даже несколько более распространенный текст «Песни». Хроники XIV в. пользуются разными рукописями «П. о С.». Таким образом, время возникновения нашей поэмы следует искать далеко позади Пера Аббата.

Латинская поэма, воспевающая взятие Альмерии «императором» [1] Альфонсом VII (1147 г.) и написанная до смерти этого монарха, т. е. до 1157 г., уже опирается на какие-то более ранние песни о Сиде.

[1] Некоторые кастильские короли, притязавшие на суверенитет над всей Испанией, присваивали себе этот титул.

Даже сам Родерик, кого часто зовут «моим Сидом»,
Тот, о котором поют, что врагами он не был осилен,
Тот, что мавров смирил и с ними смирил наших графов,
Вечно его (Альвара Аньеса) возносил и в хвале над собою возвысил.
Я же ту правду скажу, что в грядущие дни не исчезнет:
Первым был мой Сид, а Альвар — вторым по величью.
Дух испустил Родерик, и Валенсия плачет о друге:
Так-то служитель Христа не возмог удержать ее дольше.

Ясно, что поэма цитирует испанский, а не латинский источник; это видно по вставленным испанским словам; кроме того, известные нам латинские источники («Кантилена» и «История») не называют героя «Сидом». Вся ситуация, здесь описанная, совершенно соответствует содержанию «П. о С.»: бои с маврами, с графами (Гарсия Ордоньес, инфанты де Каррион, Беренгарий) и положение Альвара Аньеса в отношении Сида. Если же в 1150 г. о Сиде пелась испанская песнь с аналогичным нашей поэме содержанием, то есть основание предположить, что это и была наша поэма.

Некоторые черты языка «П. о С.» указывают на первую половину XII в.

Кроме того, о графе Раймунде в «Песне» говорится:

3034. Доброму императору был родителем он.

«Добрый император» назван без имени; это, по-видимому, показывает, что данный вариант песни сопоставлен еще при жизни «императора», т. е. Альфонса VII (может быть, еще до взятия Альмерии, 1147г.).

Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что, по словам «Песни», одна из дочек Сида вышла за арагонского инфанта; на самом деле мы знаем, что дочь героя Мария Родригес стала женой барселонского графа. Смешать Арагон с Барселоной можно было лишь тогда, когда они были объединены под властью одного государя, а именно Раймунда Беренгария IV, пасынка Марии (1137—1162). Ничего такого, что бы указывало на более позднюю эпоху, в «П .о С.» не содержится. Напротив, справедливо замечает Менендес Пидаль,

обстановка, изображенная в «П. о С.» даже для конца XII в., уже была устарелой: кортесы состоят еще из одних рыцарей, в то время как при Альфонсе VIII в них уже входили представители городов. Итак, дошедший до нас вариант возник около 1140 г.

Но позволительно спросить, является ли этот вариант исконным или же указанные черты середины XII в. внесены в какую-то более старую песню. Так, например, французская «Песнь о Роланде» в самой древней дошедшей до нас рукописи является перепевом некоего извода; другие же рукописи дают еще более подновленные варианты. В отношении «П. о С.» мы должны дать диаметрально противоположный ответ: дошедший до нас текст есть или самый извод, или вариант, чрезвачайно мало от него отличающийся.[1] Это и не удивительно: сюжет «Песни о Роланде» возник в 778 г., и от этого момента до создания дошедшей до нас формы поэмы прошло триста с лишним лет; сюжет же «П. о С.» не мог возникнуть раньше 1100 г., так что всего сорок лет отделяют его от нашего текста. Но этого мало: рассмотрение текста показывает, что здесь не могло быть даже сорокалетнего периода перепевания. В противоположность «Песни о Роланде», «П. о С.» не содержит никаких внутренних противоречий, не обнаруживает наслоений. С другой стороны, исторические события изображены в ней так, как никогда не мог бы изобразить их современник, а тем более очевидец: слишком много перестановок (см. Указатель: Альменар, Мурвьедро), изменений, прибавок. Таким образом, становится вероятным, что «П. о С.» возникла именно между 1140 и 1150 гг., приблизительно в том виде, в каком она предстает сейчас, т. е. со всеми содержащимися в ней чертами середины XII в.

Очень вероятно также, что автор жил в области, живо помнившей деяния Сида в период его изгнания и последующего величия. Состояние памятника не дает возможности приписать его тому или иному испанскому диалекту, а его содержание позволяет избирать между Старой Кастилией, Сарагосским царством и Валенсией. Менендес Пидаль, после тщательного изучения маршрутов Сида по «П. о С.»,

[1] Даже между рукописью Пера Аббата и вариантом, легшим в основу «Первой Всеобщей хроники», разница гораздо меньше, чем между оксфордским текстом «Песни о Роланде» и другими рукописями.

приходит к заключению, что автора надо искать в районе Мединасели и Сант-Эстеван де Гормас, т. е. в юго-восточном углу Старой Кастильи: лучше всего известны ему география этой местности и события там происшедшие. Деяния Сида в других краях он либо передает очень сокращенно, либо вовсе опускает, либо искажает. Трудное и сложное завоевание Валенсии и ее области занимает в «П. о С.» 130 стихов, а завоевание двух маленьких пограничных местечек в районе Мединасели — Кастехона и Алькосера — 450 стихов. К этому же району принадлежит и место действия центрального эпизода поэмы — Корпес. То же можно заметить и относительно мавританских персонажей. Тогда как мавританские цари вроде Аль-Мостайка или Аль-Мутайна, исторически игравшие огромную роль в судьбе Сида, в поэме даже не упомянуты, Абенгальбон (персонаж, видимо, совершенно вымышленный) занимает в ней весьма видное место, — без сомнения потому, что он изображен правителем Молины, находящейся поблизости от Мединасели.

Мы все время говорим о единоличном «авторе», потому что ничто во всей поэме не дает нам основания предполагать авторство коллективное или, вернее, последовательное (т. е. перепевание), как это, по-видимому, имело место в «Песни о Роланде».

Поэта, создавшего «П. о С.», мы почти с полной уверенностью можем причислить к так называемым хугларам (жонглерам). Основание для этого нам дает одно место из испанской поэмы об Александре Великом (XIII в.), согласно коему «хугларское искусство» (mester de juglari) тем отличается от «ученого» (mester de clerecia), что создает стихи без счета слогов, т. е. не силлабические; а именно такими стихами и написана «П. о С.».

«Хуглария» — это несомненно профессия. Древнее испанское законодательство разрешает отцу лишить сына наследства, если тот без спроса сделается хугларом. Итак, профессия эта как будто была не в большом почете. Однако такое мнение нуждается в оговорке. Те самые документы обычного права, которые объясняют «бесчестными» (enfamados) хугларов, скоморохов и фигляров, публично поющих, пляшущих или играющих за деньги, добавляют: «Но те, что играют на инструментах или поют для самоуслаждения или для удо-

вольствия друзей или для развлечения королей или других сеньоров, оттого не будут считаться бесчестными». По-видимому, увеселители последней категории тоже получали награды от сеньоров, но это не считалось унизительным; вероятно, все зависело от репертуара. Под словом «хуглар» понимались главным образом музыканты, но очень часто скоморохи, а также певцы. Гонсало де Берсео (поэт начала XIII в.), например, совершенно явственно называет «хугларом» поэта-панегириста, воспевающего деяния героя; сам он хочет быть «хугларом» св. Доминика. Правда, для певцов-поэтов имелось особое название secrel (по-провансальски — segrier), но встречается оно редко и только в галисийско-португальских памятниках. Вообще же и эпических певцов обычно называли «хугларами», бесчестие же их не пятнало вследствие почтенного и пристойного содержания их песен, а также (как прямо сказано в законе) благодаря высокопоставленному составу аудитории. Те же документы предписывают хугларам при рыцарях петь только эпические песни о воинских подвигах.

К какой же аудитории адресовался наш певец? К кому обращено столь часто повторяемое «знайте»? Стих 1191 «Песни» гласит:

Плохо дело, сеньоры, если хлеба нету.

Итак, вряд ли певец имеет в виду вильянов. Однако у высших аристократов, у «вельмож» (см. Указатель) его поэма, вероятно, не имела бы успеха: уж слишком явно он выражает свою антипатию к этим кругам; по меньшей мере две трети поэмы посвящены опозорению графа Барселонского и инфантов де Каррион; все они, в конце концов, должны были унизиться перед героем. Этого последнего автор переводит из высшего ранга вельмож (инфантов) в более низкий разряд благородных рыцарей обычного типа («инфансонов», как тогда говорили; см. это слово в Указателе); мы знаем, что сам Сид был женат на внучке Альфонса V и, стало быть, дочери его были правнучками короля. Итак, вышеуказанная трактовка образа Сида представляет определенную социальную тенденцию автора. Положительный социальный слой в «П. о С.» представлен дружиною Сида, его «рыцарями», «кавальеро». Большинство из них идальго (вассалы Сида), есть даже инфансоны (родственники Сида); но иные стали

«кавальеро» только на войне, раздобывшись конем при удачном набеге (ст.1226). К пешей части войска, к «вильяно», певец относится пренебрежительно: «Знайте, что не в счет идет у них пехота» (ст. 931). Поэтому правильнее всего будет предположить, что поэт адресовался в первую очередь к демократически настроенным низам рыцарства, ущемленным высшей аристократией, а также к тем активным кругам горожан и состоятельного крестьянства, которые в своей патриотической борьбе за освобождение родины и объединение ее смыкались с названным мелким рыцарством.[1]

Автор же — «хуглар» высшего, не «презренного типа» — либо сам происходил из рыцарских кругов, либо тесно сжился с ними и для них творил.

Последняя приписка к рукописи Пера Аббата показывает, что в начале XIV в. «П. о С.» читалась вслух. Сотрудники Альфонса X, составлявшие вместе с ним «Первую Всеобщую хронику» (1289), может быть, тоже пользовались писаным текстом, но, вернее, еще слышали рапсодов. Варианты сюжета, отличающие их текст от нашей «Песни», говорят скорее за первоначальное устное ее распространение, а не за переписывание (см., например, Словарь: Фелес Муньос). А частые ссылки «Хроники» на то, что «люди говорят в своих песнях», прямо указывают на пользование устными источниками.

Большие трудности представляет проблема метрики «П. о С.». Вопрос этот, дебатирующийся более ста лет и вызвавший самые разноречивые ответы, до сих пор не может считаться решенным. Во всяком случае, подавляющее большинство исследователей согласны сейчас в том, что должны быть решительно отвергнуты как старинное предположение Г. Париса о том, что размер «П. о С.» есть искажение силлабического стиха (эндекасилаба с ассонансами и с цезурой после 4-го слога) французского эпоса, так и мысль о принадлежности ее размера к какой-либо другой силлабической или метрико-тонической системе, т. е. к системе р а в н о с л о ж н ы х стихов. Мы явно имеем

[1] Характерно, что и автор латинской «Кантилены» (19) обращался к тем, которые «верили в мощь» Родерика, т. е. так или иначе связывали с ним свои чаяния, и, очевидно, не к знатным людям.

перед собой образец той древней испанской (иберийской) нерегулярной (неравносложной) метрики, которая господствовала в старинной испанской поэзии до проникновения в нее иноземных влияний. Организующим принципом этой метрики, находящей аналогию в старинном русском дольнике, является логически и ритмически закономерное чередование ударений, разделенных неравным числом безударных слогов. Б. И. Ярхо сделал попытку уточнить эту формулу, примененную им практически при переводе «П. о С.» на русский язык. Привожу основные положения, изложенные им в докладе, зачитанном им в 30-х годах и оставшемся неопубликованным.[1]

Советский ученый видит в стихе поэмы четырехдольник (2 + 2) с цезурой после второго удара, т. е. чисто тонический стих, основанный на счете ударений при произвольном количестве слогов. При этом наблюдается уклон к добавлению одного гиперметрического ударения (максимум в 25% стихов). Уклон этот сильнее во 2-ом полустишии, в то время как первое иногда (5%) снимает одно ударение. Такты заполняются безударными слогами в зависимости от манеры чтения или рецитирования, как в русских былинах. Разница только в том, что в былинах количество безударных слогов, будучи совершенно свободным, произвольно увеличивается или уменьшается путем введения или выбрасывания семантически невесомых словечек (как, ли, все, нунь) или при помощи вставки паразитических слогов («жил-э был Сеслав да он состарился»); в испанском же стяжение и растяжение достигается синерезой и диэрезой при встрече гласных (зиянии). Анакруза свободна. Клаузула зависит от ассонанса.[2]

Со строго силлабическим стихом романсов (7-сложная база), восходящим, как думают, к вульгарно-латинской метрике, этот исконно испанский «нерегулярный» стих, как мы видим, не имеет ничего общего.

---

[1] По сообщению самого Б. И. Ярхо, незадолго до него несколько иными путями к сходным выводам пришел Геере в статье, опубликованной в Neophilologus (XV, 1929—1930, стр. 178—183) и ставшей известной ему лишь по пересказам. Нам эта статья также осталась недоступной.

[2] В соответствии с принципами изложенной метрической системы — не без некоторых уступок навыкам русской народнопоэтической речи — и выполнен публикуемый нами перевод.

Вымысел своеобразно сочетается в «П. о С.» с исторической действительностью. Целиком вымышленною является, по-видимому, вся история первого, несчастного замужества дочерей Сида (см. Указатель: Эльвира и Соль). То же относится и к эпизоду сундуков с песком, заимствованному из новеллистической литературы эпохи. Зато эпизод со львом не столь фантастичен, как это многие думают, в нем может заключаться черта бытовая: еще в XVI в. в княжеских домах держали львов и тигров в клетках.

Вообще же не следует преувеличивать точность «П. о С.». в отношении фактов. Автор довольно свободно обращается с географией, сливает вместе или переставляет события, по своему произволу выдвигает на первый план одни личности и замалчивает другие, иногда при этом искажая имена. Чрезвычайно широко применяется концентрация действия, ради которой многое опущено. Вовсе не упомянуто большинство как мусульманских, так и христианских противников или союзников Сида. Зато прибавлены неизвестные истории персонажи: Тамин, Фарис, Гальве, Абенгальбон (см. Словарь). В качестве противника, даже вступающего в единоборство с Сидом, выведен сам Юсуф-ибн-Тешуфин (см. Словарь: Юсуф). который, как известно, с Сидом никогда не встречался.

Некоторые события переставлены: взятие Альменара и Мурвьедро помещены перед осадой Валенсии; быть может, причина этого — градация подвигов по степени их важности? Вообще трудно сказать, является ли хоть одно из этих смещений композиционным приемом. Вернее всего, концентрация и умолчание в огромном большинстве случаев — результат забвения и путаницы, происшедших в течение сорока-пятидесяти лет, пока рассказ ходил из уст в уста. Война с Юсуфом могла возникнуть из преувеличенного представления о мощи Сида, единоборство же, весьма возможно, — плод подражания французским жонглерам, любившим сводить в битве главных вождей (Роланд и Марсилий, Карл Великий и Балигант).

Прибавки нельзя отбрасывать безоговорочно: нужно помнить, что исторические источники наши далеко не полны и не безупречны. Так, например, рассказы о некоторых мелких набегах Сида, наверное, сильно пополнят исторический материал.

Многие сокращения и изменения, весьма возможно, произошли и оттого, что выпущенные эпизоды были неинтересны для автора в связи с его концепцией «Песни» как поэмы успеха и удачи: ему важно было показать, как Сид от бедности переходит к богатству, как он начинает с вынужденного обстоятельствами плутовства (заклад сундуков с песком), переходит к удачным набегам, затем к взятию и укреплению городов, — весь путь Сида от унижения к почету и торжеству над знатнейшими грандами.

От других больших памятников западноевропейского средневекового эпоса «П. о С.» отличается рядом существенных черт, общих всему испанскому эпосу и составляющих его своеобразие. В противоположность трагически-героическому тону французского и немецкого эпоса, в «П. о С.» господствует радостно-героическое восприятие жизни. В корне отличается также манера видеть вещи и ощущать происходящее, чуждая какой-либо приподнятости, идеализации, экзальтации, но пронизанная трезвым реализмом, здравым смыслом, своего рода практицизмом. Ни на минуту не упускается из виду материальная сторона, ее хозяйственные и деловые потребности: прокорм дружины Сида, ее снабжение, расчет всякого рода. «Добыча», «достаток», «нажива» — вот слова, много раз повторяющиеся в поэме, как понятия законные, естественные, разумные. Кроме нескольких мало выразительных случаев (разрубание врага пополам, ветви деревьев, доходящие до облаков, и т. д.), гиперболы почти совсем отсутствуют. Характерная черта: вражеские вожди не раз бывают побеждены не героями, а массой.

Без элемента религиозности средневековый эпос, — особенно рисующий нам борьбу христиан с мусульманами,— конечно, не мог обойтись. Но это не пылкая, воинствующая религиозность «Песни о Роланде», полная мистических устремлений, а спокойная, привычная, вросшая в быт вера, не имеющая ничего общего с фанатизмом и экзальтацией. Этому умонастроению чужда также всякая метафизическая, богословская мысль, как чужда и всякая экстатическая созерцательность: в ней преобладает моральное и бытовое начало, как выражение морального и бытового уклада жизни, принимаемого со спокойным доверием, без углубленного размышления. В связи со сказанным находится и то, что идея крестового похода совсем отсут-

ствует в поэме. Не ощущается никакой предвзятой враждебности к «язычникам», нет очернения их, которое с такой силой наблюдается во французском эпосе. Напротив, на каждом шагу подчеркивается наличие среди мавров достойных и честных людей (яркий пример — образ Абенгальбона, столь выгодно контрастирующий со «своими» же земляками, подлыми Каррионами), возможность мирного сотрудничества людей разных наций и религий. Воюя с маврами, Сид вместе с тем постоянно торгует с ними, заключает соглашения, покровительствует им. «П. о С.» — ценный историко-культурный документ, показывающий, до какой степени в эту эпоху были переплетены между собой государственные учреждения, военное дело, одежда, законодательство, многие понятия и обычаи частной и общественной жизни обоих народов, насколько во всем этом не было и тени антагонизма, разожженного впоследствии абсолютизмом и его верной прислужницей — фанатической церковью в XVI—XVII вв.

Средневековая Испания поры реконкисты была мало похожа на сложившуюся о ней впоследствии «черную легенду».

Охват разных сторон жизни в нашей поэме шире, чем в большинстве других европейских эпопей. Мы встречаем в ней не только воинов, но и их жен, детей, горожан, монахов, евреев, описания поездок, браков, частных встреч и собраний, освоения и организации отвоеванных областей. Но при этом рыцарская роскошь и феодальная пышность, типичные для эпохи, изображены гораздо более скупыми красками, чем, например, в «Нибелунгах» и во многих французских поэмах: праздничное оттеснено каждодневным, более близким и понятным для простых людей.

Характеры главных персонажей очерчены выразительно и вместе с тем достаточно разнообразно. Образ Сида доминирует в поэме. Он не столько воин, — ибо никогда не начинает кровопролития без надобности и в этом смысле его можно бы назвать даже миролюбивым, — сколько устроитель жизни, хороший хозяин и добрый семьянин. Достоинства его — не в рыцарских добродетелях, а в степенности, справедливости, рассудительности, умеренности, известного рода добродушии, нередко проявляющемся в его юморе (см. особенно эпизод с «кормлением» взятого в плен графа Беренгария).

От образа центрального героя падают отсветы и на другие положительные образы поэмы, проникнутые духом мужества, моральной стойкости и вместе с тем терпимости. Но это единство нравственного идеала не исключает известных индивидуализирующих вариаций, которые свидетельствуют о немалом мастерстве автора. Возьмем, например, типы трех главных вассалов — помощников Сида: плутоватый, беспечный, самого короля не ставящий в грош, Мартин Антолинес; правая рука Сида, всегда первый при нападении, уважаемый всеми, искусный дипломат, почтительный с дамами, бережливый и рассудительный Альвар Аньес; грубоватый и неразговорчивый, а вместе с тем крайне деликатный, по храбрости же превосходящий самого Сида, Педро Бермудес.

Из женских образов, очень немногочисленных в поэме, хорошо обрисована донья Химена — воплощение душевной стойкости, кроткого терпения и преданности мужу.

С некоторой наблюдательностью очерчены и коллективные персонажи: вассалы, готовые разойтись по домам после дележа, радующиеся вестям с родины (тирада 5), ликующие по случаю богатой наживы; даже мавры, горюющие при расставании с Сидом (черта, отвечающая действительности, ибо в хрониках не раз отмечается, что в местах стоянки Сида мавры сильно наживались от перепродажи его добычи).

Но особенно показательно для правдивого искусства нашего автора то, что он умело соединяет в своих персонажах положительные и отрицательные черты. Ненавистные ему трусливые инфанты все же отличные наездники (ст. 2377) и красивы собой (ст. 3362); евреи, хоть и не прочь поживиться, но не требуют лишнего и сами щедро вознаграждают посредника, как подобает солидным коммерсантам (а щедрость в глазах нашего автора — высшая добродетель). «Песнь» не чужда и описания душевных движений: так, в графе Раймунде борется родовая спесь с голодом и жаждой свободы, а радость освобождения — с неуверенностью в добродушии Сида. В душе Сида лояльность по отношению к королю совмещается с глубоким к нему недоверием. В тираде 131 описывается беспокойство и горе Муньоса, его страх и негодование — целая гамма чувств.

Всесторонний анализ «П. о С.» убеждает нас в том, что это произведение зрелого искусства, представляющее собою и в идейном отношении и в отношении поэтической формы весьма своеобразный и ценный вариант народного эпического творчества.

«П. о С.» оставила глубокий след в национальной испанской литературе, затронув также и поэзию других европейских народов. В связи с «прозификацией» последовательных версий поэма оказала воздействие на значительное число старых хроник, начиная с латинской «Жизни Родерика» (около 1110 г.) и «Первой всеобщей хроники» (конец XIII в.), кончая прямо или косвенно восходящими к ней поздними (XV в.) компиляциями: «Хроника двадцати королей» и «Частная хроника Сида»; однако с XVI в. и до конца XVIII в. облик Сида — завоевателя Валенсии заслоняется сказанием о его юношеских подвигах, как они описаны в «Родриго» и соответствующих романсах. Сама «П. о С.» оказалась надолго и прочно забытой, и забвение это длилось до 1779 г., когда текст ее был найден и издан по единственной рукописи Томасом Антонио Санчесом. Однако в течение более чем полувека после этого, до середины XIX в., отзывы о ней в Испании оставались скептическими и холодными. Раньше, чем у себя на родине, поэма была оценена иноземными, в частности английскими романтиками: Саути (1808 и 1813), Халлемом (1818) и др. Второй из них объявил поэму «превосходящею все, что было написано до Данте», — суждение, которое повторил в 1849 г. известный историк испанской литературы Тикнор. Восторженно отозвались о «П. о С.» и немецкие романтики, в частности Фр. Шлегель (1811) и особенно крупнейший ученый испанист Фердинанд Вольф (1831, в статье, переизданной в 1859 г.). Правда, в ту пору жемчужина французского эпоса «Песнь о Роланде» еще не была известна. Однако опубликование ее в 1837 г. не затмило славы «П. о С.», которая во второй половине XIX в. и далее в XX в. — до наших дней — продолжала и продолжает укреплять свою репутацию, привлекая как в Испании, так и за ее пределами все большее число ценителей и исследователей.

КОММЕНТАРИИ К «ПЕСНИ О СИДЕ»

1а—12а. В рукописи недостает начала — по-видимому, строк 50 (иначе говоря, исчез первый лист), где рассказывалось о причинах изгнания Сида, как они изложены в «Хронике двадцати королей» (см. перевод соответствующего отрывка этой хроники в Дополнении 1). Здесь мы ограничились необходимой вводной фразой, также реконструированной по хроникам.

4. Нашесты употреблялись для развешивания платья, а также для домашней живности, в том числе и для охотничьих птиц.

— Шубы — см. Словарь: Одежда.

5. Соколы и ястребы, уже пережившие критический период линяния (когда птица могла заболеть или умереть), ценились дороже. Эти соколы, как ценный подарок, упоминаются и во французском эпосе, откуда, вероятно, и заимствован этот образ.

11—13. Сид здесь гадает по полету птиц — обычай, сохранившийся еще со времен римского язычества. Полет птицы слева — дурной знак. То, что исторический Сид верил в это гадание (ауспиции), подтверждается ругательным письмом графа Беренгария к Сиду: «...Видим также и знаем, что горы, и вóроны, и воро́ны, и копчики, и орлы, и все почти виды пернатых — твои боги, ибо больше *ве́ришь ты в их пророчества, нежели в господа» (см. Дополнение 2).*

14а—14б. Здесь вставка необходима по смыслу поздравления, радостной вести (отрицание дурной приметы). Мы вставляем два стиха, которые даны с ничтожным изменением в «Первой Генеральной хронике».

28. Эти кары являлись мерою исключительной строгости. Ослепление применялось лишь к самым тяжким уголовным преступникам, а имущество изгоняемых далеко не всегда подвергалось конфискации.

98. После 98-го стиха стоит 100-й, повторенный здесь по ошибке писца.

99—100. Евреи в замке — см. Словарь: Рахиль и Иуда.

112—113. Это обвинение встречается только здесь. Ни «История Родерика», ни «Кантилена» его не знают, а хроники следуют за «Историей». Не исключена,

однако, возможность, что это и было одним из обвинений, возведенных на Сида его врагами. Согласно «Песни», обвинение — ложное, ибо Сид уходит из Бивара бедным.

179. Кафтан — см. Словарь: Одежда.

182а—182б. Мы интерполируем всего два стиха (а не три, как Менендес Пидаль), ибо текст хроники дает два коротких предложения, возникших, вероятно, из двух стихов.

191. И просьба Антолинеса дать ему «на чулки» (т. е. на чай), и самая уплата этого куртажа опущены хрониками.

265. Менендес Пидаль толкует aduzenlas — «приносят» и добавляет «на руках», ссылаясь на то, что дочери Сида «малолетки», и на то, что отец берет их на руки в ст. 278. Мы не решаемся следовать за этим толкованием и признать, что автор «П. о С.» представлял себе этих дочерей такими крошками, которых еще носят на руках. Вероятно, речь здесь идет не о фактическом возрасте дочерей, о котором мы ничего не знаем, а о трактовке его в «П. о С.». После изгнания Сид три года покоряет мелкие города (см. ст. 1182), а через девять месяцев берет Валенсию (ст. 1222); почти немедленно инфанты де Каррион выражают свое желанье жениться на его дочерях (во время пребывания Альвара Аньеса в Вальядолиде); через три недели после этого (1986) происходит сговор, а затем вскоре и свадьба и брачное сожительство. Итак, если младшей было не меньше десяти лет к моменту свадьбы, то во время прощания ей должно было быть не меньше шести. Отец мог взять ее на руки от великой нежности, но вряд ли ее носили на руках.

270. Бородою славный — ибо никто еще не осмеливался оскорбить Сида, коснувшись его бороды рукой (см. ст. 3320).

300. Растет ему цена. По староиспански выражение «стоить дороже» означало «повыситься в глазах людей», приобрести больший почет, большее уважение; соответственно этому «стоить дешевле» означало «потерять престиж» и даже прямо «потерять честь», «быть обесчещенным». Если один рыцарь хотел опозорить другого, он заявлял, что тот «стоит дешевле» (см., например, ст. 2549).

335—370. Молитва Химены. Манера вставлять молитвы в героический эпос перешла из французских поэм. В «Песни о Роланде» (ст. 3100) есть молитвы, весьма сходные с этой по выражениям:

Истинный бог, будь обороной нам.
Ты, наш отец, что в оны времена
Иону спас из чрева у кита
И сохранил Ниневию от зла,
Ты освободил Даниила из рва...
и т д.

Или еще (ст. 2384):

О, отче наш, воистину нелживый,
Лазаря встарь от смерти воскресивый,
Спасший от львов пророка Даниила...

364—365. Имеется в виду рассказ апокрифического «Евангелия» Никодима, согласно коему Христос между смертью и воскресеньем спустился в ад, сковал Сатану и вывел из преисподней библейских патриархов, пророков и вообще праведников.

423. См. Словарь: Пехота. Кроме того, не считаются «мужественные люди» (omnes valientes); очевидно, имеются в виду главные бойцы, которые являются начальниками, вроде Альвара Аньеса и т. п. Отсюда — наш перевод. При буквальном переводе оказалось бы, что среди трехсот рыцарей Сида нет мужественных людей.

429. Эта фраза — вряд ли угроза по отношению к дону Альфонсу; вернее, ее следует понимать как ожидание пополнения сил разными искателями приключений и легкой наживы.

484. Трое среди всадников — это Альвар Альварес, Альвар Сальвадорес и Галинд Гарсиас (ст. 448—449); сам Альвар Аньес не сосчитан (см. ст. 423).

514—515. «Первая Генеральная хроника» (гл. 853) дает такое толкование словам Минайи: «Очень благодарил Альвар Аньес Сида за то, что тот ему предлагал; но сделал это Альвар Аньес для того, чтобы Сид делился с ним в других случаях».

518—519. Буквальный перевод: «Что к королю Альфонсу придет его дружина», что он причинит ему зло со всею его (или своею?) дружиной — masnadas. Благодаря обилию личных местоимений текст становится настолько непонятным, что эта непонятность, по-видимому, вызвала путаницу даже в «Первой Генеральной хронике» (гл. 853): «И Сид тоже, увидев, как ему повезло с самого начала, набрался по этой причине большой смелости в своих делах и послал сказать королю дону Альфонсу, что раз он его таким образом изгнал из страны, то и он сослужит ему плохую службу с тою дружиной, которую он ведет с собой». А затем, в гл. 854, Хроника парафразирует речь Сида (см. ст. 540—542 и 548), из которой явствует, что Сид боится короля. Это противоречие можно устранить только таким истолкованием ст. 418—419: «Король соберет дружину и нападет на людей Сида».

538. Мирные мавры — заключившие договор с Кастилией и откупившиеся от нападений. По-видимому, Сид нападает на данников своего короля.

708. Два главных стяга — по числу царей. Главный стяг — это, прежде всего, знамя главнокомандующего; но кроме того, у начальников отдельных отрядов, у крупных вассалов были свои знамена; таково, например, знамя Альвар Аньеса в ст. 492.

848. Angosto может означать и «тесный» и «скудный». Мы предпочитаем первое значение из-за ст. 847, ибо в «изобильной» земле точно так же пришлось

бы защищаться от врагов. Кроме того, «теснота» земли объяснена ниже, в ст. 851—853.

874. Живя в Алькосере и грабя окрестности, Сид и его дружина сравнительно дешево сбывали награбленное на местном рынке. Поэтому города оказывали слабое сопротивление такого рода бандам и охотно платили им небольшую дань в расчете на большую поживу за счет соседей. Так было, как отмечает Менендес Пидаль, и в Валенсии после занятия ее Сидом в 1094 г.

888а. Интерполяция продиктована словами «в этом споре» (ст. 889) и взята из «Первой Генеральной хроники».

976. У графа Беренгария (см. Словарь: Раймунд Беренгарий) был племянник, сын его сестры Инесы. Этот племянник в 1078 г. был заложником у Мотамида, царя Севильского, в обеспечение договора с графом о помощи при взятии Мурсии. Сид мог видеться с ним в 1079 г. в Севилье, но так как речь идет об оскорблении, нанесенном при дворе графа, то здесь, быть может, имеется в виду какое-нибудь не засвидетельствованное историей событие 1081 г.

977. Край подзащитный — земли Аль-Хаджиба, союзника барселонского графа (см. Дения, Сарагоса), заплатившего Беренгарию за то, чтобы тот освободил его от Сида.

1006—1007. Седла легкие (coçeras) противопоставлены «галисийским», снабженным, вероятно, более высокой лукой и сообщавшие бóльшую устойчивость всаднику.

1025. «История Родерика» рисует обращение Сида со своим пленником несколько иначе: «Граф же Беренгарий, видя и сознавая, что господь поразил и сокрушил его и что он предан в руки Родерика, — смиренно умоляя о милосердии, предстал перед Родериком, сидевшим в своей ставке, и многими просьбами просил снисхождения. Родерик же не пожелал принять его благосклонно и не позволил ему сесть рядом с собою в ставке, но повелел своим рыцарям сторожить его вне палатки; однако же заботливо приказал, чтобы ему щедро отпускали пищу». Затем Сид, выздоровев от раны, отпускает графа на волю, определив выкуп его и Гиральда Алемана по 80 000 марок золотом. Остальных, в особенности неимущих (которые хотели заложить детей и родственников), Сид отпускает без выкупа.

1049. «История» называет четырех главнейших рыцарей, захваченных вместе с графом: «Убив и умертвив огромное и бесчисленное множество их (барселонцев), захватили, наконец, и самого графа и пленного вместе с пятью с лишним тысячами его людей, тоже захваченных, привели к Родерику. Родерик же приказал некоторых из них, а именно дона Бернальда, Гиральда Алемана, Раймунда, Муронова сына, Рикарда, Гвилельмова сына, и нескольких других и бесчисленных знатнейших людей, содержать вместе с этим графом и охранять неусыпною стражею в особом месте». В «Первой Генеральной хронике» названы другие имена. «Частная хроника Сида» (гл. 106) приписывает пленение графа самому Сиду: «Мой Сид увидел, где граф стоял... и поскакал к нему и так уда-

рил его копьем, что свалил на землю... и тогда граф был взят в плен». Это — плод «героического развития» сказания.

1077—1078. Рыцари Сида, очевидно, снимали с пленных все мало-мальски ценное платье; это было обычным явлением в средние века. Например, из Лиутиранда Кремонского («Антоподосис», II) мы узнаем, что даже знатных пленников раздевали до рубашки.

1098. Деянья — la gesta. Мы перевели «деяния» по основному значению слова, которое присуще ему в большом количестве староиспанских памятников. Здесь же оно (как установил еще Мила́) является синонимом «песни» (cantar), что явствует из заключительных стихов этой части поэмы (ст. 2307); очевидно, эти два термина употреблялись без различия, когда речь шла об эпическом стихотворном произведении.

1194. Имеется в виду посольство к Юсуфу в 1093 г., когда альморавидский царь послал зятя, но тот не посмел выступить против Сида и ушел ни с чем (см. Словарь: Атлас).

1200. В 1091 г. в войске Сида было до сорока арагонских рыцарей.

1221. Сид два раза давал валенсийцам срок для посылки за помощью: первый раз в августе 1093 г. на один месяц, второй — в июне 1094 г. на две недели. В первый раз они посылали к Юсуфу (см. выше), во второй — к царю Сарагосы и альморавидскому правителю Мурсии; оба раза — неудачно. Вообще предоставление осажденным срока для призыва на помощь являлось почти что обычаем в войнах с маврами. Два таких случая засвидетельствованы в XII в. при Альфонсе VII. Менендес Пидаль указывает на древность этого обычая, приводя пример из Библии (1-я Кн. Царств, II), где Ноас Аммонитянин осаждает Иавис: «И сказали ему старейшины Иависа: „Дай нам сроку семь дней, чтобы послать нам послов во все пределы израильские, и если никто не поможет нам, то мы выйдем к тебе“». Саул освобождает Иавис.

1226. «Кавальеро» — значит и «всадник», и «рыцарь». Здесь, очевидно, больше подходит первое значение: правда, с приобретением коня не только изменялось вооружение, но повышалось и социальное положение, и доля в добыче (см. ст. 523—524); однако же «рыцарем», т. е. «идальго» или «инфансоном», пехотинец еще не становился: он был «всадником-вильяном» — неблагородным.

1233. См. ст. 708 и Словарь: Алькасар.

1235. Севильского «царя» в то время не было, так как альморавиды в 1091 г. овладели Севильей и посадили там губернатором Сира бен Абу-Бекра. Кроме того, Сид не вел войны с Севильей ни в то время, ни раньше, когда там были цари.

1257. Неотлучное пребывание Альвара Аньеса при Сиде в Валенсии — вымысел (см. Словарь: Альвар Аньес).

1267. Вассал, который покинул своего сеньора, формально не объявив ему о том и не поцеловав руки, считался предателем.

1321. Буквальный перевод: «дали ему в Валенсии, отчего он мог быть богат». Очевидно, обеспечили его доходом; слова «в Валенсии» означают, что доход шел с земельного участка в этой области.

1350. Пять раз победил, рубясь в открытом поле. — Менендес Пидаль считает это ошибкой певца и насчитывает всего четыре битвы: с Фарисом и Гальве (тирады 34—40), с Беренгарием (тир. 58), с валенсийцами (тир. 68) и с севильским «царем» (тир. 75). Но, быть может, имеется еще в виду битва под Алькосером (тир. 29), которая тоже происходила в открытом поле. В цикле Сида пять побед являются «эпическим числом»: в «Родриго» (ст. 422) Сид клянется одержать пять побед на поле бранном; в «Частной хронике Сида» (гл. 2) Сид побеждает пятерых мавританских царей.

1381. «История Родерика» о втором изгнании Сида повествует так: «Король же, выслушав такого рода ложное обвинение, подвигнутый и распаленный величайшим гневом, немедля приказал отнять у него (Сида) все замки, деревни и земельные владения (а может быть, почести — honores)». Об этой конфискации здесь, очевидно, и идет речь. В другом месте там говорится: «А также приказал... жену его и детей, связанных, со всею жестокостью бросить в темницу». «Песнь» представляет положение Химены и дочерей совсем в другом свете.

1539. Этот обычай неоднократно засвидетельствован в испанских хрониках. Еще в XVI в. Антонио де Гевара говорит: «Мавры... при встрече целовали друг друга в плечо, а при расставании — в колено» (Менендес Пидаль).

1568. У вполне снаряженного рыцаря было три лошади: боевая (cavallo en diestre, старофранцузское destrier), дорожная (palafré, старофранцузское palefroi) и вьючная, которая чаще всего заменялась мулом. Мул вез доспехи, а palafré — рыцаря, который пересаживался на боевого коня перед самым сражением. Последний, шедший до места боя порожняком, в старину у нас назывался также «заводным» (т. е. запасным).

1597. Воинские забавы заключались в скачке и, главным образом, в метании копья (bofordar) в деревянные доски (tablaclos), служившие мишенью (см. ст. 1622 и 2280).

1635а. Интерполяция не является безусловно необходимой, но «Хроника двадцати королей», парафразирующая это место «Песни», дает здесь добавочную ассонирующую фразу, которая сама укладывается в стих.

1651. Единственное место в «П. о С.», где мавры названы «неверными», и вообще единственное место, указывающее на отрицательное отношение к чужой вере.

1678—1680. Барабаны африканских (берберских) войск производили сильное впечатление и на крестоносцев. То же — в «П. о С.» (ст. 2377—2379). В «Песни о Роланде» (ст. 3137) упоминаются барабаны в армии египетского эмира. Арабские источники единогласно отмечают страх, который нагоняли на христиан барабаны Юсуфа в битве при Саграхас (1086 г.).

1683. Сид перед торжественным обещанием берется за бороду, как бы клянясь ею. См. Словарь: Борода.

1702. «Первая Генеральная хроника», гл. 925: «Альвар Сальвадорес, преисполнившись великого желания убивать мавров и думая, что дамы на него смотрят, поскакал далеко впереди других и врезался в середину мавров; он не получил помощи и был взят в плен» (более куртуазный вариант).

Там же далее говорится, что смельчак был найден целым и невредимым в захваченной испанцами царской ставке и затем освобожден, о чем в «П. о С.» не упоминается.

1726—1727. Обычная проповедь перед крестовым походом. В «Песни о Роланде» (ст. 1133) архиепископ Турпин таким же образом ободряет франков:

Я испрошу отпущенье для всех.
Умрете вы — воспримете венец,
Во внешнем раю сумеете воссесть.

1765. Буквально: «Лицо его все в складках (морщинах)». Употреблено дважды (см. ст. 2467) для обозначения радости: очевидно, складки — от смеха или улыбки.

1820. Это — принятая в средние века церковная десятина, подать в пользу церкви (библейского происхождения).

1964. Имеется в виду король, который «стоит больше» вассала, т. е. заслуживает большего почета (см. прим. к ст. 300).

2123. Обмен мечами засвидетельствован в средние века как знак примирения и братания, но не как свадебный обряд.

2196. В действительности дело обстояло далеко не так. Как передает «История Родерика», во время опалы Сида (1089 г.) «Родерика покинули многие из его рыцарей и перешли в королевский лагерь».

2369. Здесь в рукописи утерян лист (около пятидесяти стихов). Следуя Менендесу Пидалю, мы восполняем пропуск прозифицированным текстом по «Хронике двадцати королей».

2406. Речь идет о бенедиктинском ордене, точнее, о его клюнийском ответвлении, к которому принадлежал Жероме (см. Словарь). Из монастыря Клюни (основан в 910 г.) берет начало движение, преследовавшее цели установления теократии. Организационно это движение, охватившее огромное число влиятельных монастырей во Франции, Германии, Италии и Испании, выражалось в том, что все они признавали главенство Клюни, настоятель которого в XII в. получил прозвище «аббата аббатов».

Политическое влияние клюнийцев, составлявших как бы орден в ордене, было огромно.

2408. Герб — вернее, «эмблему». Родовых и земельных гербов, по-видимому, еще не было в Испании в XI в. Однако это уже не простой отличительный знак, судя по тому, что на флажке у епископа изображен посох. На позднейших

епархиальных гербах мы всегда видим посох и митру. Таким образом, знак уже имеет смысл, является «эмблемой» и индивидуальным гербом (см. «Песнь о Роланде», ст. 3090).

В 1147 г. в битве при Альмерии леонские рыцари носили на щите изображение льва (Леон). В XIII в. уже все испанские королевства имеют гербы, и появляются гербы фамильные.

2464. В тексте — явно испорченное место: «Пришли к палаткам, где находился рожденный в час добрый» (написано в две строки). Переводим согласно исправлению Менендеса Пидаля.

2487. Этот стих явно неуместен после 2486. Менендес Пидаль переставляет его после ст. 2469 (по его счету, после ст. 2437); но нам кажется, что наиболее логично перемещение после ст. 2480.

2555—2556. Эти стихи по ассонансу и по смыслу принадлежат тираде 123.

2584. Ricos omnes означает и «вельможи» и «богатые люди», так что возможен и такой смысл: «Вечно будем богаты при именье таком».

2596. Дословно: «Введем их во владение брачным даром, который мы даем им в честь». Брачный дар давался мужем жене и, по леонскому праву, составлял половину земельного имущества мужа. Этот дар (по-латыни arrhae, donatio propter nuptias), согласно часто встречающейся формуле, давался «в честь» непорочности, или красоты, или любви новобрачной.

2598. Менендес Пидаль думает, что здесь говорится все о том же брачном даре, который составлял обязательное наследство детей данной жены. Но, судя по ст. 2597, речь идет вообще об имуществе инфантов, которое, конечно, при нормальных условиях должно перейти к потомству.

2693. «Первая всеобщая хроника», передавая (в гл. 933) эту часть «Песни», совершенно опускает заговор инфантов против Абенгальбона (который там назван царем Абенканьоном), очевидно считая этот эпизод слишком неправдоподобным. И в самом деле, находясь на мавританской земле с небольшою свитою, могли ли инфанты думать о безнаказанном убийстве алькальда, располагавшего двумя сотнями всадников?

2797. Весь эпизод с отысканием дочерей Сида совсем иначе рассказан в «Первой Всеобщей хронике» (см. Словарь: Фелес Муньос).

2950. См. Словарь: Оруженосец.

3035—3039. Все это место сильно попорчено и восстановлено по тексту «Хроники двадцати королей». См. Словарь: Бирбон.

3106. Горностай и т. д. — см. Словарь: Одежда.

3143. Курчавый из Граньона — см. Словарь: Гарсия Ордоньес.

3144а. Реставрировано по «Хронике двадцати королей».

3160. По-видимому, ссылка на какие-то два очень важных созыва кортесов, но какие именно — установить сейчас невозможно.

3210. «Добрые люди» (buenos omnes) уже в эту эпоху имело иногда значение «судьи».

3228. В рукописи — чрезмерно длинный стих. Менендес Пидаль принимает здесь полтора стиха и прибавляет полстиха от себя. Мы считаем более вероятной вставку переписчика и укорачиваем стих.

3321. «История Родерика» (источник всех хроник в отношении этого эпизода) говорит: «Взяты были в этой битве граф Гарсия, сын Ордония, Луп, сын Санкция, и Дидак, сын Петра, со многими своими рыцарями. Родерик, сын Дидака, отпраздновав победу, продержал их в плену три дня, а затем, отняв у них палатки и прочее добро, отпустил на волю». О бороде дона Гарсии не говорится ни слова. Впервые эпизод с бородой появляется в «Хронике двадцати королей», где, вероятно, он заимствован из «П. о С.» (см. Дополнение 3).

3324а. Восстановлено по «Хронике двадцати королей».

3543. В рукописи выпал лист, т. е. около пятидесяти стихов; они восстановлены по «Хронике двадцати королей».

3581. Всенощное бдение с оружием в церкви предписывалось перед посвящением в рыцари и перед судебным поединком. Сохранились соответствующие узаконения. Обряд этот часто встречается в рыцарских романах.

3630. Присяжные (fideles) составляли то, что мы теперь называем «жюри» или «арбитрами» со всеми вытекающими из этого обязанностями.

3647. Делить солнце — значило расставить бойцов так, чтобы они были в равно выгодных условиях, чтобы ни одному из них солнце не било в глаза.

3759. См. Словарь: Эльвира и Соль.

3761. «История Родерика» сообщает: «Преставился же Родерик в Валенсии в эру 1137, в июне месяце». «Первая Генеральная хроника», гл. 954: «Благородный муж отдал богу душу. Случилось это в эру 1132, по прошествии 15 дней месяца мая».

3768. В тексте: «Эра MCCXLV». Выяснилось, что одно «С» стерлось и надо читать: MCCCXLV, т. е., по нашему летоисчислению, 1307 г.

3769—3773. Эта шутливая присказка чтеца внесена в манускрипт другой рукой также в XIV в. El romanz означало — всякое сочинение на испанском, народном (в отличие от латинского) языке. Здесь мы перевели «песнь», так как речь идет о песни (cantar, gesta).

3772. Буквально «давайте сюда какой-нибудь заклад (заложите что-нибудь) — и, конечно, вам ссудят под него».

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В «ПЕСНИ О СИДЕ»

Абенгальбон — мавр, правитель Молины. Персонаж, по-видимому, вымышленный.

Аламос и Эльфа — персонажи не дошедшей до нас легенды. Имя Аламос нигде не встречается; Эльфа — распространенное женское имя.

Альвар Альварес — значится в брачном контракте Сида и Химены как «племянник» Кампеадора рядом с Альваром Аньесом.

Альвар Диас (ум. в 1111 г.) — вельможа, правитель Оки в Старой Кастилии, свояк эпического героя Диэго Ордоньеса.

Альвар Сальвадорес — знатный кастилец, младший брат графа Гонсало Сальвадореса; жил при дворе Фернандо I, Санчо II и Альфонса VI. Подписал, среди прочих свидетелей, брачный контракт Сида. Его участие в походе на Валенсию вполне возможно.

Альвар Аньес — впервые упоминается в грамоте, устанавливающей брачный дар Сида, в 1074 г. в «П. о С.» (ст. 2888) дочери Сида — двоюродные сестры Альвар Аньеса. Исторический Альвар Аньес был видным кастильским военачальником. В 1085—1086 гг. Альфонс послал его в Валенсию с ответственным поручением. В 1097 г. участвовал в походе Альфонса против Сарагосы. В 1099 г. был разбит альморавидами при Куэнке. С 1097 г. именуется сеньором Сориты (ср. ст. 746), с 1107 г. — Сориты и Санта-Уэрии. С 1109 г., в правление доньи Урраки, — губернатор Толедо. В 1110 г. отражает осаду альморавидов. В 1114 г. погиб под Сеговией, защищая права королевы против арагонцев. В «П. о С.» он все время состоит при дяде, что противоречит истории; его участие в завоевании Валенсии тоже апокрифично: в 1095 г. он был при дворе Альфонса. Понятно, что он перешел в народную поэзию как посредник между Сидом и Альфонсом, так как действительно пользовался доверием этого короля.

Альгуазил, или **альгуасил** — судебно-административная должность у арабов и испанцев, иногда наследственная («старшие альгуасилы», в отличие от «младших альгуасилов», низших судебно-полицейских чинов).

Алькад, или **алькайд** — комендант замка: не смешивать с «алькальдом» (судьей).

Алькаррия — горная местность между верховьями Энареса и Тахо.

Алькасар (арабское аль-каср) — высочайшая в городе башня над дворцом правителя. Иногда так называли весь дворец. Валенсийский алькасар помещался в самом центре города напротив главной мечети. Сид поселился в нем только в феврале 1095 г., через полгода после занятия города.

Алькосер — мавританский замок у устья реки Халон.

Альменар — 1) ныне Альменара, в 10 км от Мурвьедро; так же, как и этот последний, Алькосер был взят Сидом уже после захвата Валенсии, не ранее 1098 г. (вопреки утверждению «П. о С.», ст. 1104); 2) Альменар близ Лериды (см. Дополнение 3, «Кантилена», ст. 98) — замок, принадлежащий сарагосскому царю Мотамину; был осажден арагонцами и барселонцами в 1082 г. и освобожден Сидом. В 1093 г. взят арагонцами.

Альморавиды — мусульманская секта, отличавшаяся чистотой нравов и религиозным фанатизмом; возникла за Атласскими горами. Начало ей положил около 1039 г. проповедник Абдалах-ибн-Ясин. К 1042 г. он уже обратил всю Сахару, а в 1055 г. начал поход на Могриб (Передняя Африка). В 1061 г. он передал звание вождя Юсуфу-ибн-Тешуфину (см. Юсуф), который распространил власть Альморавидов на Испанию. Около 1120 г. там же, за Атласом (см.), возникло новое движение — альмохадов, которые оспаривали власть Альморавидов и к 1146 г. окончательно взяли верх над ними.

Альфонс VI — сын Фернандо (Фердинанда), леонский король с 1065 г. В битве при Гольпохере был разбит братом Санчо и изгнан из королевства. До смерти брата находит прибежище у Мамуна, царя толедского. По смерти Санчо воцарился над Леоном, Кастилией и Галисией (1072—1109), объединив снова все земли своего отца. Царствование его — сплошной ряд войн, большей частью успешных. Центральным моментом этих войн является взятие Толедо в 1085 г. Его дальнейшее победоносное продвижение в Андалузию было остановлено альморавидами, нанесшими ему три тяжелых поражения (Саграхас — 1086 г., Хаэн — 1102 г., Уклес — 1108 г.). В последней битве погиб его единственный сын (от мавританки Саиды), Санчо. После смерти Альфонса VI владения его отошли к дочери, донье Урраке (см. Раймунд, граф).

Арагон — часть бывшей римской провинции Тарраконы; завоевана вестготами в VI в., маврами в 714 г., освобождена в северной своей части Карлом Великим в 778 г., после чего вошла сначала в состав Франкской империи (до середины IX в.), а затем королевства Наварры (см.). После раздела земель Санчо III между сыновьями Рамиро получил Арагон с титулом короля и со столицею в Хаке (1035—1063); после него во времена Сида правили еще Санчо Рамирес, противник Сида, разбитый им в 1084 г. (1063—1094), и Педро I (1094—1103), союзник Сида в борьбе с альморавидами (1097). Во времена сложения «П. о С.», в 1137 г., Арагон соединился с Барселоной под скипетром

Раймунда Беренгария IV, пасынка дочери Сида Марии (см. Эльвира и Соль); отсюда — исторически неправильная версия «Песни», будто дочь Сида вышла за инфанта Арагонского.

Арбухуэло — долина близ Мединасели.

Асур Гонсалес — вероятно, сын Гонсало Асуреса и внук графа Асура Диаса из рода каррионских Вани-Гомесов (см.).

Атлас (по-испански Монтес-Кларос) — горная цепь в Северной Африке. Упомянутая в ст. 1195 война Юсуфа с маатласскими племенами в 1093 г. исторически не засвидетельствована. Вероятно, здесь — анахронизм (Менендес Пидаль). В 1120 г. за Атласом воцаряется берберская династия альмохадов, которая яростно воюет с альморавидами и в 1145 г. окончательно уничтожает их власть в Африке. В 1146 г. (около времени сложения «П. о С.») начинается их победоносное шествие по Испании; возможно, что отклики этих войн отразились в «Песне».

Бабьека — конь Сида. Буквальное значение этого слова — «пентюх», «дуралей». О происхождении этого коня поэтические памятники повествуют различно. «П. о С.» говорит (ст. 1593), что он был добыт в бою с царем, но и царь, и бой, как мы видели, вымышлены (см. прим. к ст. 1235). «Кантилена» (ст. 121) называет его: «конь, привезенный варваром заморским». В «Частной хронике Сида» мы находим вариант довольно обычного в героическом эпосе мотива «выбора коня». «Несколько времени спустя попросил он (Сид) у этого своего крестного (клирика Пейре Прингоса) жеребчика от какой-нибудь из его кобыл. И тот выпустил всех кобыл с жеребцами, и Сид не взял ни одного; а под конец выбежала кобыла с жеребцом очень безобразным и паршивым. И сказал Сид крестному: «Хочу этого». А крестный, рассердившись, сказал ему в гневе: «Дуралей, плохо выбрал!». И сказал тогда Родриго: «Это будет добрый конь, и имя ему будет Дуралей (Бабьека)». Германский герой Сигурд (в Волсунга-саге) тоже выбирает коня вместе со стариком и тоже выгоняет табун. Илья Муромец (Рыбников, I, стр. 319) покупает «жеребчика немудрого, бурого жеребчика косматого», из которого потом выходит богатырский конь.

Барон — часто это слово употребляется в поэме не в современном смысле (наследственный титул), а в общем значении: «рыцарь», «человек благородного происхождения», или еще шире — «смелый, доблестный воин».

Барселона — главный город графства того же имени. После завоевания франками в 801 г. Барселона стала административным центром Испанской марки. Образовавшееся в 864 г. самостоятельное графство Барселонское было подвассально франкскому императору, а потом французскому королю. Графы все время расширяли свои владения по обе стороны Пиренеев. В XII в. они путем брака даже присоединили к себе Арагон. Но вообще, отделенные от прочих испанцев языком (каталонский), барселонцы всегда держались особняком, даже после того, как были присоединены к испанской короне (1469). «П. о С.» называет барсе-

лонцев франками, подчеркивая связи их с южнофранцузской культурой. См. также Раймунд Беренгарий.

Бивар — ныне деревушка в шестьдесят домов (около двухсот жителей) в 10 км к северу от Бургоса, на берегу речки Увьерны. Эта речка и сейчас приводит в движение несколько мельниц, как во времена Сида (см. ст. 3415—3416). В 7 км от Бивара находится замок Увьерна, некогда отбитый отцом Сида, Диэго Лаинесом, у наваррцев. Очевидно, и замок Бивар служил для пограничной охраны против Наварры, граница которой тогда проходила в 15 км от Бургоса. В Бургосе находится францисканский монастырь, где до 1755 г. хранилась рукопись «П. о С.».

Бирбон — имя, вставленное в ст. 3035 вместо «Бельтран», которое противоречит ассонансу. Вставка произведена на основании следующего места из «Хроники двадцати королей»: «И было с ним много вельмож, так, например: граф дон Энрике и граф дон Рамон, и граф дон Фруэла, и граф дон Бирбон, и граф дон Гарсия Ордоньес, и дон Альвар Иуйас, и инфанты де Каррион, и Ансур Гонсалес, и Гонсало Асурес, и дон Педро Асурес, и много других вельмож». Сквозь прозаический текст «Хроники» явно проглядывает ассонированная тирада на «о». Очевидно, «Хроника двадцати королей» пользовалась более исправным текстом «Песни», чем наш. По предположению Менендес Пидаля, имя «Бельтрам» попало сюда как анахронизм, по причине значительности персонажа: Бельтран, граф де Каррион (с 1117 г.), родовитый вельможа времен королевы доньи Урраки и Альфонса VII, заменил мало известного Бирбона.

Борода — символ мужественности и почтенности. Поэтому «Песнь» называет Сида «бородою почтенным». Эта почтенность проявляется, между прочим, в том, что никогда враг не посмел ее коснуться (ст. 2861). Схватить человека за бороду — или, еще хуже, вырвать клок — считалось наихудшим оскорблением; местные законы, так называемые «фуэрос» (например, мирандский фуэро), постановляли: «Если кто-нибудь, мужчина или женщина, по своей продерзости, схватит женатого человека за волосы или бороду... пусть заплатит половину виры за убийство; если же откупиться не сможет, то да пробудет он в тюрьме тридцать дней, а после да будет он прогнан батогами по всему городу из конца в конец». Вот почему Сид, боясь бесчестья на суде, закрывает волосы и повязывает бороду (ст. 3127—3129). Этой священной бородою Сид клянется (ст. 3216—3217); такого рода клятва была очень распространена в средние века у христиан и у мусульман. См. «Поэма о Роланде», ст. 47:

> Рек Бланкандрин: «Клянусь рукою правой
> И бородой, что мне грудь обвевает».

Почти столь же часто встречаем мы обет не стричь волос и бороды, пока что-нибудь не будет исполнено (как в ст. 1253 и сл.). Конунг Харальд (IX в.) поклялся не стричься, пока не завоюет всей Норвегии (отсюда его прозвище: Прекрасноволосый). Это же можно встретить и в староиспанской литературе, и

в народной словесности, например в романсах. Борода и волосы отпускаются также в знак горя (см. еще прим. к ст. 1683, 3321).

Букар — неизвестный царь. «История» вместо него называет Магомета, зятя и племянника Юсуфа-ибн-Тешуфина, который, однако, в сражении не погибает. Имя Букара (может быть, искаженное Абу-Бекр, по Сиру Абу-Бекру, альморавидскому правителю Севильи, см. прим. к ст. 1235) упоминается у самых первых хронистов XIII в., Луки Туйского и Родриго Толедского. Любопытно, что оба хрониста расходятся с «Песнью»: у них Букар не убит Сидом. Эта версия, по-видимому, тоже была распространена в народных песнях, ибо и в старом романсе «Повстречался добрый Сид» — Букар, хотя и раненый, успевает сесть в лодку (эту версию, может быть, знал Родриго Толедский).

Бургос — город в Старой Кастилии. Соборная церковь, Санта-Мария де Бургос, построена Альфонсом VI в 1075 г.

Вадо де Рей (Королевский Брод) — место около Берланги, ныне не населенное.

Валенсия — главный город королевства того же имени; расположена посреди плодородной уэрты (см.), неподалеку от устья Гвадалавьара. Эпитеты Валенсии в «П. о С.» — «славная» (clara), «великая» (grand — ст. 2619) и «высокая», «бóльшая».

Вани-Гомес (искаженное арабское «Бени-Гомес», т. е. сыновья Гомеса) — могущественный род графов Каррионских. Имя это им дано арабами по одному из славнейших членов рода, Гомесу Диасу (конец X в.), графу Сальданьи, Льеваны и Карриона. Этот род в X и XI вв. управлял от имени леонских королей обширной территорией от Карриона до Саморы. Так, Гомес Диас был сыном Диэго Муньеса, графа де Сальданья; женат он был на Мумадонье, дочери первого графа Кастильи, прославленного героя Фернандо Гонсалеса. Графство Каррионское все время остается в их роду, так что младших членов их рода называют «инфантами де Каррион». В середине XI в. два брата, Гомес и Асур (внучатные племянники Гомеса Диаса), по-видимому, совместно управляли графством. Во времена Сида графом Каррионским был Педро Асурес, а его брат Гонсало Асурес (см. ст. 3039), по-видимому, в 1071 г. был альфересом (знаменосцем) леонского короля Альфонса. Когда этот последний после битвы при Гольпехере (1072) пошел в изгнанье, то братья Педро, Гонсало и Фернандо Асуресы последовали за ним, не покидали его во все время пребывания в Толедо у мавров и помогали его воцарению (1072). В то время Сид был важным лицом при дворе Санчо II, и приближенные Альфонса могли рассматривать его как врага. Поэтому очень возможно, что между Сидом и Вани-Гомесом действительно существовал антагонизм, отразившийся в поэме. Менендес Пидаль блестяще доказал, что Диэго и Фернандо Гонсалесы, графские дети, действительно существовали и могли быть сыновьями Гонсало Асуреса, т. е. происходить из рода Вани-Гомесов (ст. 3479) и графов Каррионских (ст. 3330). — См. Инфанты.

Вельможи. — Так мы передаем понятие ricos hombres, означающее высший разряд рыцарства в Испании. Можно думать, что в этом соединении слово ricos еще сохранило свое старое германское значение: по-готски reiks — «могущественный», а не «богатый». К вельможам причислялись графы и другие особо знатные лица.

Гавриил-архангел — в ст. 411—414 речь идет о том, что Гавриил является Сиду в сновидении. Эпизод этот, составляющий единственный сверхъестественный мотив во всей «П. о С.», следует рассматривать как наносный, он заимствован из «Песни о Роланде», где Гавриил постоянно служит посредником между героями и богом: дважды приносит он вести с неба, дважды является Карлу в видении, он же уносит душу Роланда в рай.

Галинд [']**Гарсиас** — арагонец, личность в истории не известная.

Галисия — составляла часть римской Тарраконы; в V—VI вв. была завоевана свевами, затем вестготами. Мавры никогда ею не владели. Присоединена была к Леону Фроилой I в VIII в. В 1065 г. Фернандо I завещал ее сыну Гарсии в виде отдельного королевства; но уже Санчо II присоединил ее к Кастилии.

Гальве (арабский Галиб) — не известная истории личность (см. Тамин, Фарис).

Гарсия Ордоньес, или **Гарси Ордоньес** — при Санчо II сеньор над Панкорво, с 1074 г. альферес короля Альфонса VI, с 1076 г. граф Нáхеры; назывался также сеньором Кабры и Граньона. Погиб в 1108 г. в битве при Уклесе, прикрывая щитом королевича Санчо, своего воспитанника. Гарсия Ордоньес был женат на донье Урраке, дочери наваррского короля Гарсии и двоюродной сестре Альфонса. Памятники не дают ясного представления о его личности. Были, несомненно, какие-то заслуги, ибо Гарсия Ордоньес пользовался неизменною милостью короля. Судя по многочисленным походам, в которых он участвовал, и по его героической смерти, он был человеком храбрым. Вследствие этого, а также ввиду его высокого положения, он, казалось бы, должен был пользоваться уважением современников; однако «История Родерика» рисует его трусом, не дерзнувшим выйти на Сида, когда тот вызывал его на бой в 1092 г., предварительно разграбив его земли. Согласно арабскому историку Ибн-Бассаму, Гарсия Ордоньес в насмешку звали «криворотым». «Курчавым из Граньона» называет его «П. о С.» (ст. 3143). Разные памятники описывают его позорное поражение при Кабре; не имея основания сомневаться в подлинности самого факта, мы вынуждены, однако, предположить, что памятники, восхваляющие Сида, дают не совсем полную картину отношений и вряд ли являются вполне надежными источниками для характеристики Ордоньеса (Каброю, по-видимому, он владел до смерти). Взаимная нелюбовь Сида и графа, вероятно, возникла еще тогда, когда после смерти короля дона Санчо бывший альферес Кастилии, Сид, должен был уступить первенство альфересу леонского короля, Гарсии Ордоньесу. То обстоятельство, что Гарсия Ордоньес в качестве поручителя подписал брачный контракт Сида, еще не сви-

детельствует о дружбе между этими двумя сановниками: может быть, семья невесты потребовала таких знатных и могущественных поручителей, как Гарсия Ордоньес и граф Педро Асурес; возможно также предположить, что первый из них участвовал в совершении этого акта, представляя особу короля.

Ги́спал — латинское название г. Севильи. «Гиспальский берег» — берег Гвадалквивира.

Гомес Пелайес. — Лицо с таким именем фигурирует в грамотах конца XI—начала XII в. Оно принадлежало к роду Вани-Гомесов.

Гонсало Асурес. — Персонаж этот, вероятно, тождествен с графом Гонсало, отцом инфантов де Каррион. См. Вани-Гомес.

Граф. — Звание это во времена Сида находилось на переходной ступени от должности к наследственному титулу. Граф управлял какой-либо областью от имени короля, но после его смерти король мог передать графство кому угодно. Однако уже существовало обыкновение отдавать графство либо сыну покойного, либо, по крайней мере, наиболее достойному члену той же семьи; поэтому уже можно говорить в применении к этой эпохе о «графских родах».

Гуадальфажара — ныне Гвадалахара, город на р. Энаресе.

Дения — город в Валенсийском королевстве. Во времена Сида находилась во власти сначала Моктадира, царя Сарагосы, а затем его сына Аль-Хаджиба.

Диэго Тельес — имя землевладельца, засвидетельствованное в купчих крепостях 1078 и 1092 гг. Между прочим, он купил землю у матери Альвара Сальвадореса (см.). Однако неизвестно, можно ли отождествить это лицо с упоминаемым в ст. 2842 вассалом Альвара Аньеса.

Жеро́ме (Жером) — дон Иероним из Перигора, клюнийский монах, около 1096 г. вывезенный из Франции первым толедским архиепископом (тоже клюнийцем), Бернардом де Седирак. Очевидно, Бернард отправил его немедленно в недавно покоренную Валенсию. Сид принял его и богато одарил. В 1098 г. Жероме был избран в епископы клиром и народом; папа Урбан II утвердил избрание. При этом епископ валенсийский был, согласно давней традиции, подчинен архиепископу толедскому. Поэма не совсем точно передает события. В Валенсии, где жило много мосарабов (т. е. испанцев, которые после арабского завоевания усвоили арабскую культуру, но сохранили свою религию и родной язык), и до Сида были епископы. Последний мосарабский епископ был даже назначен царем Алькадиром по указанию короля Альфонса. Кажется, этот епископ умер в 1087 г. и с тех пор до 1098 г. в Валенсии, видимо, не было епископа, так что Сид восстановил епархию. Сделал он это, однако, не сразу же после взятия города, как утверждает «Песнь», а через четыре года. Здесь в «П. о С.» опять-таки использован прием «концентрации». О личности и в особенности о военной доблести дона Жероме нам ничего не известно. В поэме он, по-видимому, скалькирован с фигуры воинственного епископа Турпина из «Песни о Роланде».

Идальго (латинское filius de aliquo, староиспанское fiho d'algo, позднее hidalgo, буквально «сын некоего», «чей-то сын», т. е. «сын неизвестного отца») — дворянин. «Дети благородных» (filii bene natorum) упоминаются уже в X в. Но испанское слово впервые встречается в «П. о С.». Идальго считался всякий дворянин по отцу, хотя бы мать его была из другого сословия и даже незаконной женой. В широком смысле слова к идальго причисляется весь рыцарский класс, от короля до беднейшего рыцаря. На рубеже XIII и XIV вв. под идальго разумеется низший разряд рыцарей.

Илерда — латинское название г. Лериды.

Император — титул, который присваивали себе некоторые испанские короли, притязавшие на верховную власть над всей христианской Испанией. Леонские короли присваивали себе его еще начиная с Санчо Старшего. Фернандо I и Альфонс VI титуловали себя в грамотах императорами Испании. После взятия Толедо Альфонс именуется «императором обоих исповеданий». Этот титул иногда признавался Арагоном и Наваррой, но вне Испании никогда не имел хождения. В 1135 г. императором провозгласил себя король Альфонс VII, поскольку король наваррский и граф барселонский признали себя его вассалами. Но за его потомками этот титул не укрепился.

Инфанты — титул, ныне применяемый только в отношении королевских детей, но в XI и XII вв. применявшийся к сыновьям всех знатных домов. Потому так именуются и зятья Сида, инфанты де Каррион (см. Вани-Гомес). Женитьба этих инфантов на дочерях Сида исторически не засвидетельствована, ибо хроники в данном случае черпают сведения из «П. о С.». В частности, очень мало вероятно, чтобы инфанты могли отвергнуть дочерей Кампеадора после того, как он взял Валенсию, когда такие магнаты, как Рамиро де Монсон, внук наваррского короля, или Раймунд Беренгарий III, властитель Барселоны, считали возможным породниться с Сидом. С другой стороны, трудно допустить, чтобы предание о таком браке было чистым вымыслом. Быть может, была какая-нибудь расстроившаяся помолвка еще в пору жизни Сида до его изгнания, и наш певец обошелся столь же свободно с хронологией, как и с именами обеих девушек (см. Эльвира и Соль).

Иньиго Хименес — знатный вельможа при дворе Альфонса Воинственного, короля арагонского (начало XII в.); возможно, что в 90-х годах XI в. был послом короля Педро.

Исидор, св. — епископ севильский (570—636), известный ученый средних веков. Кроме своей огромной энциклопедии («Этимологии») в 20 книгах, был автором ряда трудов по естествознанию, истории, каноническому праву и даже лексикологии. В «П. о С.» король постоянно клянется св. Исидором. Помимо того, что Исидор считался одним из патронов Испании, у леонского короля были и особые причины для его почитания. В 1063 г. мощи Исидора были перенесены в Леон, и соборная церковь стала называться его именем. Культ Исидора стал официальным, и двор поддерживал его.

Ита — местечко на севере провинции Гвадалахары. В средние века там была сильная крепость.

Кабра — замок в Севильском царстве (см. Гарсия Ордоньес).

Кампеадор — прозвище Сида, первоначально означавшее «боец», «ратоборец», но уже в XIV в. утратившее свой общий смысл и ставшее как бы вторым именем Сида. Относительно латинских форм этого прозвища см. примечания к «Кантилене» (ст. 18).

Каррион (полная форма — Каррион де-лос-Кондес, т. е. Графский Каррион) — область Леонского королевства, с городом того же названия (см. Вани-Гомес).

Кастехон — 1) Кастехон на Энаресе, первая крепость в Толедском царстве, которую Сид завоевал по выходе из Кастилии; 2) возможно, также — Кастельон-де-ла-Плана или Кастельон-дель-Дук, который Сид завоевывает вместе с Мурвьедро в Валенсийской области (ст. 1346).

Кастилия — «страна замков», область, где во время сопротивления маврам строились горные крепости. Сначала Кастилией управляли графы от имени астурийско-леонских королей, но в 923 г. граф Фернан Гонсалес добился самостоятельности. В 1026 г., после смерти графа Гарсии, Кастилия отошла к его зятю, наваррскому королю Санчо, который оставил ее в наследство своему сыну Фернандо I, как отдельное королевство. С этого момента Кастилия то объединялась под одним скипетром с Леоном, то отделялась от него, но уже оставалась королевством. Ко времени восшествия Альфонса VI на престол она простиралась только от Астурии до Эбро, ограниченная с запада леонскими, а с востока наваррскими и сарагосскими землями. Альфонс сильно раздвинул ее границы на юг, положив своими завоеваниями начало нынешней Новой Кастилии. В поэме Кастилия любовно называется «благородной» (la gentil) (см. Леон).

Кинейская дорога — распространенное название многих римских дорог в Испании. Здесь идет речь о такой именно дороге, пересеченной рекою Дуэро километров на десять выше Сант-Эстевана.

Колада — меч, будто бы добытый Сидом в бою у графа Раймунда Беренгария (ст. 1023) и после послуживший ему для того, чтобы разрубить пополам царя Букара и добыть второй меч, Тисону (ст. 2459). Название Колада, повидимому, означает «Литая». Сначала оба меча, чрез посредство дочери Сида, Марии Родригес, перешли в собственность королей арагонских. Колада в 1286 г. попала в руки дона Санчо IV кастильского. В XV в. оба меча оказались в Мадриде. В 1503 г. они описаны в инвентаре Сеговийского алькасара. Согласно этому описанию, у Колады перекладина (крест) и набалдашник — железные, посеребренные, с узором в шашечку, рукоять — деревянная с белой кожаной обмоткой, клинок — с желобами по обе стороны и отмечен на одной стороне четырьмя концентрическими кругами. После 1503 г. Колада нигде больше не появляется. В XVII и XVIII вв. показывали разные мечи, называя их Коладой, но подлинной Колады уже нет (см. Тисона).

Корпес — дубняк, ныне не существующий; находился в 20 км к югу от Сант-Эстевана. Между ними, в 7 км от того же города, вероятно, находилась башня доньи Урраки, куда Фелес Муньос (ст. 2841) привез избитых кузин к вечеру, так что тою же ночью без труда мог добраться с ними до Сант-Эстевана.

Кортесы (cort, cortes «двор», «королевский двор»). Первоначально это слово означало собрание, на котором сеньор совещался со своими вассалами и творил суд. Вассалы были обязаны являться на кортесы. Большей частью это относилось только к тем, кто находился при короле; но иногда бывали кортесы «провозглашенные» или «званые», куда стекались графы и вельможи со всего королевства. Король, согласно староиспанскому праву, обязан был назначить по меньшей мере трех судей из вельмож той страны, в которой собирались кортесы. Позже кортесами являлись не только собрания высшей знати, но и сословных представителей с совещательным голосом, собиравшиеся под верховным главенством короля.

Куарто — поле, начинавшееся приблизительно в 5 км к западу от Валенсии (см.), при выезде из ворот Беб-аль-Ханеш (Змеиные ворота), которые, может быть, народом назывались воротами Куарто. Здесь, согласно «Истории Родерика» и «Хронике двадцати королей», произошла битва между Сидом и альморавидами (1094 г.).

Лазарь — имя двух библейских персонажей. 1) В молитве Химены («П. о С.», ст. 351) речь идет о Лазаре, брате Марфы и Марии, воскрешенном Иисусом из мертвых (Евангелие от Иоанна, XI, 43). 2) Бедный Лазарь, согласно евангельской притче (Евангелие от Луки, XVI, 20), лежавший в струпьях у ворот богача, который после смерти попал в ад, в то время как Лазарь был упокоен в лоне Авраамовом. В средние века этот Лазарь почитался святым и покровителем прокаженных.

Лаин Кальво — один из двух судей, которых, по преданию, избрали кастильцы, недовольные леонским судом и королем Фроилом (около 900 г.). Вторым судьей был Нуньо Расуэра, от которого произошел первый кастильский граф Фернан Гонсалес. По легендарной генеалогии Сид был прямым или косвенным потомком обоих судей.

Леон — первоначально часть Астурийского королевства, выделившаяся около 910 г. в особое королевство, которое около 925 г. вновь соединилось с Астурией и Галисией под общим названием Леон. В 1037 г. Фернандо I, сын наваррского короля Санчо Великого, отнял Леон у своего шурина Бермудо III, и с тех пор Леон то отделялся от Кастилии (см.), то соединялся с нею, пока не произошло окончательное их слияние при Фердинанде Святом (1230 г.). Во времена Сида Леонское королевство считалось старшим в Испании, и леонские короли присваивали себе даже титул императоров Испании (см. Император).

Лига — 5,5 км.

Лонгин — согласно евангельскому преданию, римский воин, пронзивший копьем распятого Христа. Впоследствии о нем сложилось сказание, будто он

принял мученический венец в Каппадокии, и церковь причислила его к лику святых под именем Лонгина.

Маль-Аида (буквальный смысл этого прозвища — «Плохо дело») — не известный истории персонаж. Менендес Пидаль приводит грамоту 1144 г., в которой на землях, где прежде были поместья Сида, значатся «мельница Маль-Анда» и «Земля Педро Бермудеса».

Марка — вес полфунта серебра или золота. 1) В тираде 10 имеется в виду серебряная бургосская марка, так что если половина 600 марок была заплачена червонцами (ст. 187), то, очевидно, стоимость серебра была переведена на стоимость золота; 2) напротив, в ст. 2459 стоимость меча явно гиперболически определена в 1000 золотых марок. С XV в. стандартной серебряной маркой для всего королевства была признана бургосская, а стандартной золотой — толедская.

Мартин Антолинес — неизвестная личность. «Частная хроника Сида» (гл. 90) превращает его в «племянника героя, сына его брата Фернандо Диаса», что совсем нелепо, так как, по законам испанской патронимики, называться Антолинесом мог бы только сын Антолина.

Мартин Муньос. — В ст. 749 говорится: «Мартин Муньос, что правил Монт-Майором». Этот город находится в Португалии, и действительно, в 1080 г. некий Мартин Муньос был алгуасилом при Сиснанде ибн-Дауде, мосарабском вожде, которого Фернандо I сделал графом (см.) всей Португалии. Мартин Муньос был женат на дочери Сиснанда и после его смерти стал графом Коимбри; по-видимому, был с этого поста смещен графом Раймундом (см.), королевским зятем. В 1094 г. Мартин Муньос занимал место губернатора. Менендес Пидаль предполагает, что в этом году он отъехал к Сиду, будучи обижен на Раймунда и на короля. Действительно, имя его затем исчезает, и лишь в 1110 г. он появляется вновь в качестве ярого противника вдовы графа Раймунда, доньи Урраки, и сторонника Альфонса Воителя. В этом же году кастильцы берут его в плен. Несомненно, «П. о С.» имеет в виду это самое лицо; но несомненно также, что этот Мартин Муньос не мог быть при Сиде неотлучно во время его изгнания ни в 1081, ни в 1089 г. (см.: Альвар Аньес).

Медина — ныне Мединасели, во времена Сида город на границе владений короля Альфонса и мавританских земель.

Мельхиор, Гаспар и **Вальтасар** — апокрифические имена евангельских волхвов, пришедших поклониться младенцу Иисусу. Происхождение этих имен не известно. Впервые они встречаются в VII—VIII вв. в форме: «Мелихиор, Батисарея и Гатаспа». С XII в. широко распространены в церковной литературе.

Молина — мавританское владение, находившееся поблизости от Мединасели.

Моитес-Кларос — 1) горный массив к юго-западу от Сант-Эстебана, откуда вытекает Харама; 2) испанское название Атласа и страны, примыкающей к нему с юга; в этом случае мы переводим: Атлас.

Муньо Густиос — вассал Сида. Братья Химены, астурийский граф Родриго Диас и Фернандо, в 1083 г. подарили монастырю св. Викентия землю, «приобретенную от сестры нашей Ауровиты Диас и полученную ею по брачному контракту от супруга ее, Муньо-Густиоса». Этот же Муньо Густиос в 1113 г. скрепил купчую Химены. Итак, Муньо Густиос был свойственником Сида.

Мурвьедро — сильная крепость с большим замком, в 29 км от Валенсии, господствовавшая над побережьем. В 1098 г., т. е. через четыре года после взятия Валенсии, Сид напал на Мурвьедро, и после шестимесячной осады крепость сдалась. Жителям позволено было уйти, унося свое добро. Имущество оставшихся Сид вскоре захватил, а самих их пленными отправил в Валенсию. «П. о С.» ошибочно помещает взятие М. раньше взятия Валенсии.

Наварра — страна с баскским населением, расположенная по обоим склонам западных Пиренеев. Карл Великий освободил ее от мавританского ига (778 г.) и образовал в этих местах Наваррскую Марку с главным городом Памплуной (Памплона). В 831 г. Наварра стала самостоятельным графством, а в 857 г. граф Гарсия Хименес принял титул короля. Наваррский король Санчо III Великий (1000—1035) завоевал Арагон и Кастилию. После раздела земель между его сыновьями и после завоевания Леона доном Фернандо наваррская династия воцарилась над всей христианской Испанией. Отрезанная расширением Кастилии и Арагона от соприкосновения с маврами, Наварра уже не могла расти за счет реконкисты. Постепенно (с XIII в.) Наварра начинает тяготеть к Франции, и в ней воцаряются одна французская династия за другой.

Нуньо Альварес де Амая — знатный кастильский вельможа при дворе Фернандо I. Был родным братом Родриго Альвареса, деда Сида со стороны матери.

Одежда — 1) Мужская одежда состояла из рубашки и штанов; поверх рубашки надевался род камзола (brial) с узкими рукавами, доходившего до пят. Покороче его был кафтан, или шубейка (pel, pellizon), с меховой оторочкой и широкими рукавами (при горностаевой отделке все это одеяние иногда называлось «горностаем»). Поверх шубейки носили широкий плащ, застегнутый пряжкой. При ратном снаряжении упоминаются еще складчатая скуфейка (cofia), надевавшаяся под шлем, и нательник (velmez); оба предмета, очевидно, смягчали трение железа. 2) Женская одежда от мужской не отличается ничем, кроме головного убора и отсутствия штанов.

Охарра — не известная истории личность, именуемая в «Частной хронике Сида» и некоторых других Очоа Перес и Очоа Лопес. Охарра и Очоа — баскские имена и потому хорошо подходят для наваррского посла.

Оруженосец — человек благородного происхождения (идальго), еще не посвященный в рыцари, большей частью юноша, обучающийся всему, что должен уметь рыцарь. Он состоял при рыцаре, возил его оружие и деньги и исполнял другие поручения. Между прочим, в обязанности оруженосца входило сопровождение знатных дам. Поэтому впоследствии оруженосцами (escuderos) в Испании стали, между прочим, называть берейторов и конюших, которые провожали дам на про-

гулки. Вообще же после превращения рыцарства в дворянство оруженосцы составляли младший разряд этого сословия.

Пенья Кадьелья — ныне Беникадель, гора к югу от Валенсии, близ Дении. Здесь, согласно «Истории Родерика», Сид, вторично попавший в опалу, отстроил разрушенную маврами крепость и отсюда совершал набеги на окрестные селения.

Педро (или Пер, Перо) Бермудес — согласно «П. о С.», племянник и знаменосец Сида. Родство это исторически не установлено. В одной кастильской дарственной 1069 г. встречается подпись: «Дон Педро Бермудес, вельможа». Возможно, что это другой Педро Бермудес. Еще раз имя это встречается в документах в 1085 г., но уже без добавления слова «вельможа». В поэме (см. 3396) встречается игра слов: Vermudoz-mudo («немой»), а в «Рифмованной хронике» эта шутка Кампеадора перешла в прозвище: «Сын его брата, по прозванью Перо Мудо». Хроники пытаются подвести под тот же каламбур реальную базу, утверждая, будто Педро Бермудес гнусавил и язык у него заплетался.

Пехота. — Отношение рыцарей к этой части войска в «П. о С.» соответствует нравам и воззрениям феодальной эпохи. «Знайте, что не в счет идет у них пехота» (ст. 931), говорится в поэме. При дележе добычи пехотинец получал половину того, что полагалось всаднику (ст. 523—524), и староиспанские законы подтверждают это. При этом дележе, однако, имелось в виду не только социальное, но и экономическое различие: всадник должен был кормить коня; конь изнурялся, старел. Всадник, явившийся к войску без щита, меча и копья (т. е. получавший все это от сеньора), тоже мог претендовать лишь на половину доли в добыче. Пехотинец, не имевший своего копья и ножа, получал только плату, но ни на какую долю добычи рассчитывать не мог. Учитывалось, понятно, и то, что всадник при тогдашних условиях войны приносил гораздо больше пользы, чем пехотинец.

Питомцы. — По феодальным обычаям, в случае смерти вассала сеньор должен был растить и воспитывать его детей. Воспитанники феодала именовались питомцами.

Пятина — пятая доля добычи, причитавшаяся военачальнику. Обычай этот на континенте не известен и заимствован испанцами у арабов, которые, правда, отдавали пятину на другие цели, исходя из предписаний Корана: «Знайте, что пятая часть из взятой вами добычи принадлежит богу, пророку, родителям, сиротам бедным и путникам». Правда, кастильские законы настоятельно приказывают отдавать пятину только королю, а другим начальникам лишь седьмую или десятую долю, смотря по их рангу. Но, по-видимому, у атаманов, грабивших мавританскую землю, были королевские замашки, а изгнанник и вовсе не считался с законом.

Раймунд, граф — четвертый сын графа Вильгельма Бургундского (1057—1087), брат папы Калликста II (1119—1124), муж доньи Урраки, дочери Альфонса VI, отец Альфонса VII (см. Император). Тесть сделал его графом

Галисии и Португалии, которую ему, впрочем, пришлось уступить графу Энрике (см.). Король собирался оставить Раймунду свою корону после смерти; но Раймунд умер раньше (в 1107 г.); его жена, Урака, вышла замуж за арагонского короля, Альфонса-Воителя. Она воевала сперва со своим мужем, затем с сыном от первого брака, «императором» Альфонсом VII, и умерла в 1126 г.

Раймунд Беренгарий, граф Барселонский — в «П. о С.» ошибочно назван как граф Беренгарий-Братоубийца, сын Раймунда Беренгария Старого; сперва Беренгарий правил вместе с братом Раймундом, затем он убил его. Этот Беренгарий дважды сражался с Сидом и оба раза был взят в плен (в 1081 и 1090 г.) (см. Дополнение II и прим. к ст. 977 и 1049). В 1098 г., обвиненный в братоубийстве, Беренгарий бежал в Палестину. Племянник его, Раймунд Беренгарий III, женился на дочери Сида.

Рахиль и **Иуда.** — Певец принял еврейское женское имя Рахиль за мужское. Второе имя читается всеми издателями «П. о С.» как Видас, потому что такое имя (готского происхождения) действительно существовало в средневековой Испании, и начертание в рукописи ближе всего к такому произношению. Однако при тогдашнем начертании букв между VI и IV почти никакого различия не было, и IVDAS (распространеннейшее и всякому хорошо известное еврейское имя) могло быть ошибочно прочитано как VIDAS. То, что евреи живут за оградою замка (ст. 99), — дело вполне возможное. Городские управления предпочитали отводить евреям место для жительства поближе к укреплениям. Овьедское постановление от 1274 г. гласит: «Так как евреи рассеялись по городу и селятся врозь, от чего происходит вред для города по разным причинам, которые мы не желаем объявлять, приказываем, чтобы впредь евреи и еврейки жили в Подзамке [Socastiello], от ворот Замка до новых ворот Подзамка, все вместе, и за воротами, если пожелают». Таким образом, устанавливалось огражденное гетто. В частности, в Бургосе евреи, видимо, были связаны с замком; когда в 1126 г. этот замок перешел в руки арагонцев, евреи вместе с кастильцами штурмовали замок и вернули его Кастилии («Хроника Альфонса VII», гл. III). В «П. о С.» обман Сида так и остается без последствий. В ст. 1456 евреи грозят явиться в Валенсию за деньгами; какова сила этой угрозы и какой бытовой факт за нею скрывается, невозможно выяснить. «Первая Генеральная хроника» дает совсем другую картину. Гл. 923: «И кроме того, повелел он [Сид] дать им [своим посланцам, Альвару Аньесу и Мартину Антолинесу] 600 марок — 300 золотых и 300 серебряных, — чтобы они вручили их Рахилю и Иуде, бургосским купцам, у которых он их взял, когда уходил в изгнание. И сказал он Мартину Антолинесу: „Хорошо вам это известно, ибо вы взяли их под мое честное слово; и скажите им, чтобы они меня простили, ибо обман с сундуками совершил я против воли“». «Частная хроника Сида» (гл. 214) прибавляет, что Сид велел уплатить Рахилю и Иуде столько лихвы, сколько они сами назначат. Так как у хроник для этого эпизода нет другого источника, кроме какого-то варианта нашей «Песни», то надо пола-

гать, что один из перепевателей с более чувствительной совестью пожелал обелить героя.

Рыцари (кавальеро) — первоначально просто «всадники», т. е. крестьяне, явившиеся к войску на конях. С усилением значения кавалерии росли социальные и имущественные привилегии всадников, которые постепенно выделяются в особое сословие рыцарей. В Кастилии уже в конце X в. различают рыцарей-идальго (т. е. благородных) и всадников-вильянов. Против первых на суде имел право свидетельствовать только идальго, против вторых — всякий. Эти группы, по-видимому, рано обнаруживают тенденцию к слиянию. Также и переход из пехотинцев во всадники зависел почти исключительно от обладания конем и оружием (см. прим. к ст. 1226). Короли Альфонс VI и Альфонс VII, например, разрешали всем толедским пехотинцам-христианам по желанию становиться рыцарями (milites). Вероятно, дети или внуки такого всадника становились благородными идальго. К концу XII в. рыцарство уже является более замкнутой кастой. Что касается «посвящения» в рыцари, то этот обряд, вероятно, тоже постепенно выкристаллизовался из очень древнего обряда «опоясания мечом» (встречается еще в VIII в.), но завершился ли этот процесс во времена Сида, точно не известно. В благородных семьях юноша до опоясания мечом считался оруженосцем.

Это звание упоминается уже в конце XI в.; имеется оно в «П. о С.».

Саагун (Сан-Факунд) — местечко в Леоне. Монастырь св. Факунда был первым прибежищем Альфонса VI, когда Санчо II отнял у него корону. Вернувшись к власти, Альфонс изъял монастырь из-под светской юрисдикции, осыпал его дарами и завещал похоронить там свое тело. Поэтому пребывание короля в Саагуне вполне естественно.

Сан-Педро де Карденья — старинный кастильский монастырь, существовавший уже во времена вестготов. О пребывании семьи Сида в Сан-Педро де Карденья исторически ничего не известно; но донью Химену похоронили в этом монастыре.

Сан-Сальвадор — собор спасителя в Овьедо, главном городе Астурии.

Санта-Мария д'Альбаррасин (или д'Ориенте) — главный город мавританского царства у истоков Хилоки. Во времена Сида там правил Абу-Мерван ибн-Разин, то интриговавший против Сида, то сговаривавшийся с ним (см. Мурвьедро) и плативший дань ему и Альфонсу. В 1093 г. всадники Абу-Мервана едва не убили Сида, который в стычке с ними был тяжело ранен.

Сант-Эстеван де Гормас — город на р. Дуэро. Согласно «П. о С.», признавал своим сеньором Альвара Аньеса (ст. 2879). Певец с большим одобрением отзывается о жителях Сант-Эстевана (ст. 2849).

«Сант-Яго!» (т. е. «Святой Иаков!») — боевой клич воинов Сида ст. 741, которые призывают на помощь святого Иакова Компостельского, патрона Испании. Клич этот засвидетельствован в середине XIII в. хроникой Родриго Толедского (IV, 13), который говорит, что со времени битвы при Клавихо принят был

боевой возглас: «Помоги боже и святой Иаков!». Имеется в виду апостол Иаков (Старший), по преданию убитый Иродом Агриппой в 44 г. н. э. Совершенно апокрифическое испанское сказание, существовавшее еще до VII в., утверждает, будто прах его был чудесным образом перенесен в Галисию, где он якобы по сей день хранится.

Санчо — аббат Сан-Педро де Карденья. Среди аббатов этого монастыря такого имени нет. Во времени Сида аббатом там был св. Сисебут.

Сарагоса — во времена Сида главный город мусульманского царства того же имени, где правила династия Бени-Худов.

Себастьян, св. — христианский мученик, ум. в 288 г.

Себолья (искаженное арабское «**джубайла**» — холмик, горка) — крепость на холме в восемнадцати километрах к северу от Валенсии. Согласно «Истории Родерика», Сид взял эту крепость и построил там город (в 1093 г.). Себолья стала опорным пунктом его операций против Валенсии.

Сид — по арабски «господин». Этот почетный титул (обычно с присоединением местоимения «мой») встречается в испанских грамотах перед именами испанских сеньоров, у которых были мусульманские вассалы или данники. Например, «Мой Сид Педро Родригес, рыцарь» (1077), «Мой Сид дон Бартоломео» (1105), «Ордоньо Перес, сын Перо Руиса, моего Сида» (1206) и др. При имени Родриго Диаса это титулование впервые встречается в латинском «Стихе об Альмерии» (см. Приложение 2, стр. 216). Так как «Стих», по-видимому, уже знаком с какими-то песнями о нашем герое, вернее всего с «П. о С.», то его показания не выводят нас в этом отношении за пределы народнопоэтического творчества. Исторические памятники никогда не титулуют Родриго Сидом.

Сьерра де Мьедос — горная цепь между провинциями Гвадалахара и Сория.

Тамин — вымышленный царь Валенсии.

Тевар — сосновый бор, название которого было известно еще в XIII в., но ныне утерялось; находился он между Тортосой и Морельей, которые во времена Сида принадлежали Аль-Хаджибу.

Тисона — меч, добытый Сидом у царя Букара. В 1233 г. дон Хайме I Завоеватель, король арагонский, рубился им при осаде Буррианы. Описана Тисона в том же инвентаре, что и Колада. Эфес — серебряный, украшенный замками и львами; клинок с желобами по обе стороны и с золотою надписью. Рукоять, судя по эмблемам, — поздняя, поставленная каким-нибудь королем Кастилии и Леона; клинок же (без рукояти), может быть, до сих пор хранится в Королевской оружейной палате. Длина этого клинка — 92 см, ширина — 4.8 см.

Толедо — некогда столица вестготских королей, затем (с 712 г.) главный город мусульманского царства, в котором во времена Сида сначала правил Мамун, плативший дань кастильским королям. В 1085 г. Толедо присоединен к Кастилии и становится королевской резиденцией.

Троицыа месса (месса во имя пресвятой троицы) — одно из излюбленных в Испании богослужений. Церковь даже выражала порицание тем, кто заказывал

или служил эту мессу в непоказанное время, ибо суеверные люди считали, что она действительнее других богослужений.

Увьерна — река, протекающая через Бивар (см.).

Уэса — местечко в 25 км от Монтальбана.

Уэска — город, до 1096 г. принадлежавший маврам и находившийся почти на границе тогдашнего Арагона. Ст. 952 означает, что победы Сида отзываются до крайнего севера мусульманского мира.

Уэрта — долина, занятая садами и огородами. Валенсийская Уэрта, окружающая город, знаменита своим плодородием.

Фарис. — Так же как Гальве и предполагаемый его сеньор Тамин, историей не засвидетельствован. Как имя нарицательное, по арабски «фарис» значит «всадник». В «Первой Генеральной хронике» (гл. 848) сказано: «Немного времени спустя, сразился Сид Руй Диас в Мединасели с мавром по имени Фарис, который был отличным витязем, и победил его Сид и убил его». Но это произошло в 1066 г., за четверть века до событий, описываемых в «П. о С.» Возможно, что здесь действует все тот же процесс «концентрации».

Фелес Муньос — племянник Сида, упоминаемый только в «Песни» и в «Хронике двадцати королей». Остальные хроники заменяют его столь же неизвестным Ордоньо. Приключения Фелеса Муньоса в дубовом лесу Корпес описаны в этих хрониках гораздо подробнее, — видимо, по другой, более пространной версии «П. о С.». Передаем ее сжато по «Первой Генеральной хронике» (гл. 934, 935, 936). Ордоньо, по приказу Сида, тайно следует за инфантами пешком. Услышав крики сестер, он бежит к ним и застает их избитыми. На плечах он относит их в укромное место и устраивает им ложе из листьев. Здесь он оставляет их и уходит в деревню, где выпрашивает подаяние; так он кормит сестер семь дней. Затем он находит крестьянина, который знает Сида. Тот с двумя сыновьями отправляется в лес и приводит молодых женщин в свое жилище. Ордоньо пешком идет известить Сида. Он везет письмо от сестер, писанное кровью. По дороге он встречает Альвара Аньеса и Педро Бермудеса, которые едут с дарами к королю. Они решают ехать дальше и принести Альфонсу жалобу на инфантов, а Ордоньо отправляют к Сиду. В это время сто рыцарей Сида, сопровождавших своих сеньор и инфантов под начальством Педро Санчеса, видят, что инфанты вернулись из лесу забрызганные кровью и без жен. Они требуют у злодеев отчета. Те, испугавшись, указывают, место, где остались их жены, но уверяют, будто не сделали им никакого зла. Рыцари едут туда, но находят лишь следы крови: сами пострадавшие исчезли. Рыцари громко окликают их; но Ордоньо, думая, что это инфанты, не отзывается. Тогда рыцари пытаются нагнать злодеев, чтобы отмстить, но те уже слишком их опередили. По совету бургосца Мартина они отправляются в Кастилию и приносят жалобу королю.

Флажок — маленькое знамя, прикрепленное к копью, носить которое имел право лишь заслуженный воин или начальник отряда. В ст. 733 говорится: «Триста копий у них, и флажок есть на каждом». Наличие флажка очень цени-

лось. Муниципальный закон Куэнки гласил: «Рыцарь или пехотинец, потерявший копье перед воротами замка или города в теле мавра (т. е. когда копьеносец, вонзив копье в мавра, не мог его выдернуть обратно и должен был оставить), за копье с флажком да получит два золотых, а за копье без флажка — один золотой».

Фроила (или Фруэла) Диас — сын Диэго Родригеса, графа Астурии, и Химены, дочери короля Альфонса V. Таким образом, Фроила был родным братом доньи Химены, жены Сида. Сам он был женат на Эстевании Санчес, инфанте наваррской. В грамотах он фигурирует с титулом графа дона Раймунда Галисийского (см.). Сын его был графом Леона при Альфонсе VII.

Халон — правый приток р. Эбро.

Хатива — населенный пункт в провинции Валенсия.

Херика — населенный пункт в провинции Кастельон.

Химена Диас — дочь графа астурийского, Диэго Родригеса, и инфанты леонской Химены, двоюродная сестра Альфонса VI. В 1074 г. вышла замуж за Сида. Согласно «Истории», в 1089 г. была заключена в темницу своим кузеном Альфонсом VI, но вскоре выпущена, после чего последовала в изгнание за мужем. Это расходится с показанием «П. о С.», где Химена выезжает в землю мавров уже после взятия Валенсии (1094 г.). После смерти Сида Химена правила Валенсией с 1099 г. до ее отвоевания маврами в 1102 г., затем жила в Кастилии. После 1113 г. следы ее теряются. В вопросе о детях Химены и Сида «Песнь» также расходится с «Историей Родриго», которая говорит: «Король Альдефонс... дал ему в жены племянницу свою госпожу Эхимену, дочь Дидака, Овьедского графа, от которой родились у него [Сида] сыновья и дочери». Исторически известен только один из этих сыновей — Диэго Родригес, павший в битве при Консуэгре в 1097 г., 22 лет от роду. Однако были и другие сыновья. В 1101 г. Химена составила дарственную в пользу валенсийского собора «с согласия сыновей и дочерей, а также добрых моих вассалов».

Холм Сида. — Эта возвышенность, известная под названием «Холм моего Сида», еще в XIII в. значилась среди пограничных пунктов области Молина.

Хукар — река между Хативой и Валенсией.

Эльвира и Соль. — Дочерей с такими именами у Сида, по-видимому, никогда не было. Относительно «Соль» еще можно предполагать, что это прозвище при христианском имени. В XI—XII вв. нередко встречается в грамотах «Мария, по прозвищу Соль», т. е. «Солнце». Но относительно Эльмиры такого предположения сделать нельзя. О браке дочерей Сида с инфантами де Каррион тоже ничего не известно. Тех дочерей Сида, через которых он породнился с Наваррой и Арагоном, звали Христиной и Марией.

Эирике (Генрих) — граф Генрих Бургундский, внук бургундского герцога Роберта I (1032—1075) из династии капетингов и племянник испанской королевы Констанции, дочери Роберта и жены Альфонса VI. Около 1095 г. женился на побочной дочери короля Альфонса и был назначен графом (правителем) Порту-

галии и Коимбры. Он закрепил за собой всю страну от Миньо до Тахо, и после его смерти (1114) она перешла к его сыну Альфонсу, впоследствии королю португальскому (с 1140 г.) и основателю династии, процарствовавшей до конца XIV в

Юсуф ибн-Тешуфин (1059—1106) — вождь из племени ламтуни, которого Абдаллах, шейх альморавидов (см.) сделал эмиром. В 1061 г. Абдаллах передал ему свою власть. Юсуф основал столицу в Марокко и оттуда захватил весь Могреб до Сеуты. Уже в 70-х годах XI в. испанские царьки, теснимые Альфонсом VI, просят Юсуфа о помощи, неоднократно призывая его на полуостров. Юсуф четыре раза переправлялся через пролив (1086, 1089, 1090, 1097); он одержал две крупные победы над Альфонсом — при Саграхас (1086) и при Консуэгре (1097). Он смещал мавританских царьков в Испании, как хотел. Альвара Аньеса его войска разбили два раза (1090 и 1097). Лично против Сида Юсуф не выступал никогда; но его войска дважды были разбиты на голову Кампеадором (1094 и 1097). Зато после смерти героя альморавиды снова овладели Валенсией.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции . . . . . .

ТЕКСТ

Песнь о моем Сиде. (Перевод *Б. И. Ярхо*, переработанный *Ю. Б. Корнеевым* и *А. А. Смирновым*) 9

ДОПОЛНЕНИЯ

1. Из «Хроники двадцати королей». («Перевод *Б. И. Ярхо*) 133
2. Из «Истории Родерика». (Перевод *Б. И. Ярхо*) 136
3. Кантилена о Родерике. (Перевод *Б. И. Ярхо*) 140
4. Из поэмы «Родриго». (Перевод *Б. И. Ярхо*) 145
5. Избранные романсы о Сиде. (Перевод *Ю. Б. Корнеева*) 150

ПРИЛОЖЕНИЯ

Испанский героический эпос и сказания о Сиде. (*А. А. Смирнов*) . . . 165
«Песнь о Сиде» как литературно-исторический и художественный памятник. (*А. А. Смирнов*) 214
Комментарии к «Песни о Сиде». (*А. А. Смирнов*) 227
Словарь собственных имен, географических названий и терминов, встречающихся в «Песни о Сиде». (*А. А. Смирнов*) 236

ПЕСНЬ О СИДЕ

Староиспанский героический эпос

*

Утверждено к печати
редколлегией серии «Литературные памятники»

*

Редактор издательства *Б. Д. Летов*
Титул, шмуцтитулы, заставки и концовки
работы художника *М. И. Разулевича*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *Г. А. Аухимович*

*

Сдано в набор 9/III 1959 г. Подписано
к печати 11/V 1959 г. РИСО АН СССР
№ 7-100В. Формат бумаги 70 × 92/16. Бум.
л. 8. Печ. л. 16 = 18.72 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 12,61. Изд. № 932. Тип. зак. № 84.
Тираж 5000.
Цена 9 р. 55 к.

Ленинградское отделение Издательства
Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ПЕСНЬ О СИДЕ

ПЕСНЬ О СИДЕ